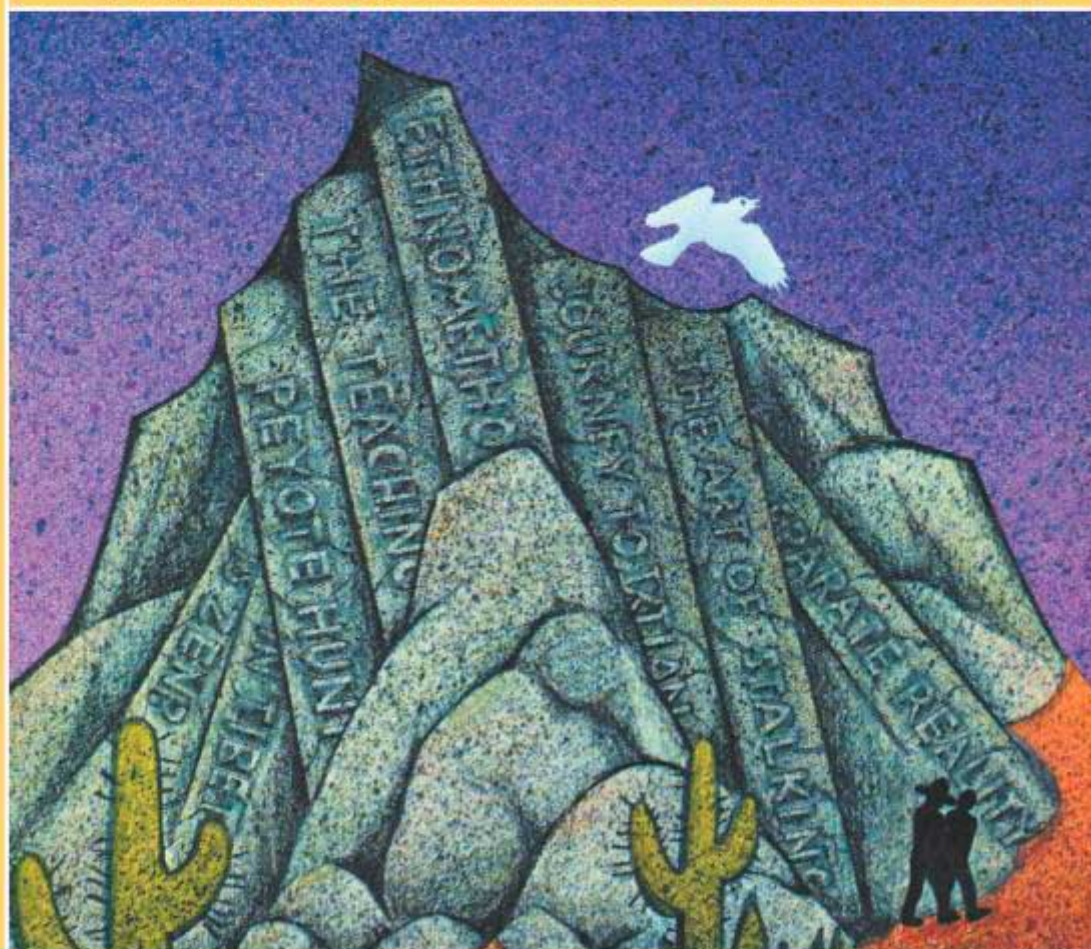

"Fascinating and delightful reading"

—*American Anthropologist*

The Don Juan Papers

FURTHER CASTANEDA CONTROVERSIES

RICHARD de MILLE

The Don Juan Papers

Further Castaneda Controversies

**Edited by
Richard de Mille**

**QVOVSQVE TANDEM ABVTERE
CASTANEDA PATIENTIA NOSTRA**

WADSWORTH PUBLISHING COMPANY

Belmont, California

CONTENTS

1. The Art of Stalking Castaneda
Richard de Mille

I. Seduction of the Sophisticates

2. The Shaman of Academe
Richard de Mille
3. The Authenticity of Castaneda
Mary Douglas
4. A Yaqui Way of Kidding
Jane Holden Kelley
5. Roasting Rabbits in Tularemia or The Lion, the Witch, and the Horned Toad
Hans Sebald
6. Validity is not Authenticity: Distinguishing Two Components of Truth
Richard de Mille
7. Ethnomethodallegory: Garfinkeling in the Wilderness
Richard de Mille
8. Realities Loved and Unloved
Tobias Schneebaum
9. Chimera of the Upper Amazon
Robert L. Carneiro
10. Cataloging Castaneda
Sanford Berman
11. Publishing the Factoids
Richard de Mille
12. Uclanthropus Piltdunides Castanedae
Richard de Mille
13. Sonoragate or Tales of Folly
Richard de Mille

II. Insult and Argument

14. Castaneda and His Apologists: A Dual Mystical Fantasy
Agehananda Bharati
15. I Come to Praise Carlos, Not to Bury don Juan
Philip Staniford
16. Don Juan on Balance
Stan Wilk
17. Science as Religion
Richard de Mille
18. Seeing and Seeing Through Castaneda
Richard de Mille and Daniel Noel
19. Religion as Science
Bob Gover, Richard de Mille, and Paul Christoffers
20. R. de Mille Doesn't Exist
Erin Matson
21. The Guru
Kenneth Minogue
22. The Invisibility of Scientific Scorn
Stephen O. Murray

III. Spun by the Ally

- 23. Fictions of Art and of Science or Does it Matter Whether don Juan Really Exists?
Paul Riesman
- 24. Castaneda and Parapsychology
Richard Reichbart
- 25. Seven Years with don Juan
Neil Erickson
- 26. Tell it to the Toltecs
Richard de Mille

IV. Carlos in the Realms of Discourse

- 27. Sergeant Castaneda and the Photos of don Juan: Transforming the Special Consensus
Richard de Mille
- 28. Carlos and the Toltec Devils
Douglass McFerran
- 29. If don Juan did not Exist, It would be Necessary to Invent Him
Stephen J. Reno
- 30. Learning by Not-Doing: An Uncanny Curriculum
Richard de Mille
- 31. Reading *Journey to Ixtlan*
Carl R. V. Brown
- 32. Chicanos in the Web of Spider Trickster
Bruce-Novoa
- 33. Going Back to *Ixtlan*
Jean W. Cox
- 34. Parabolist's Progress
Lynn Luria-Sukenick
- 35. Epistemallegory: 1 fly, therefore. . . .
Richard de Mille
- 36. From Two Worlds to One
Richard McDermott
- 37. Plato's Hierarchy of Visions: Hallucinatory, Sensate, and Paradigmatic
Carl A. P. Ruck
- 38. The Cactus Couch of Doctor Matus or The Psycho-Path with Heart
Richard de Mille

V. Understanding Castaneda

- 39. A Worthy Opponent
Richard de Mille
- 40. Allegory is not Ethnobotany: Analyzing Castaneda's Letter to R. Gordon Wasson and Carlos's Spanish Fieldnotes
Richard de Mille
- 41. Almost We Cannot Speak About It
Ramón Medina Silva
- 42. Conversations with Yoawima
Richard de Mille interviews Barbara Myerhoff
- 43. A Portrait of the Allegorist
Richard de Mille

VI. Appendices

- 44. Alleglossary

45. Notes

46. References

Index

Corrections and Notes Added in 2000

Annotated References Added in 2000

ILLUSTRATIONS

Carlos Castaneda in 1965

Categories of Truthfulness

Soul Catcher

Bow Drum

Letter from Erin Matson to RdeM

Walking the Plank

Journey to Erickson

Three Faces of Carlos

Don Juan's Drawing

Spider-Trickster

The Catalina, a Charming Hotel

If-Ifer Wades

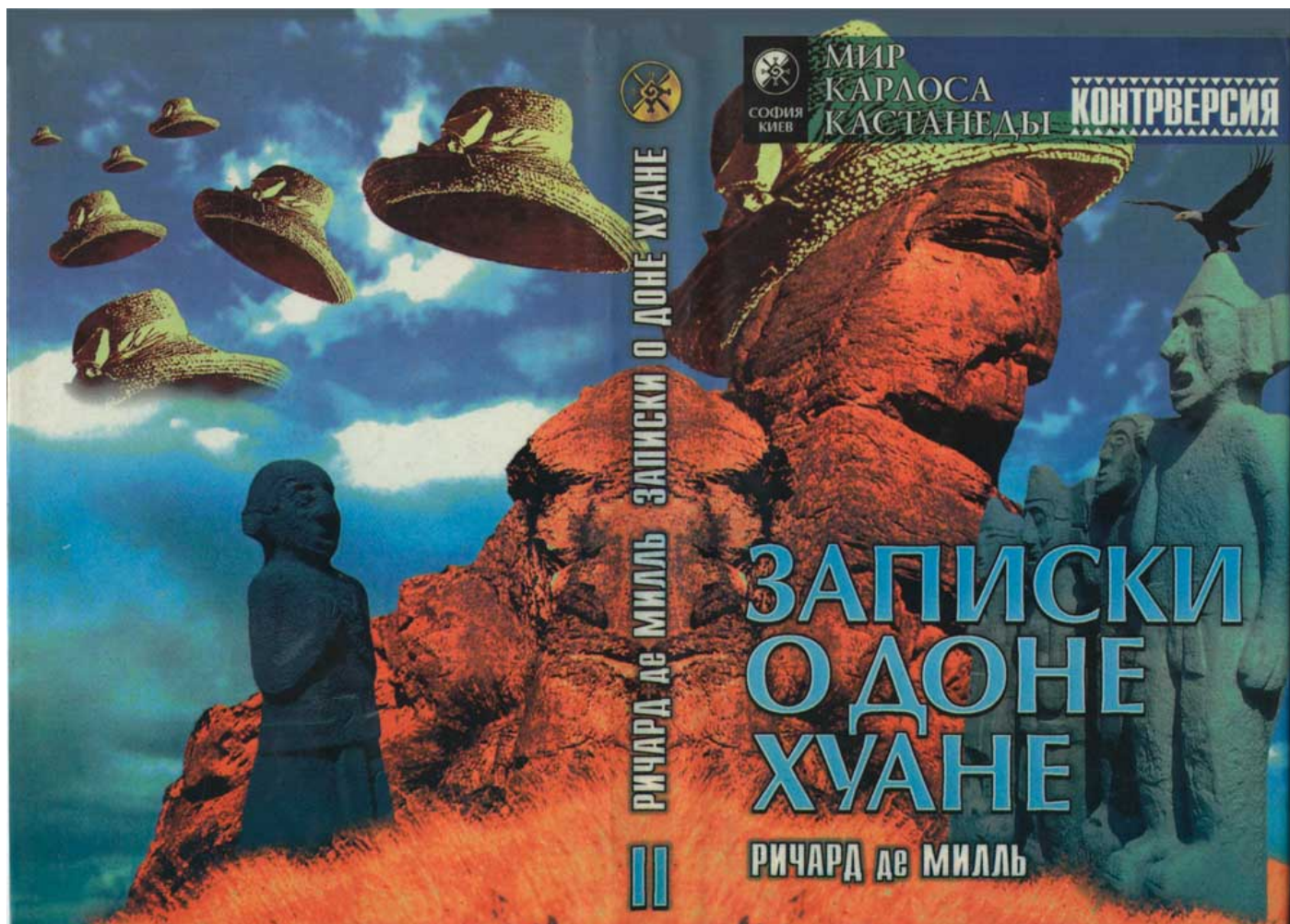
Feeling the Power of the Ocean

La Catalina, a Worthy Opponent

Carlos Arana as a Child

Carlos Arana as a Youth

The - Editor

РИЧАРД ДЕ МИЛЛЬ

ЗАПИСКИ О ДОНЕ ХУАНЕ

II

«СОФИЯ», КИЕВ 1996

Перевод:

И. Еремеев, В. Ижакевич, Я. Жук,

К. Семенов, В. Трилис, Н. Шпет

Редактор:

Ю. Смирнов

Суперобложка:

Е. Ющенко С. Михай

Ричард де Милль. Записки о доне Хуане. Книга 2.

Пер. с англ. — К.: «София», Ltd. 1996. — 288 с.

Всем, кто любит книги Карлоса Кастанеды, будет интересно узнать различные подробности его жизни. В «Записках о доне Хуане» представлена научная (и ненаучная тоже) полемика, развернувшаяся вокруг книг Кастанеды и его личности.

Но те, кто принял идеи дона Хуана, ищут решения духовных проблем, а не научных классификаций. Мы думаем, что критические замечания и разоблачения, содержащиеся в статьях сборника, не только не ослабят интереса к книгам Кастанеды, но еще больше усилят его. Возможно, «Контрверсия» поможет поклонникам Кастанеды увидеть новые аспекты его работ и, наряду с множеством измерений, которые его книги открывают читателю, обрести новые.

Каким-то образом все эти научные и прочие «доказательства» Великой Мистификации ничуть не снижают доверия к Карлосу Кастанеде — скорее, укрепляют его.

Учение дона Хуана навсегда сохранит свою привлекательность и воздействие на все новые поколения тех, кто становится на *Путь Знания*.

ISBN 5-7101-0062-5

© «София», Киев, 1996

СОДЕРЖАНИЕ

Часть IV

КАРЛОС В РЕАЛЬНОСТИ СЛОВА

27

Ричард де Милль

Сержант Кастанеда и фотографии дона Хуана: трансформация особого соглашения

28

Дуглас Макферран

Карлос и толтекский дьявол

29

Стефан Дж. Рено

Если бы дона Хуана не существовало, его следовало бы выдумать

30

Ричард де Милль

Обучение неделанию: сверхъестественная учебная программа

31

Карл Р. Б. Браун

Читая «Путешествие в Икстлан»

32

Брюс-Новоа

Чикано в паутине паука-обманщика

33

Джейн У. Кокс

Возвращение в Икстлан

34

Линн Ауриа-Сукеник

Прогресс баснописца

35

Ричард де Милль

Эпистолярная аллегория: я летаю, следовательно...

36

Ричард Макдермотт

Из двух миров в один

37

Карл А. П. Рукк

Платоновская иерархия видений: галлюцинаторные, чувственные и парадигматические

38

Ричард де Милль

Ползучий кактус доктора Матуса, или Отважный психопатолог

Часть V
ПОСТИЖЕНИЕ КАСТАНЕДЫ

39

Ричард де Милль

Стоящий противник

40

Ричард де Милль

Аллегория — не этноботаника: анализ письма Кастанеды Гордону Уоссону и заметок Кастанеды на испанском языке

41

Рамон Медина Сильва

Об этом очень трудно говорить

42

Ричард де Милль

Беседы с Йоавимой

43

Ричард де Милль

Портрет аллегориста

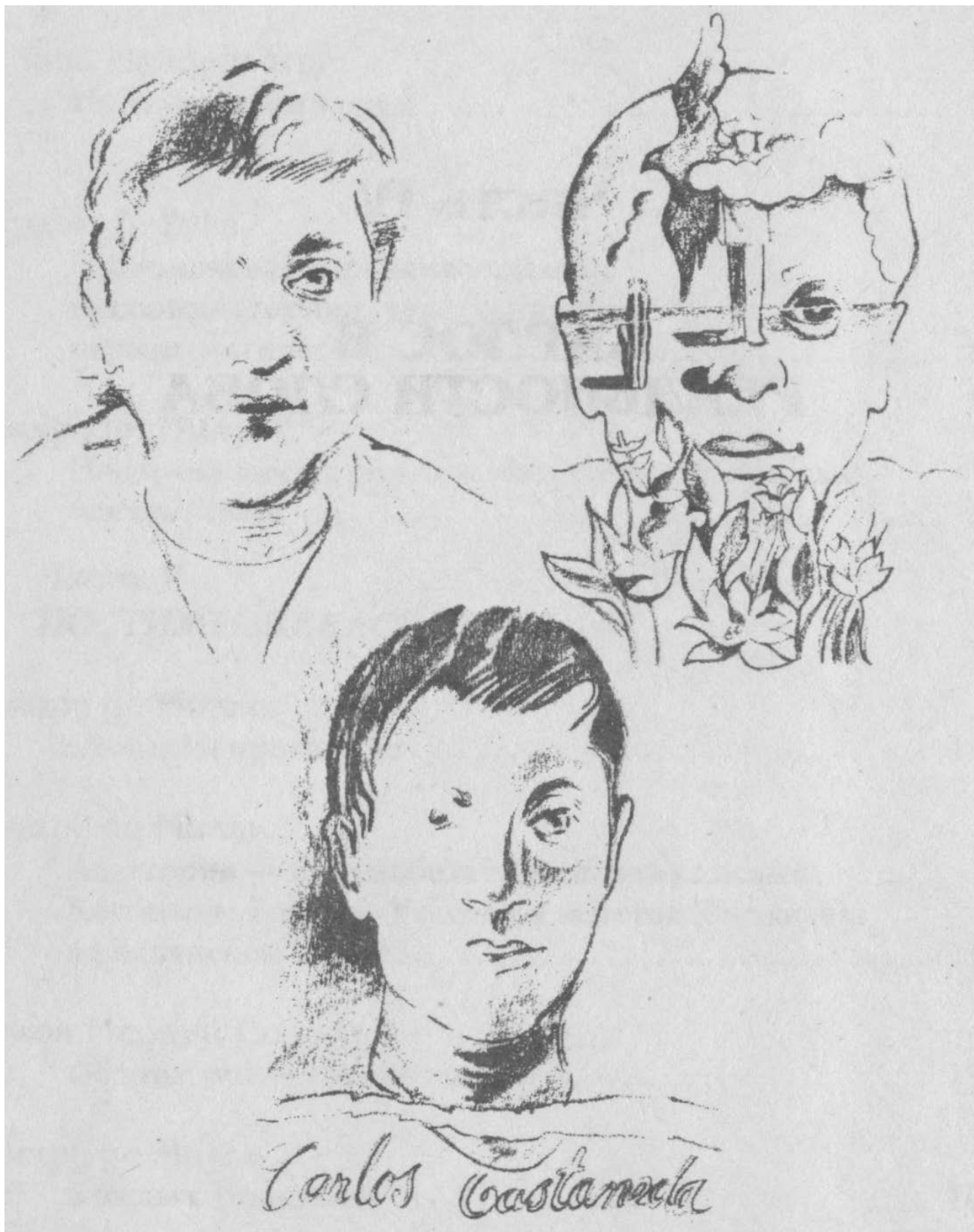
Часть VI
ПРИЛОЖЕНИЕ

44

Аллегорический глоссарий

Часть IV

КАРЛОС В РЕАЛЬНОСТИ СЛОВА

Три лица Карлоса.

Ричард де Милль Сержант Кастанеда и фотографии дона Хуана: трансформация особого соглашения

Легенда, родившаяся в наше время, много сделала для появления затемненной или неточной биографии. Следуя совету дона Хуана окружать себя туманом, Кастанеда позволил журналу «Тайм» сфотографировать себя выглядывающим из-за пухлых пальцев, прячущимся под широкополой шляпой, никогда не открывая полностью своего лица. Как видно на иллюстрации, он частично подчистил свое изображение, нарисованное Диком Оденом для «Psychology Today». Как утверждает Оден, Карлос прожил этот год «в фургоне с массой магнитофонных записей», хотя в своей диссертации Кастанеда заявляет: «Мне не разрешалось записывать на пленку или фотографировать ни одного события», и в то же время в «Отдельной реальности» он дважды пишет: «Я включил свой магнитофон». В первый момент можно подумать, что магнитофон Карлоса оборудован специальным устройством для создания вокруг него тумана.

Несмотря на применение резинки, рисунок Одена имеет сходство с Кастанедой, в чем легко убедиться, сравнив его с натуралистическим портретом Шлезингера, приведенным во второй главе. Метаморфоза Карлоса доведена до конца на обложке журнала «Тайм», где квадратное европейское лицо сужено и превращено в лицо круглоголового обитателя пустыни, напоминающего филиппинца. Пятью годами позже «Psychology Today» нанесла еще один удар по легендарному облику, когда рисовый фермер из журнала «Тайм», слившись с оденовским водителем такси, превратился в невероятно юного аристократа, со слегка подреставрированным правым глазом, под фамилией, нагло утверждающей ложное сходство. Почитатель, который отправился бы искать Карлоса Кастанеду с изображением этого своеобразного князька в руках, конечно не узнал бы его в том человеке незнатного происхождения, который внезапно появился в День Памяти 1979 года на съезде Ассоциации американских книготорговцев в Лос-Анжелесе. Сопровождаемый Харланом Кесселем из издательства Калифорнийского университета, прославленный человек неопределенного вида был одет в желтовато-коричневый костюм для отдыха и клетчатую рубашку. Письменный источник утверждает, что он вел дружескую беседу с Ежи Козински, но никто не видел дона Хуана. Нэйл Эриксон посоветовал заглянуть под шляпу Карлоса, чтобы найти дона Хуана, но мой осведомитель сказал, что на Кастанеде не было шляпы. Вот и все факты. Легенда более увлекательна.

Стремление воина создать личную историю не может быть удовлетворено отсутствием его имени в биографических словарях: он должен представить это имя вместе с ложной информацией. Маркизовский «Кто есть кто в Америке» (прошу не путать с респектабельным «Кто есть кто») показывает, как маги манипулируют источниками информации. Выпуск 1976-77 года приводит данные о том, что Карлос Кастанеда родился в Сан-Паоло в 1931 году в семье С. Н. и Сусанны (Арана) Кастанеда, в 1964 году получил степень магистра гуманитарных наук, а в 1970 — доктора философии и что он является автором «Учения дона Хуана» и «Сказок о силе». Так как издатели «Кто есть кто в Америке» просили отмечать любую ошибку, которая может туда прокрасться, я отправил им 5 ноября 1976 года письмо с документальным подтверждением того, что Кастанеда родился в 1925 году в семье С. Б. и Сусанны (Кастанеда) Арана, никогда не получал степени магистра, а степень доктора философии получил в 1973 году. Хотя я не получил от издателей ни слова благодарности, они, по-видимому, послали Кастанеде уведомление о

необходимости внесения исправлений. Естественно, он не исправил ошибок, которые издатели сохраняли с такой тщательностью, как будто это Пилтдаунские реликвии, но он добавил список публикаций, о которых нас известило издание 1978-79 года: «Учение», «Отдельная реальность», «Икстлан» (с неправильной датой) и «Сказки о силе» (опять с неправильной датой). Мое внимание привлек подзаголовок, которым он снабдил «Отдельную реальность». Это были уже не «Дальнейшие беседы с доном Хуаном», как было написано на самой книге (что издатели могли легко проверить, если у них вообще есть привычка проверять что бы то ни было), а «Феноменология особого соглашения», подзаголовок, который до этого не появлялся нигде. Казалось, Кастанеда отвечал мне самому: если вы думаете, что вы можете восстановить мою личную историю, написав этим олухам в Чикаго, вы жестоко ошибаетесь: чтобы показать, насколько это безнадежно, я еще раз переключу название, и они никак на это не отреагируют.

Что же все-таки такое «феноменология особого соглашения»? «В учении дона Хуана особое соглашение означает молчаливое, или подразумеваемое, соглашение о составляющих элементах неординарной реальности». Когда Карлос сидел с доном Хуаном на скамейке в парке или когда Кастанеда писал издателям «Кто есгь кто в Америке», конференция пришла к соглашению об отдельной реальности; Дон Хуан снабдил Кастанеду такими составляющими элементами, или единицами, значения, как гигантские комары и разговаривающие кактусы; Кастанеда снабдил издателей сфабрикованной биографией и подложным подзаголовком. Вся прелесть подзаголовка в том, что он отражает свою собственную подложность: именно так я рассказываю вам самые невероятные истории, которые вы принимаете благодаря своей доверчивости или легкомыслию вопреки их кричащему несоответствию; такой способ рассказывания сказок я называю созданием особого соглашения; это объяснение — феноменология особого соглашения. Сконцентрированное всего лишь в пяти словах и раскрывающееся в подзаголовке, объяснение мага представляет собой бутон лофофоры, слишком жесткий для этих издателей, чтобы его разжевать, даже если бы они воспринимали его как объект силы и не боялись ощутить горечь собственных ошибок, которые прячутся за ним.

«Современные авторы» — большой и полезный словарь биографий писателей, где, вдобавок к обычной дезинформации о национальности, фамилии и степенях Кастанеды, к данным о нем за 1977 год добавляется следующее утверждение: «Учение дона Хуана» звучит как роман, но это тезисы учителя Кастанеды, и все в этом опыте — правда». Более того, нам сообщают, что «по этой книге Стерлинг Силлифант снял подпольный фильм». Так что теперь существует фильм, который мне хотелось бы посмотреть. В офисе Силлифанта на Уорнер Бразерс я узнал, что его выход действительно планировался, но потом права были отняты. Кастанеда как-то заявил, что он не хочет, чтобы Энтони Квинн играл дона Хуана, но конечно, можно было бы найти кого-нибудь еще. Желая понять взаимоотношения между автором и продюсерами, которых он временно поощрял, я пытался позвонить Силлифанту, но смог связаться только с его братом Марком, который сказал мне, что ему не нравится то, чем я занимаюсь, и повесил трубку. Редактор «Современных авторов» оказался более чутким. По его словам, данные были подготовлены для издания 1971 года и одобрены Кастанедой и не было никаких причин пересматривать их для издания 1976 года, но в следующей редакции мою информацию примут к сведению.

Оплетать людей паутиной своего повествования — вот способ Кастанеды общения с людьми. Издателей держат в узде, но друзьям удастся вызвать на откровенность перуанского Барона Мюнхаузена, особенно в беседах один на один, где Кастанеда, похоже, разоблачает деликатные и часто тягостные подробности своей личной жизни перед единственными конфидентами, которым он доверяет. Профессор Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе освободила его от экзамена, когда он сказал ей, что все его время занимают заботы о ребенке друга, убитого во время войны в Корее. Мальчик действительно существовал и Кастанеда привык брать его с собой в кампус, но это был сын Маргарет Руньян Кастанеды, отец которого пребывал в добром здравии. Некоторые друзья говорили, что парнишка — сын самого Кастанеды, светлые волосы которого объясняются рецессивными* генами Карлоса. Другие слышали о том, что жена Карлоса — шведка, блондинка, тогда как Маргарет не была ни блондинкой, ни шведкой. А третьи, например председатель комитета Уильям Лесса, удовлетворялись военно-сиротским сценарием.

* Тот из родительских признаков, который не развивается у потомства первого поколения, является подавленным. — *Прим. перев.*

В четверг 27 января 1977 года, в 5:15 пополудни, мне позвонил довольно возбужденный джентльмен, который отказался назвать свое имя, но сказал, что он ученый, который живет на севере, в 200 милях от меня. Я прозвал его Ньютон Трехтелесный. Прочтя мою книгу «стоя», он тут же позвонил мне. Несколько лет назад Кастанеда проявил к нему дружеское расположение, чем-то польстил ему и посидел с ним в саду на скамейке, оплетя его паутиной своих рассказов. Три истории запали Трехтелесному в память:

Карлос в пограничном дозоре. Карлос работал в пограничном дозоре в Эль Пасо и занимался расследованием дела шайки контрабандистов, переправлявших наркотики. Однажды ночью он обнаружил, что находится на крыше дома контрабандистов в компании друга, которого он встретил в местном баре. Услышав щелчок, он был очень удивлен, когда увидел, что его пьяный приятель направил на него пистолет. К счастью, Карлос успел выстрелить первым, но теперь он всегда сожалел о том, что таким образом убил своего друга.

Карлос в небе. Карлос вместе со своим черным военным приятелем (по-видимому, не со злополучным отцом маленького светловолосого мальчика), находясь над Инчхоном, закричали «Джеронимо!», но парашют приятеля не раскрылся. К счастью, он упал сверху на открытый парашют Карлоса, и оба приземлились в целости и сохранности.

Карлос с окровавленным сердцем. Когда Карлос находился в наземных войсках в Северной Корее, китайский солдат ранил его в левое яичко. (Вы можете не сомневаться, что это был китайский солдат, потому что северокорейцы всегда целятся в правое яичко.)

Читатели «Путешествия Кастанеды», может быть, помнят заявление Кастанеды о том, что он сражался в американской армии в Испании, тогда как «Тайм» сообщает, что в Министерстве обороны нет никаких записей о службе Кастанеды. Как бы то ни было, но Трехтелесный говорит, что он отнесся к этим историям с подозрением и когда позднее он прочел в «Отдельной реальности» некоторые из своих собственных высказываний, он понял, что его подозрительный друг просто над ним насмеялся. Когда он рассказал мне об этом, ему стало легче, сказал он.

Джон Хичкок, председатель четвертого Кастанедовского комитета, пригласил Кастанеду на ужин в свой дом в Беверли Глен, где он и миссис Хичкок выслушали следующую историю.

Сержант Кастанеда и кубинские коммандос. Находясь в Северной Корее, Карлос повел группу кубинских солдат в атаку. Все были убиты, кроме Карлоса, который был кастрирован выстрелом из ружья (по-видимому, выстрел был сделан китайским солдатом, воскресшим в Северной Корее). Поэтому, не имея возможности иметь собственных детей, Карлос начал опекать мать маленького светловолосого мальчика, которая вскоре удрала в Нью-Йорк, предоставив Карлосу самому заботиться о мальчике. Хотя рассказ Хичкока передает надежную и полезную информацию, здесь не приводится вся история о кастрации, тогда как из «Второго кольца» мы знаем, что Карлос «пустой» человек, потому что он «произвел ребенка женского пола», из чего следует, что маг может писать все, что придет ему в голову.

Трехтелесный также рассказал мне, что Кастанеда дал ему фотографию дона Хуана, а потом забрал ее обратно. Это напомнило мне давний разговор с другим другом Кастанеды, ЛСД-путешественником Эль Эгори, который уверял, что у него есть сделанная тайком фотография дона Хуана. Он не сказал, кто ее сделал. Но заявление Эгори, будучи опубликовано, вдохновило фотографа Ральфа Ульмана проинтервьюировать всех «Хуанов Матусов», каких он нашел в телефонной книге. Первые 2999 абонентов наверняка не были магами, но на 3000-м звонке Ульман почувствовал себя счастливым. Три его фотографии номера 3000, опубликованные в «New Age», лучше других документов показывают способность дона Хуана трансформировать особые

соглашения, потому как неосведомленный человек вряд ли смог бы его узнать, располагая фотографиями трех различных стариков. «Это не мистификация», — заявляют редакторы и в качестве доказательства добавляют, что Ульман — специалист по истории искусств Мичиганского университета.

Эпохальные фотоэтюды Ульмана нашли поддержку у доверчивого Крейга Карпела, который сказал: «Вы не можете вызвать Мескалито просто по телефону». Карпел объяснил, что, когда вы звоните в этнографический отдел Калифорнийского университета, Кастанеда не подходит к телефону не потому, что он пишет очередную работу по полевым изысканиям и поэтому отсутствует, а потому, что он боится, что ваш ум перетечет по проводу и смешается с его собственным. Маги вынуждены быть осторожными — так же, как и редакторы: такое количество читателей выражало свое недовольство по поводу статьи Ульмана, что «New Age» пришлось опубликовать опровержение и свои извинения.

Быстро поползли всевозможные слухи. Карлос работает на ЦРУ, чтобы противостоять советской военной парасихологии. Карлос спас несколько человек от землетрясения, заставив их дома плыть по морю. Страница 68 книги Дэвида Сильвермэна осталась пронумерованной в честь года публикации «Учения». Рауль Сапес видел Карлоса идущим по кампусу с двумя пожилыми людьми, но когда он попытался с ними заговорить, у него случился полный провал в памяти, избавиться от которого удалось с помощью сайентологии. Людвиг Виттгенштейн работал в комиссии по кастанедовской диссертации. В ответ на просьбу прокомментировать ее на предмет мошенничества и обмана, Виттгенштейн ответил: «Об этом нельзя говорить, потому что об этом нужно молчать».

Пожалуй, самое большое распространение получил слух, возникший в результате догадки Стефана Рено о том, что идея о доне Хуане могла появиться у Кастанеды на основании романа «Дон К.» Лопез-Портилло. Однако эта догадка неприемлема, потому что, как следует из материалов Рено, «Дон К.» был опубликован не раньше «Учения», но и не позже 1969 года, хотя обе рукописи были закончены в 1967 году. Что приводит нас к еще более интересной догадке, что Кастанеда на самом деле — президент Мексики.

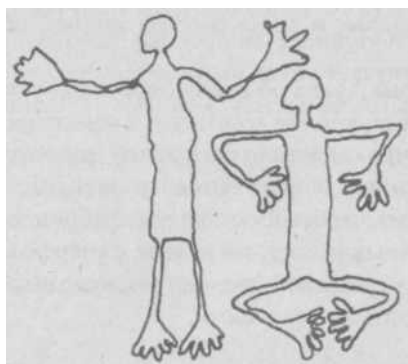
Какими забавными ни кажутся подобные рассуждения, я все время ловлю себя на том, что я возвращаюсь к трансформациям особого соглашения, достигнутого Кастанедой на конференции с людьми, которые признали в нем коллегу по профессии. Например, его учитель Ральф Билз был, по-видимому, тем, кто сказал Кастанеде, что он может возвыситься в Мексике скорее, чем в Бразилии. Дуглас Прайс-Уильямс и Карлис Осис заключили с Кастанедой неформальное, но очень серьезное соглашение о его участии в парасихологических экспериментах. План эксперимента не требовал присутствия Кастанеды или какого бы то ни было постоянного контроля его действий, так что нет никакой возможности узнать, принимал ли он свое необычное участие в этой сделке или просто смеялся самым обычным образом над своими соэкспериментаторами, но я без колебаний выбираю вторую возможность, и письмо Осиса в «Psychology Today» говорит о том, что он вполне согласен с моей точкой зрения.

Наиболее пикантный из известных мне примеров подшучивания над коллегами невольно привела Глория Гарвин, студентка и редакционный ассистент Клемента Мейгана, профессора, который первым поддержал желание Кастанеды участвовать в полевых работах. Гарвин анализировала фотографии доисторических наскальных рисунков индейцев-чумашей. На одном из рисунков была изображена фигура, обычно называемая «человекоподобной лягушкой». Когда Гарвин показала эту пиктограмму Кастанеде, «он сказал, что есть поразительное сходство между этим изображением и рисунком, который дон Хуан сделал для него несколько лет назад, когда пытался объяснить понятие и практику *сновидения*». Позднее Кастанеда показывал Гарвин рисунок, «почти идентичный» доисторическому, и говорил, что это и есть рисунок, нарисованный доном Хуаном.

Согласно дону Хуану, фигура справа — это тональ, или сновидящий, а фигура слева — это нагваль, или то, что он видит во сне. Так как Гарвин не поставила под сомнение такую интерпретацию, это воодушевило Кастанеду на создание отдельной реальности путем заключения особого соглашения с

доверчивой коллегой. Правила дона Хуана были очень строгими: пятки вместе, кисти рук спокойно лежат на области солнечного сплетения, кончики пальцев едва касаются друг друга и т. д. Кисти рук сновидящего плавно скользят вниз, потому что «если они откроются наружу с пальцами, обращенными внутренней поверхностью вверх, весь процесс будет сорван».

Преисполненная дознания долга и признательности, Гарвис воспроизводит эти ранее неизвестные древние знания в одной из глав своей археологической книги, озаглавленной «Изучение искусства на четырех скалах». Ей явно нравилась шаманская интерпретация, данная Кастанедой фигурам, которых некоторые археологи считали просто изображениями животных. «Возможно, — заключает она, — аналогия между элементами этого наскального искусства чумашей, или каналино (относящегося к 100—1500 гг нашей эры) и сегодняшней шаманской практикой индейцев яки слишком произвольна. Но нельзя не признать поразительным совпадением то, что шаман, делая рисунок, чтобы проиллюстрировать шаманскую практику, нарисовал картину, почти идентичную той, что мы видим среди наскальной живописи в Калифорнии». В самом деле. Как замечает приверженец Кастанеды Майкл Харнер, «Карлос действительно шаман». Не потому, что он на самом деле лжет, должен был бы добавить Харнер, потому что человекоподобные лягушки могли быть шаманами еще тысячи лет назад, даже если набросок дона Хуана был сделан самим Кастанедой. С другой стороны, доисторические шаманы вряд ли могли избежать попадания в изготавливаемую доном Хуаном смесь Востока с Западом, древнего с современным, академического с дописменным, так что кастанедовская псевдояковская пародия по сути доказывает несостоятельность и недостоверность отчета Гарвин.

6 октября 1978 года я написал Гарвин, чтобы спросить, почему она не привела рисунков дона Хуана, ведь это послужило бы таким мощным и независимым подтверждением ее шаманской интерпретации фотографий. «Мне очень странно, почему вы не представили их», — писал я, что было не слишком искренне, потому что я был уверен в том, что знаю причину: Кастанеда отобрал у нее рисунок. Точно так же, как он это сделал с фотографией дона Хуана, которую он давал Ньютону Трехгелесному. Так же, как он зашел без предупреждения в офис «Psychology Today», чтобы забрать магнитофонные записи своих нескольких интервью с Сэмом Кином. Маг не может допустить, чтобы объекты силы были разбросаны там, где контрмаги могут завладеть ими и лишить его энергии или паразитировать на расстоянии. Гарвин не ответила на мое письмо.

«Охотник очень бережно обращается с миром, — говорил дон Хуан, — и в то же время он недоступен для этого самого мира». «Он слегка касается его, оставаясь в нем ровно столько, сколько необходимо, и затем быстро уходит, не оставляя никаких следов».

Формула дона Хуана об очень бережном обращении с миром, без сомнения, вполне корректна с точки зрения мага, но с точки зрения мира следовало бы к этому добавить еще кое-что. Маг, занимающийся общественными науками, может прилагать усилия к тому, чтобы не оставлять сфабрикованных данных в руках доверчивых коллег, но нельзя с уверенностью сказать, что он не оставляет никаких следов у тех, кого выставил в глупом свете перед собратьями-учеными.

Ричард де Милль

Два следующих эссе интересны для меня не только своим содержанием, но и тоном его изложения. Дуглас Макферран, профессор психологии университетского колледжа в Лос-Анжелесе, в течение десяти лет был семинаристом иезуитской семинарии, поэтому он хорошо подготовлен для того, чтобы иметь дело с ересями Карлоса-отступника. Под псевдонимом Дэвид Фэррен он издал несколько исследований западного оккультизма, включая «Жизнь с магией» и «Секс и магия», что дало ему основание прийти к заключению, что Кастанеда — фундаментальный оккультист и тайный черный маг, который признанного церковью Дьявола превратил в антицерковного Вестника Просветления. В эссе «Карлос и толтекские дьяволы» он признает, что Кастанеда опять вернулся к вопросу о том, как говорить о плохом и хорошем, сохраняя или теряя при этом свою бессмертную душу, но он не верит, что дон Хуан в состоянии дать удовлетворительный ответ.

Стефан Дж. Рено, преподаватель феноменологии и истории религии Лестерского университета, относится к Кастанеде с симпатией, как к создателю современного эквивалента традиционного мифа. Рено обнаруживает в донхуановском цикле множество типичных черт народных сказок. Хотя Рено родился, вырос и окончил школу в стране Кастанеды — южной Калифорнии, он без труда отличает Кастанеду, собирающего фактические данные в поле, от Кастанеды-сочинителя или отделяет ученую критику научных мистификаций от буквального понимания историй, которые рассчитаны на нашу интуицию. Хотя читая истории, он был увлечен ими, он не чувствует, что должен навсегда переселиться в двойника Кастанеды в Среднеземье или Нарнии.

Дуглас Макферран

Карлос и толтекский дьявол

Если верить его бывшей жене, Карлос Кастанеда хорошо изучил традиционный западный оккультизм еще задолго до того, как дон Хуан появился на сцене. Это особенно важно потому, что объясняет выбор терминов, который иначе сбивает с толку.

Дон Хуан называет себя *брухо*, слово, которым в сельских местностях Мексики неизменно называют тех, кто занимается опасной магией. Даже несмотря на то, что бойкие старые индейцы обладают многими характерными особенностями *курандеро*, или кроткого знахаря, Кастанеда настаивает на упоминаемых вскользь темных сторонах мексиканского фольклора: дон Хуан может, например, превращаться в ворону и во время дуэли Карлоса с «Ла Каталиной» (а потом во время его последней битвы с доньей Соледад) ученику дают понять, что платой за поражение будет не просто смерть, а утрата души.

«Учение дона Хуана» претендует на раскрытие тайны местной мистической традиции, которая, подобно «Вечной философии» Олдоса Хаксли, пережила столетия угнетения. По меньшей мере, именно таким образом широко интерпретируется эта книга. Если дон Хуан маг, то, надо думать, он стоит в одном ряду с западными магами, мастерами создавать иллюзии. Все мрачные разговоры о *черной магии*, или дьяволопоклонстве — это не более чем очковитительство, ироническое признание неспособности рациональных жителей западного мира признать моральное превосходство индейских шаманов.

В своих следующих произведениях Кастанеда продолжает развивать метафизические темы, затронутые в первой книге. То, что большинство из нас считают реальностью, говорит он, это только возможная интерпретация мира. Маг — или во всяком случае маг, заслуживающий называться «человеком знания», — научается другой интерпретации, которая дает совершенно другое восприятие, то есть «отдельную реальность». Однако за обеими реальностями стоит таинственный *нагваль*, источник всех возможных наборов восприятия.

До сих пор это могло быть просто развитием этнометодологии, экзотического метода социального анализа, которому Кастанеда научился в Калифорнийском университете Лос-Анжелеса. Для этнометодолога взгляд любого человека на мир зависит от того, как он умеет говорить о мире, но даже этнометодолог остается пленником своих собственных концепций. Дон Хуан, воображаемый маг, нашел способ разрушить словесную тюрьму. Называя мир только изображением, он подтверждает истинность этнометодологии, но, прорываясь через концептуальные стены, он уходит за рамки социальной науки и дает надежду на спасение за пределами человеческого опыта, а в конечном счете даже за пределами самой смерти.

Это именно та концепция спасения, которая отражает ранние оккультные познания Кастанеды. Основная тема гностической традиции, которая является основой западной еретической идеи, состоит в том, что человеческое существо — это крупинка вечного света, захваченная чужеродным миром физических объектов. Следовательно, человек — это сомнамбула, которую может разбудить только посланец из источника света, лежащего за пределами физической вселенной, даже за пределами маленького Бога, создавшего этот мир. Но проснувшись, человек сможет проявлять тот же вид силы, что и Бог: он сможет по собственной воле манипулировать внешним обликом физического мира.

Теология гностиков часто просто выворачивает наизнанку иудаистскую и христианскую концепцию

Бога и Дьявола. Например, змея в Эдеме интерпретируется как посланец, пришедший освободить Адама и Еву из рабства, в которое они были помещены недоброжелательным создателем. Иисус тоже посланец, сверхчеловеческая сущность, который принял только внешний вид человека, чтобы освободить человечество от ограничений Моисеевого закона и почитания более низкой божественности.

В более поздних книгах Кастанеды учение дона Хуана очень близко повторяет сатанизм (черную магию) гностиков. Человек — это на самом деле светящееся яйцо, сконденсировавшееся из бесконечных возможностей *нагваля*, но пока он не научится *видению* и *сновидению* — использованию своего «второго кольца силы», — он живет в бессмысленном мире теней. Маги, подобные дону Хуану и дону Хенаро, пришли из «нагваля», чтобы обучить новую группу учеников таинственным традициям, уходящим вглубь индейской цивилизации, которая предшествовала ацтекам. В разговоре ученики называют их «толтекскими дьяволами». Любого, кто знаком с мифологией Центральной Америки, это наводит на мысль о Змее с хохолком (в перьях), боге-воине Кецалькоатле, которого испанские завоеватели приравнивали к Сатане. И стоит напомнить, что в искусстве индейцев этот бог изображался одновременно как милосердным, так и ужасно злобным.

«Брухо» Кастанеды — это не «зло» и, конечно, это не «добро». Подобно Заратустре Ницше, они стоят по ту сторону добра и зла. Хотя дон Хуан проявляет заботу о благополучии Карлоса, тем не менее он обучает донью Соледад тому, как убить его. Итак, *брухо* можно судить исходя из представлений обычной морали не больше, чем Кецалькоатля, первого толтекского воина.

Маловероятно, чтобы такой изощренный миф о соединении противоположностей сохранился в деревенском фольклоре. Нечто подобное встречается в описании Антонином Артаудом видений Тарахумары под влиянием мескалина, но Артауд, который тоже твердо стоит на позиции западного оккультизма, очень похож на Кастанеду в своей потребности придать романтическую туземной магии как противоядие от западной рациональности.

Кастанеда, впервые создавая образ дона Хуана, мог даже не знать мифологии Центральной Америки. Все, что для этого требовалось, — это этнометодология, которая вышла из европейской феноменологии и, таким образом, ближе всего связана с идеями экзистенциалистов. В 1963 году, когда Кастанеда был аспирантом, появилось второе издание «Религии гностиков» Ханса Джонаса вместе с эссе, в котором подробно описывалось сходство между гностицизмом и нигилизмом экзистенциалистов. Читал Кастанеда Джонаса или нет, он, конечно, не мог не видеть связи между феноменологией и крайне аморальными взглядами. Если дон Хуан должен олицетворять просвещенного этнометодолога, он также может быть гностическим сатанистом, замаскировавшимся под доисторического *брухо*.

В конце концов, исчерпав позу непобедимо невежественного ученика, нуждающегося в этнометодологии, Кастанеда стал тщательно разрабатывать идею *брухо* как гностик-сатанист. Этнографы, уже обеспокоенные его фантастическим подходом к своей сфере деятельности, могут содрогнуться от его оценки Толтеков, но мы должны понимать, что здесь он поставил перед собой задачу, бросающую вызов своему начальному подходу к основным вопросам знаний и реальности. Будучи далеко не только упражнением в сенсационности или поощрением фрейдовских спекуляций, «Второе кольцо силы» поднимает вопрос о том, как говорить о плохом и хорошем, когда на карту поставлено бессмертие в буквальном смысле этого слова.

В своих последующих томах Кастанеда получит возможность превратить свой миф о *брухо* в настоящую теологию. Он уже говорит о том, что *нагваль* играет ту же роль, что Царство Небесное у католиков. Осталось посмотреть, завершит ли Кастанеда, подобно большинству гностиков-радикалов до него, полную переоценку ценностей, приняв Кецалькоатля, мексиканский символ, за окончательную основу определения добра и зла и потребовав, чтобы во имя спасения его последователи поставили свои подписи как под добром, так и под злом.

Стефан Дж. Рено
**Если бы дона Хуана не
существовало, его
следовало бы выдумать**

Что-то во мне не позволяет мне верить, что все это имело место в действительности. Так говорит ученик дона Хуана после двенадцати лет ученичества, и читатели, как светские, так и профессиональные, до сих пор полностью разделяли это скептическое недоумение, потому что, сейчас уже легендарный, Карлос Кастанеда по своей способности удивлять может конкурировать с таинственным миром дона Хуана.

Мое собственное знакомство с его произведениями началось в 1969 году, когда мой друг спросил меня, что я думаю об этом новом этнографе. Признавшись в полном своем невежестве, я получил от него копию *Учения* и сразу, подобно многим другим, погрузился в легендарное путешествие, попав прямо с обычной, скучной автобусной станции на необычную, волшебную горную вершину. Очарованный первой книгой, я сопровождал Карлоса в выполнении «магических ритуалов», разделял его постоянные сомнения и страхи и сожалел о нарушении им данных ему инструкций.

Когда два года спустя появилась «Отдельная реальность», я косо смотрел на возобновление ученичества: подвиги типа десятимильных прыжков дона Хенаро по вершинам гор и удивительные волокна света, которые поддерживали его тело у водопада, были испытанием для моей доверчивости. Не слишком убедительно доказывая, что несмотря на все, что описано в первых двух книгах, истинные техники не нуждаются в психотропных растениях, «Путешествие в Икстлан» склоняло к некоторому цинизму, но, когда я прочел его до конца, у меня осталось впечатление, что Карлос наконец начал действовать как «воин». Редко публикуемые интервью с Кастанедой подтверждали это его движение вперед, а «Сказки о силе» подвели историю к заключительной встрече проницательного мастера и ученика на бесплодном мексиканском плато. Молодой человек — и он всегда будет казаться молодым! — наконец был полностью посвящен в тайны, попрощался со своим учителем и прыгнул в бездну. Скептицизм, вызванный этим поразительным символическим актом, быстро сменился смутной ностальгией, когда я осознал, что вместе с Карлосом и, вне всякого сомнения, с большинством читателей я тоже косвенно получил посвящение. Я невольно был глубоко поглощен этой захватывающей сменой событий, начало которым положила встреча 1960 года и которые отмечены колебаниями Карлоса, нервными срывами, сводящей с ума глупостью, а также случайными озарениями и триумфами. И совсем не удивительно, что всякий раз, когда я открывал новую его книгу, одна моя половина точно знала, чего можно ожидать, тогда как другая всегда была готова к постоянным загадкам. Не став откровенным циником, я в любой момент был готов опять погрузиться в мир дона Хуана, с его знакомым ландшафтом, героями и языком, которые всякий раз зачаровывают сочувствующего читателя, делая его участником и свидетелем одновременно. Короче, путь дона Хуана, как и в любом религиозном мифе, это путь волшебства — и именно в этом привлекательность произведений Кастанеды, как бы ни сомневался кто-то в их достоверности. Хотя я и не считаю, что вопрос о достоверности не имеет значения, и даже не придерживаюсь мнения, что учения не должны подвергаться конструктивному анализу, это не мешает этим историям зачаровывать читателя, а их схожесть с традиционными мифами, возможно, только помогает объяснить их очарование.

Описывая медленно развивающуюся дружбу между старым магом и самонадеянным ученым и резко противопоставляя духовное здоровье первого педантичной ограниченности второго, Кастанеда

создает современный эквивалент мифа.

Мифы — это истории, которые передают традиционно религиозные люди для того, чтобы придать смысл своему существованию, священные повествования, рассказывающие о событиях прошлого, которые дают ключ к разгадке жизни нынешней. Косвенно мифы ставят философские вопросы, утверждают общественные ценности, устанавливают категории значительности и объединяют прошлое с настоящим, одновременно давая надежду на будущее. Мифический цикл обрисовывает космос, связный взгляд на мир. Миф правдив — не так, как бывает правдива история, подтвержденная показаниями очевидцев, — а как правдива любая история, которая совпадает с ожиданиями и пониманием слушателя. Хотя у нас, жителей Запада, обычно существуют общепринятые мифы, которыми мы руководствуемся в своей жизни и объясняем наши переживания, мы, я думаю, не утратили страстной тяги к таким историям и к тем, кто их рассказывает и слушает.

Несмотря на всю нашу современность, мы стремимся, пусть на несколько коротких мгновений, к такой жизни, в которой вещи соответствуют друг другу, где ясно проявляются добро и зло, сила и слабость, мужчина и женщина, добродетель и порок, старость и молодость и где их взаимодействие подчиняется освященным веками правилам. И в то же время, подобный мир помогает едва ощутимому сдвигу от сказки, которая живет в нас, к нашему существованию в сказке, и это, я думаю, решающая разница между мифом и не-мифом. В миф мы оказываемся вовлеченными сами.

Кастанедовский квинтет можно понимать как обширный цикл мифов — эпический отчет о драматическом столкновении между древней мудростью старого дона Хуана и глупостью современной юности Кастанеды. Мы постигаем их философский смысл с помощью множества трогательных встреч между почтенным святым человеком и наивным искателем. Дон Хуан постоянно отговаривает Карлоса от академического изучения «лекарственных» растений, все время склоняя его к поискам необычных знаний.

Учение передается с помощью ряда стереотипных происшествий, каждое из которых согласовано со следующей последовательностью событий: появляется на сцене Карлос, который встречается с другим персонажем (или персонажами). У него есть предчувствие, что должно произойти нечто важное. Он испытывает тревогу, обычно ощущает какой-нибудь физический дискомфорт. И, как выясняется потом, обоснованно — его ждет какой-нибудь трюк. Испытание или необходимость выбора приходит быстро, неожиданно. Карлос пугается, и все кажется потерянным. Однако, как ни удивительно, он находит внутренние источники, о которых даже не подозревал, чтобы успешно пройти через испытание. Изнуренный своей победой, он отдыхает. Он обретает новую силу. Наконец, сначала дон Хуан, а потом другие персонажи объясняют ему смысл пережитого. Таким образом, с помощью нелогичного, абсурдного или нелепого упражнения ученик (а вместе с ним и читатель) прорывается через интеллектуальные ограничения и получает внезапную вспышку эмпирических знаний. Непрерывная борьба между разумом и чувством, уверенностью и сомнением, духовным и материальным показана не абстрактно, а в динамических картинах межличностного взаимодействия.

В этом и сила и слабость кастанедовских произведений. С одной стороны, действия рассказчика, роль участника позволяет нам с готовностью разделять все его страхи, скептицизм, победы и радости — возможность, которая является самой важной для любого хорошего рассказа. И в то же время, именно потому, что это не происходит непосредственно с нами, необычные приключения Карлоса остаются в лучшем случае на уровне правдоподобных, а в худшем выглядят как обман, в зависимости от отношения читающего.

Читая эти книги, хорошо было бы вспомнить фразу, с которой всегда начинаются традиционные суданские истории-сказки. «Я собираюсь рассказать историю», — объявляет рассказчик. «Правильно!» — присоединяются слушатели. «Это ложь», — предупреждает он. «Правильно!» — слышится в ответ. «Но не все в ней обман», — защищается он. «Правильно!» — вторят слушатели.

Эта смесь правды и преувеличения, точности и искажения, которые характерны для мифа,

характерны и для произведений Кастанеды. Мифы выражают правду человеческой жизни с помощью событий, выходящих за жизненные рамки, их правда всегда больше похожа на рисунок карикатуриста. Хороша карикатура или нет, проверяется тем, насколько художнику удалось передать настроение того, кто там изображен, преувеличив отдельные особенности лица или его выражения. Понимание правды мифа подобно пониманию правды карикатуры: несмотря на то что мы прекрасно сознаем очевидные искажения, мы отдаем должное соответствию между пониманием, выраженным с помощью карикатуры, и нашим собственным взглядом на вещи. Подобно мифам и карикатурам, произведения Кастанеды разговаривают с нашей интуицией.

Но в этом только часть их привлекательности. Другим фактором является наша вовлеченность в описываемую историю. Первоначально все мифы были историями, передаваемыми рассказчиками, и истории дона Хуана содержат природную силу всех пересказываемых историй. «Давным-давно...» — вот дверь, через которую слушатель или читатель, а теперь и зритель входит в другой мир, к которому вообще неприменимы обычные условности и отличительные особенности и где правда о жизни рассказывается с помощью выходящих за ее рамки событий, в которые он чувствует себя вовлеченным. Этот элемент очарования, выхода за общие рамки устных рассказчиков в не меньшей степени присущ историям дона Хуана, потому что они призывают в свидетели ваши собственные реакции. Открывая каждую книгу, мы можем испытывать некоторый скептицизм или даже цинизм, но как только рассказчик начинает оживлять повествование, эти чувства быстро уходят на второй план. Быстро появляются знакомые очертания мира дона Хуана: соблазнительный мексиканский пейзаж, юный этнограф в поисках новых данных, намек на странное событие, которое вот-вот должно произойти. Перед нами опять встают те же образы: дон Хуан, забавная смесь невежественного крестьянина с всемогущим волшебником, Карлос, неутомимый писак и перепуганный кролик. Напряжение, которое нарастало постепенно, разряжается внезапно. Испытание за испытанием. Приобретается опыт. Вскоре читатель забывает о себе, поглощенный повествованием, как любой слушатель хорошей сказки. Под конец возвращается чувство неловкости, чары разрушаются. Кто-то может даже посмеяться над своими переживаниями. И все же очарование, желание несмотря на искажения и преувеличения согласиться с правдой того, что было рассказано, временно берет верх. Такое очарование — общая особенность всех рассказываемых мифов и хороших историй и, кем бы ни был еще Карлос Кастанеда, он прекрасный рассказчик.

Но кроме этого, он претендует на описание этнографии, и эта претензия — причина гибели его как ученого. Основное предъявляемое ему обвинение — признание его создателем современного мифа — никогда не появлялась в печати. К тому же создатели мифов не так прямолинейны. Они используют мягко рисуящий обьектив, нарочито двусмысленную, дразнящую ложными надеждами неопределенность. Они постоянно уклоняются от наших попыток заглянуть за занавеску, узнать, что случилось *на самом деле*. В царстве мифа не существует вопроса об исторической реальности дона Хуана и даже Кастанеды. Читатель, который хочет насильно проникнуть в мир дона Хуана, ничего не выигрывает от атак на подлинность изыскательских работ Кастанеды или уместность его научной карьеры, однако замечания таких критиков вполне уместны в царстве науки.

Посещение мира дона Хуана подобно посещению Нарнии К. С. Льюиса, Среднеземья Толкиена или даже Ближнего Востока Даррелла. Там, где мифическая правда создается и поддерживается с помощью запоминающихся неотразимых историй, околдованного читателя не интересуют вопросы объективной или обычной правды. Всепроникающая, непреодолимая потребность в мифах заставила большую группу читателей заявить, что дон Хуан существует на самом деле, а если бы он даже не существовал, он должен существовать. Однако свойственный ученым скептицизм не обладает достаточной силой, чтобы изменить такое глубоко прочувствованное решение. Что же касается меня, то я готов сознаться, что и десять лет спустя легенда о доне Хуане, вопреки тому, что я не признаю ее правдивости в буквальном понимании, все так же сильно привлекает меня.

Ричард де Милль

Обучение неделанию: сверхъестественная учебная программа

Причина того, что книги Кастанеды так широко используются при изучении начальных курсов этнографии, — объясняет Юджин Андерсон, — в том, что студенты читают их в любом случае, и никогда они не будут читать более серьезные тома с тем же энтузиазмом... Студенты, выросшие на эффектных телевизионных зрелищах и научной фантастике, ждут того же от этнографических исследований». «То, что студенты читают их в любом случае, — возражает Марчелло Труцци, — должно быть... основной причиной для того, чтобы не допускать книг Кастанеды в аудитории».

Ни профессор Андерсон, ни профессор Труцци не считают, что книги Кастанеды могут быть допущены в аудитории, но оба знакомы с хорошо известной издательской подделкой, которой пользуются поставщики и издатели Кастанеды. Типичный молодой человек, закончивший колледж просто потому, что он принадлежал к тому слою общества, который посылает своих детей в колледжи, и считавший большинство интеллектуальных дисциплин скучными и непривлекательными, неинтересными и слишком трудными. Учителя, у которых черпали свои знания такие «учащиеся», могли балансировать между соблюдением инструкций и развлечениями, что в лучшем случае могло дать недоучку, а в худшем безграмотного студента, который потом с удовольствием высмеивал своих учителей. Эта подделка кратко излагается в двух вводных курсах этнографии.

Издание 1971 года «Explorong the Ways of Mankind»* содержит три страницы из «Учения дона Хуана», которые напечатаны под заголовком «Яки — человек знания». Развивая тему о том, что образование — это инструмент передачи культуры от поколения к поколению, книга представляет дона Хуана как шамана, который ведет своих учеников «по пути знаний... индейцев яки». Такая характеристика очень мило вписывается в схему книги, но очень сильно искажает образ дона Хуана, который не является шаманом и учение которого ничем не напоминает путь знаний индейцев яки. У прилежного студента, который усвоит это тенденциозное вступление, может создаться также впечатление, что: 1) Кастанеда действительно вел изыскательские работы; 2) дон Хуан — реальная личность; 3) дон Хуан — целитель; 4) *брухо* — это то же самое, что шаман. Самое лучшее, что можно сказать об этой главе, это то, что она исчезла из издания 1977 года. В этом случае оскорбительное желание привлечь интерес читателя обернулось неудачной подделкой как для студента, так и для преподавателя.

* Исследование путей человечества.

Более сложный случай представляют некоторые пассажи в книге для чтения, озаглавленной «Other Fields, Other Grassyoppers»*, опубликованной в 1977 году. Надеюсь создать книгу, «которая бы действительно стимулировала интерес к этнографии у начинающих студентов», этнограф настоятельно советует студентам прочесть (наряду с другими вполне достоверными книгами) «Wizard of the Upper Amazon»** и всю тетралогия Кастанеды. Под заголовком «Слушайте ящериц» он воспроизводит десять страниц из «Учения», где содержатся инструкции дона Хуана по шиванию век ящерицы (с помощью инструментов, которые Ганс Зебальд находит очень непрактичными). Как и в предыдущем примере, текст дает ложное представление о работах Кастанеды как об этнографических, которые якобы отражают «представления о реальности индей-

ских яки» или то, «как яки сами понимают знание». Издатель дополняет свой вздор заявлением: «Странно, что он мало сообщает нам о культуре индейцев яки как таковой». Несколько лет редакторской работы сделали меня подозрительным к незаметной приписке «как таковой», которая в данном случае хочет навести наивного читателя на мысль о том, что книги Кастанеды рассказывают нам о культуре яки в некоторой косвенной, необычной манере (что извиняет неправильное этническое толкование), а не прямо, как можно было бы ожидать (то есть, если перевести на обычный язык, это можно считать авторитетным подтверждением того, что книги Кастанеды вообще ничего не говорят нам о культуре яки). Далее редактор рекомендует шесть книг, которые рассказывают нам о культуре яки, и по иронии судьбы, четыре из них принадлежат Спайсеру и Келли, двум авторам, которые утверждают, что учение дона Хуана противоречит всему, что известно о пути яки. Эта замысловатая туманность вряд ли сослужит студенту хорошую услугу.

* Другие поля, другие кузнечики.

** Волшебник с Верхней Амазонки.

Предлагая скорее вольное, чем обычное определение эмического (emic) подхода (как способа выражения «точки зрения аборигена, а не этнографа»), автор этой книги относит неосмотрительные заявления Кастанеды к эмическим сообщениям. Автор идет дальше, утверждая, что эмицисты заботятся об изучении языка аборигенов, не замечая того, что Кастанеда не только не изучал обозначений, применяемых яки, но не сообщает даже испанских терминов для обозначения важнейших концепций в учении дона Хуана. Студенты, которые проглатывают это утверждение автора о том, что «Учение» — «яркий пример» эмического подхода, испытают шок, столкнувшись с понятием эмического в лингвистических курсах.

Несмотря на ободрение изысканий Карлоса, автор признает «значительную спорность» достоверности тетралогии. «Независимо от того, насколько она достоверна, — говорит он, — она представляет одно из наиболее исчерпывающих и убедительных из имеющихся у нас описаний теории знаний, отличной от западной». «Но трудно сказать, какая часть этой «философии» представляет собой... результат прочтения Кастанедой Книги Откровений», — довольно неуверенно замечает Эдмунд Лич. По-видимому, будучи незнакомым с областью художественного вымысла, автор безрассудно заявляет, что столь высокая степень правдоподобия не может быть лишь плодом писательского мастерства. Он неосмотрительно сравнивает Кастанеду с Лаурой Боаннан (Элеонор Бауэн), как если бы существовали формальные трудности в отделении вымысла, замаскированного под полевые исследования, от самовосхваляющих произведений, основанных на достоверных изысканиях.

А тем временем у студентов возникают собственные трудности, связанные с необходимостью отличать учебные тексты от умелых подтасовок. В своей довольно изворотливой защите книг о доне Хуане автор, приводя свидетельства против него, ограничивается относительно незначительным фактом отсутствия биографий дона Хуана и Кастанеды, полностью игнорируя куда более важную внутреннюю противоречивость повествования. Заявляя, что книги в том, что касается известных фактов, не отвергают этнографии, он перекладывает всю тяжесть доказательств на учащихся, а потом добавляет, что было бы неэтичным приводить известные факты, потому что они могли бы посягать на то, что принадлежит дону Хуану. Эта «Уловка-22» предназначена скрыть от студентов непрофессиональный отказ Кастанеды предоставить доказательства, которые бы *не* посягали на то, что принадлежит дону Хуану.

Тексты можно делать интересными, не потворствуя причудам. Хотя хорошие произведения в области этнографии запаздывают, я тем не менее могу указать десятки мест во вполне апробированных работах по этнографии, которые воодушевляют гораздо сильнее, чем использование путей воображаемых таинственных волшебников или подслушивание их фальшиво сшитых ящериц. В лучшем случае некоторые из них откуда-то списаны Кастанедой. Так почему бы не обратиться к оригиналам? В тот же год, когда появились «Grasshoppers», вышла в свет книга «The Eye of the Flute»*, где чумашские традиции описываются Фернандо Либрадо Китспойтом, о котором Юджин Андерсон говорил: «Либрадо — один из величайших осведомителей всех времен, и

открывающееся в этой книге его видение мира должно заставить кастанедовского дона Хуана покраснеть от стыда». Автор, который достаточно осведомлен, чтобы порекомендовать «A Yaqui Life»** Джейн Холден Келли, должен знать достаточно и для того, чтобы не воспроизводить вовсе «неяковский» путь этнографического не-делания Карлоса Кастанеды.

* Глаз флейты.

** Жизнь яки.

Все это вовсе не говорит о том, что дон Хуан никогда не должен показываться в этнографических аудиториях. Преподаватели, которые хорошо понимают, что они делают, вполне могут посвятить день своей работы старому гному. Томас Р. Мур рассказывает, как он это сделал в Адельфийском университете:

«Учение» вполне полезно для вводных курсов этнографии культуры, не в качестве научного представления шаманизма, а для того, чтобы заставить мыслить и спровоцировать вопросы о возможностях других видов сознания. Некоторые из студентов задают вопросы о законности работы Кастанеды, что приводит к множеству плодотворных дискуссий о том, что такое этнография, чем она должна быть или чем она может быть. Студентов больше увлекают позитивистские подходы, но и все альтернативные могут оказаться полезными.

И я вовсе не хочу сказать, что дон Хуан должен быть выброшен из учебников. «The Don Juan Papers»* — это своего рода история болезни общественной науки и «Обманщик» (Trickster) в течение двадцати лет испытывает общество. Кастанеда, как нетрудно заметить, не ученый и не враг науки, не педагог и не разрушитель образования, он скорее необычный помощник ученых и педагогов, многие из которых проваливаются неведом куда, когда пытаются прижать его к земле. Я преследую цель прижать его настолько, чтобы лишить его научной и преподавательской силы, так что я должен отнести его к людям подобным «Ловкачу» после того, как он потерпел поражение от Бурундука. Между тем следует рассмотреть еще некоторые обломки, оставшиеся после выхода «Ловкача Обманщика».

** Записки о доне Хуане.

«Cliff Notes» обвиняет Кастанеду в том, что он страдает от недостатка образованности, плохого выбора слов, небрежного редактирования, легковверного толкования и поверхностного анализа. «Cliff» подтверждает, что Харольд Гарфинкель, профессор этнографии Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе, поощрял изыскания Карлоса, но — и не удивительно — не считал их источником кастанедовской этнометодологии. «Работы Кастанеды, — пишет «Cliff», — представляют (sic!) для читателя философию, которая редко встречается в западной литературе».

Такое удивление, вызванное плохой информированностью, открыто осуждает Колин Мак-Инне, который пишет: «Тот, кто рожден в одной из величайших цивилизаций мира, мог бы найти мудрость внутри своей собственной культуры. Так, европейцы, обладающие знаниями того, что открывалось их мудрецам, художникам и ученым, находят ответ на те загадки, которые ставят их в тупик, в своей собственной истории». С. Т. Крамп считает, что это относится к нашему времени, когда большинство читателей, которых привлекает дон Хуан, даже не подозревают ни о каких таинственных элементах своих собственных культурных традиций: многие ли из них слышали, например, о святой Терезе из Авиллы?»

Шелдон Уикс, из учебно-исследовательского отделения университета в Папуа — Новой Гвинее, вообще не видит в учении дона Хуана никаких мистических целей и упрекает Карлоса-ученика в неспособности понять, что истинной целью магии дона Хуана является прорицание и исцеление. Уикс советует воспринимать его книги «только как рупор дона Хуана». Ко всему остальному следует относиться как к легкому чтению.

«English Journal» называет «Путешествие в Икстлан» среди книг, к которым чаще всего обращаются

студенты как начальных, так и старших курсов высших учебных заведений, и считает это произведение противоядием против подделок под индейские книги. Ему возражает американский преподаватель Кристофер Векси: «К несчастью, недавний голод по истинному изображению религий американских индейцев читатели удовлетворяют с помощью эрзацев Кастанеды, пренебрегая такими восхитительными вещами, как “A Yaqui Life”».

Один из лучших сатирических портретов Кастанеды — этноцентрический представитель общественных наук, налагающий неподходящие академические теории на туземные культуры. Во втором и третьем разделах «Отдельной реальности» описываются тщетные попытки Кастанеды придать смысл встрече с пейотом с помощью теории завуалированных намеков. С характерным для него пренебрежением дон Хуан предупреждает Кастанеду, что сама идея намека безумна, бессмысленная трата времени, если человек встретился лицом к лицу с *Мескалитом*. Упорствуя в своей глупости, Карлос следит за встречами, но не видит никаких доказательств получения намека. Если воспринимать рассказ как сатиру или как фактический материал, намек плохо удастся. Тем не менее совсем так, как будто они являются персонажами из историй Кастанеды, Франк Лац и Маргарет Рэмси из общеобразовательного колледжа Пенсильванского университета приводят фиаско Карла в его попытке воспользоваться намеком *в поддержку* своей собственной теории ненаправленных намеков как ритуалистических (связанных с обрядностью) признаков в учебных организациях. «Не ясно, — настаивают они, — понимал ли дон Хуан на явном уровне, что он действовал с помощью намеков, или он просто отказывался от вербального выражения невербальной системы... Как этнограф, Кастанеда знает, что среди магов индейских яки существует система намеков. Мы считаем это справедливым для всех организаций, технических и дотехнических». Но что, если дон Хуан действовал, не-намекая?

Рональд Д. Кохен, профессор учебных программ и инструкций университета в штате Висконсин, считает, что трилогию Кастанеды следует отнести к антиобучающим, к альтернативному обучению, к разнообразию сознаний и стилей обучения. Отрицая сведение взаимодействия ученик-учитель к стандартизированным блокам (единицам), уроки дон Хуана включают интуитивные уступки для получения преимущества в дальнейшем, а также моменты импульсивных действий и игры. Они помогают проявить взаимное доверие между учителем и учеником, а также заботу учителя об ученике, понимание сложности задачи доступного обучения и осознание того, что ученик должен полностью отдаваться обучению.

Образование (говорит Кохен) существует в рамках социального окружения... У вдумчивых читателей кастанедовской трилогии возникает множество вопросов об этой социальной матрице. Например, как изменились бы взаимоотношения дон Хуана и Кастанеды, если бы все это происходило в аудитории? Какие современные методы обучения ближе всего по духу схваткам дон Хуана и Карлоса? Как может присутствие друзей Кастанеды повлиять на его реакции на учение дон Хуана? Должны ли отношения между доном Хуаном и Кастанедой проявляться только один на один? И при таком эксцентричном подходе к миру, как у дон Хуана, что может обуздать его в обстановке учреждения? Кто-то может также спросить, как родители могли повлиять на то, что у дон Хуана нет никаких явных противоречий. Чем стиль обучения дон Хуана отличается от методов, применяемых в большинстве аудиторий? Можно ли считать дон Хуана ответственным учителем, для которого интересы его учеников прежде всего?

Хотя профессор Кохен очень кратко останавливается на встречах РТА, я думаю, что непрерывный процесс разделения видов на будущее между родителями и учителями является единственной точкой отсчета для развития принципов, которые позволяли бы не перекладывать задачу друг на друга, и для разрушения препятствий, создаваемых рациональными моделями для достижения еще большей безупречности.

Дон Хуан: *El mundo no se nos viene encima directamente. La description siempre esta en el medio. Siempre estamos a un paso de distancia. Siempre andamos un salto atras.*

Переводчик (д-р Райл): Дон Хуан говорит, что наше описание мира обрекает нас на то, чтобы вечно быть предпоследними. Мы никогда не добьемся успеха в перепрыгивании в тень

своей собственной головы, хотя мы никогда не находимся дальше одного прыжка позади.

Председатель (миссис Петрульо): Есть еще вопросы?

Кто-то из родителей: Я хотел бы спросить его, почему мой Джонни не может читать?

Переводчик (после совещания с докладчиком): Дон Хуан говорит, что сам он не умел читать, пока Карлос не дал ему копию «Ideas»* Эдмунда Гуссерля. Оказалось, что эта книга написана на английском, поэтому дон Хуан сначала научился читать по-английски, хотя говорил он только на испанском и на языках яки, мазатеков и толтеков. Дон Хуан говорит, что того, что нужно изучить, существует гораздо больше, чем того, что нужно прочитать. Существует, например, не-чтение, которое дон Хуан практикует в течение 71 года с большой пользой для себя, а в конечном счете — через Карлоса — для всего мира. Дон Хуан говорит, что вы не должны беспокоиться о своем Джонни. Он просто практикует не-чтение.

*Идей.

Родитель: Спасибо.

Председатель: Если больше нет вопросов, перенесем нашу встречу в область gamada, куда мы приглашены, чтобы отведать безалкогольный пунш миссис Торнэпл и попробовать гремучую змею, приготовленную доном Хуаном.

Карл Р. В. Браун, автор следующей главы, является директором литературной программы в Тринити-колледж в Гарварде. Его диссертация по теории и практике образования, которая была завершена в Стэнфорде в 1977 году, исследует пригодность работ Кастанеды для использования в английских курсах обучения и представляет феноменологическую оценку «Путешествия в Икстлан», оценку, которая «рассчитана на то, чтобы выявить что-нибудь жизнеспособное из этого чтения». Ниже приводятся два пассажа, иллюстрирующие этот метод:

Глава пятая озаглавлена «Принятие ответственности». Я понял, что меня слегка раздражает один аспект образа дона Хуана. Что бы ни сказал Карлос, он раздражается смехом. Мне вообще не понятно, к чему этот веселый смех. Кроме того, я теперь осознал намеренно кумулятивный эффект уроков дона Хуана, — то, чего я не заметил при первом чтении...

Глава девятая озаглавлена «Последняя битва на земле». Дон Хуан начинает говорить довольно загадочно и таинственно о силах, которые направляют наши жизни и смерти. Меня увлекла мысль о неизвестных мне силах, и я захотел узнать об этом побольше. Мне захотелось оказаться на месте Карлоса, рядом с доном Хуаном, и расспросить его об этих силах. У меня возникло эгоистическое чувство, что мне не хватает чего-то очень нужного для меня. Я почувствовал, что я смог бы это приобрести, если бы только нашел настоящего учителя, настоящего мастера, настоящий путь...

Кроме использования текста для демонстрации этого метода феноменологического анализа, Браун предлагает использовать книги в английских аудиториях для того, чтобы вызвать дискуссию о ценностях, демократии в культуре и плюрализме.

Когда я впервые услышал идею об использовании книг Кастанеды в английских аудиториях, я воспринял это как черный юмор. Представив себя английским учителем, я вообразил, как я предлагаю своим ученикам следующие перлы Кастанеды:

Властный подвиг.

Гора стеклянных лоскутков.

Это утверждение пригвоздило меня.

Я восстановил свое равновесие.

Я хотел приспособиться к воинственному положению. Отсутствие воображаемой беседы ведет к двойному восприятию.

Искусство учителя состоит в отклонении внимания ученика.

Дон Хуан поместил камни на расстоянии примерно одного фута друг от друга в двух расщелинах среди леса толстых деревьев.

Я написал Карлу Брауну, чтобы узнать, зачем английский учитель хочет использовать книги чужого безграмотного писателя, персонажи которого поверхностны, искусственны и изолированы от социального контекста. Он ответил следующее:

Вымысел — это особый вид художественного слова, где принятые английские стандарты могут соблюдаться, а могут и не соблюдаться. Я согласен с тем, что Кастанеда — это не Джеймс Джойс, но причина этого не в плохой грамматике. Поверхностность, искусственность и отсутствие социального контекста — это гораздо больший недостаток, но опять-таки, для достижения своих целей он часто опирается на аллереорию. Заслуживают ли аллереории Кастанеды литературного статуса — это как раз тот вопрос, ответ на который может многому научить студентов, изучающих литературу.

Получив столь рассудительный ответ, я больше не выражал своего недовольства по поводу использования Брауном книг о доне Хуане в своих классах, хотя на его месте я бы предпочел совсем другое чтение: «Animal Farm» и «The Circus of Dr. Lao» — в качестве аллереорических произведений, «Till We Have Faces»* — в качестве мифа и Кабеза де Васа в качестве лирического путешествия через пустыни магии и тайн:

* Скотный двор, Цирк доктора Лао, Пока у нас есть лица.

Они ответили... что, возможно, мы не христиане. Потому что мы появились со стороны утренней зари, они со стороны вечерней; мы лечим больных, тогда как они убивают даже здоровых; мы ходим обнаженные и босиком, тогда как они носят одежды и ездят верхом и пронзают людей копьями; мы не просим ничего и отдаем все, что мы получили, тогда как они никогда никому ничего не дали и у них нет другой цели, кроме грабежа.

В лице этих марадеров я увидел испанского джентльмена, каким я сам был восемь лет назад. Нелегко было вспоминать об этом. Андрес и Алонсо согласились со мной, что это нелегко. Что, ваше Величество, может быть более печальным, чем встретиться лицом к лицу со своим прошлым бездумным и бесчувственным «я»?

Меньше всего я замечал в метафизических сказках Карлоса Кастанеды хороший литературный язык. Тем, что он зашел так далеко без всякого стиля, он обязан своему неоспоримому искусству сюжетно-тематических манипуляций с отвлеченными абстракциями. Силу его произведений ощущает тот оторванный от жизни читатель, который едва предполагает, что за текстом скрываются эти идеи, или читатель, никогда не видевший подлинников, которого воодушевляют бесчисленные сентенции, внезапно выскакивающие из псевдоиндейского рта дона Хуана. Я думаю, что благодаря этим ограниченным, но заслуживающим внимания достижениям вовсе не литературные произведения Кастанеды достойны занять свое место в литературе именно потому, что они *не* являются литературными. Я уверен, что обучая своих учеников в английских аудиториях, Карл Браун имеет в виду именно это отличие.

Карл Р. Б. Браун
**Читая «Путешествие в
Икстлан»**

Глава 20 озаглавлена «Путешествие в Икстлан». Я был очарован рассказом дона Хенаро о его битве с союзником, о том, как дон Хенаро впервые нашел свою дорогу на пути в Икстлан — в путешествии без конца и без отдыха. Значит, Икстлан — это символ поисков мага — его путешествия. Мне хотелось бы напомнить обложку книги, которая теперь предстает мне в новом свете как изображение этого одинокого пути в Икстлан — в место, которое существует только среди сюрреалистических ландшафтов в воображении мага, в место, куда он постоянно держит свой путь. Это одинокая дорога, на которой встречающиеся в повседневной жизни люди становятся просто фантомами, которые надеются сбить мага с пути. Меня привлекает поэзия, которой проникнута эта глава, она наводит меня на грустные размышления. Меня трогает простое метафорическое описание одинокого, сурового и не имеющего конца путешествия мага. Я думаю, меня охватывают подобные чувства потому, что у меня возникают ассоциации с тем путешествием, которое я предпринял в своей собственной жизни, — каким бы оно ни было, — которое временами тоже кажется суровым и одиноким и никогда не кончающимся, — и эти чувства будит во мне последняя глава книги.

Принятие образа жизни мага означает разрушение всех предыдущих связей со старой жизнью. Это соображение, хотя и совсем немного, оттолкнуло меня от восприятия мира с точки зрения мага, потому что оказалось, что хотя этот мир имеет свои проблемы и недостатки, он единственный, который я знаю, и мысль о том, чтобы одному отправиться в путешествие — независимо от того, какие блага ждут меня в конце, — очень беспокоила меня. Точно так же Карлос не чувствовал себя способным до конца встать на путь мага, потому что он зависел от мира, который он знал. Сейчас я замечаю за собой гораздо большее стремление к созерцанию и знаю, что, когда я позволяю идее о путешествии в Икстлан завладеть моим умом, появляется чувство, что необходимо оставить все, необходимо коренным образом измениться, установив контакты с очень важными или могущественными вещами или с людьми из «реального» мира. В изменении мага, когда он оставляет все позади, когда он захватывает в плен своего союзника, я нахожу параллели со своей собственной жизнью, когда значительные переживания — служба, великие книги, образование, люди — изменяют мой мир, и я знаю, что в целом мир для меня сейчас совсем другой, чем он был десять лет назад. В метафорической идее путешествия в Икстлан содержится вызывающая тоску по прошлому истина, заключающаяся в том, что мы можем меняться и действительно меняемся самым существенным образом. Возможно, это изменение происходит настолько медленно, что мы понимаем эту истину только тогда, когда что-то напомнит нам о прошлом. Как бы то ни было, в моем случае воспоминание о некоторых событиях из моего прошлого вызывает у меня ностальгическое чувство по отношению к некоторым людям, которых я когда-то встречал и никогда не увижу вновь, — например, к людям, которых я любил и с которыми наши пути разошлись. И есть люди, которых я просто оставил позади (точно так же, как они оставили позади меня). Все это похоже на объяснение — с помощью метафор — того, что происходит со всеми нами, когда наша жизнь изменяется, когда изменяется наше отношение к миру.

Конец книги, с моей точки зрения, замечательный — горьковато-сладкая ностальгическая вызывает у меня чувство, что после всего этого я получил эмоциональный подъем, что эта неожиданная встреча сделала меня более восприимчивым и проницательным. Мне хочется отложить книгу и просто отдаться этим чувствам, сосредоточиться на них. Одна из прекраснейших вещей в жизни — прикоснуться к переживанию, будь то произведение искусства или что-нибудь еще, которое перенесет на тот повышенный уровень восприятия, какой я сейчас испытываю и который мне

хотелось бы сохранить как можно дольше.

Ричард де Милль

Так как его отец в 1944 году отправился на юг в поисках работы, Хуан Брюс-Новоа по ошибке родился в Коста-Рике, но вскоре семья вернулась в Мехико-Сити, потом эмигрировала в Сан-Антонио и обосновалась в Денвере, где Хуан и вырос. Благодаря игре в рок-группе, он окончил денверский Реджис Колледж. Окончив Колорадский университет, он получил степень магистра по испанской литературе и степень доктора по мексиканской литературе. Начиная с 1974 года, он профессор отделения испанской и португальской литературы в Яле.

«Кастанеда досаждал мне в течение многих лет, — говорит Брюс-Новоа. — Наша последняя встреча произошла в Южнокалийфорнийском университете. Смуглый улыбающийся человек решительно настаивал на том, чтобы я включил Кастанеду в свой список американских авторов мексиканского происхождения. Он никак не хотел отказаться от этой мысли. Я сказал ему, что Кастанеда перуанец. Он ответил: «Кастанеда — американец мексиканского происхождения, чикано, потому что к чикано относятся все люди третьего мира». Я допускаю, что если вы думаете, что дон Хуан — яки, чикано может означать всех людей третьего мира, но этот человек был профессором Калифорнийского университета. Когда я спросил его, относит ли он и себя к чикано, он ответил: «Конечно, потому что я замечательный человек». Без сомнения, у Кастанеды хватает подобных последователей повсюду. Когда все связано одной светящейся паутиной, не может быть большой разницы между разными точками этой паутины. Пожалуй, мы должны упразднить все отрасли знаний и изучать учение дона Хуана».

Это можно было бы назвать порочной невинностью — что совпадает с названием поэтического сборника Брюса-Новоа: «Inocencia Perversa — Порочная невинность».

Брюс-Новоа

Чикано в паутине паука-обманщика

Хотя Карлос Кастанеда утверждает, что родился в Бразилии и претендует на португальскую фамилию Аранха, многие принимают его за американца мексиканского происхождения — чикано. Конечно, это было до того, как в журнале «Тайм» появилось сообщение, что он перуанец и фамилия его бабушки Новоа. Это немного усложнило дело. Разрешите мне его немного упростить, пояснив, что нельзя сравнивать меня с Кастанедой: я — чикано, он — нет. И тем не менее я пишу о нем, потому что он причисляет себя к чикано и оказывает хоть и небольшое, но заметное влияние на литературу чикано.

Книги о доне Хуане начали появляться одновременно с возникновением движения чикано. Естественно, прозвучавший в них панегирик растениям, которые вызывают видения повлиял на юных чикано не меньше других элементов наркомании, но еще важнее то, что он предлагал альтернативу не только духовному опустошению Запада, но одновременно компенсирующему его восточному мистицизму, который заполнял создавшийся вакуум. Духовная сила дона Хуана могла ослабить официальную церковь: его древние знания могли заменить ее чем-то лучшим. Его путь мог помочь чикано избавиться от зависимости от гринго, не теряясь в лабиринтах мистических причуд, в которых блуждали ушедшие в хиппи дети притеснителей.

В то время как черная Америка искала свои корни в африканских традициях, чикано обратились к мексиканским метисам — американским испано-индейцам. Однако иконы метисов крепко держала в своих руках мексиканская официальная церковь, которая проявляла о них не больше заботы, чем официальная церковь гринго о чикано в Соединенных Штатах. Что-то должно было символизировать нашу жизнь к северу от границы, не затемняя нашей мексикано-американской сущности. Дон Хуан обещал нам в этом помочь.

Подобно индейским яки, которые предположительно являлись его народом, дон Хуан жил по обеим сторонам границы, называя обе страны своим домом. Друг дона Хуана Хенаро повел нас по направлению (хотя так и не довел до конца) к Икстлану — название, в котором националистам-чикано слышался отзвук их утерянного ацтекского рая — Ацтлана. Как испанские полевые заметки Карлоса превратились в английские тексты Кастанеды, так и большинство чикано в начале своей жизни говорили по-испански, а потом переходили на английский. Подобно им, Карлос был американизированным испанцем, вернувшимся в Мексику за интуитивной истиной, который не слишком уверенно боролся за освобождение своего «насмехающегося» ума от ограничивающего его рационализма. Подобно тому как типичный ранне-чиканский активист подстраивал свои знания под мексиканское наследство, как Карлос на знаменитой автобусной остановке претендует на знание пейота, каждый человек стремится научиться тому, что, как ему кажется, он уже знает, каждому хочется быть признанным тем, кто уже знает.

Необычный путь Кастанеды в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе служит гротескным отражением академической карьеры чикано: ощущение собственного несоответствия поставленной задаче; чувство, что тебя презирают, с тобой плохо обращаются и перегружают работой; спасительное бегство в поле, где можно быть одновременно и исследователем и сборщиком информации; и длительная, болезненная работа над диссертацией, которая требовала непомерного труда и негибкого упорства. Подобно Кастанеде, хотя и совсем по другим причинам, многих

научных работников-чикано увлекает погоня за титулами, получение степеней и хвалебные публикации, и в то же время они страдают от чувства обиды на своих академических соратников, разрушения веры у последователей и скептицизма новых поколений. Но, как ни прискорбно, существует одно существенное отличие: ни один чикано-ученый не стал миллионером.

Кастанеда поверхностно использовал нескольких писателей-чикано, с другими познакомился поглубже. Наконец, он сварганил индейца яки и попытался выпустить его в свет. На Лорну ди Сервантес, автора «*Meeting Mescalito at Oak Hill Cemetery*»*, Кастанеда оказал не слишком большое влияние, хотя, как она мне говорила, он подтвердил ее ощущение мира, объединенного паутиной невидимых взаимосвязей. В противоположность ей, Алуриста, поэт-лауреат, представитель ацтланского мистицизма чикано, по-видимому планирует выпустить четыре книги, иллюстрирующие страх, ясность, силу и старость — врагов, которых встретил дон Хуан на своем пути знания. Алуриста пишет о космической гармонии, мужественных путях, готовности, умении посмотреть страху в лицо, преодолении грозных чудовищ, превращении грозных сил природы в своих союзников и новом видении действительности. По двум пунктам он отклоняется от пути дона Хуана. Несмотря на игру Кастанеды с понятиями ацтеков *нагваль* и *тональ* и превращение *Toltecs-ex-machina* во *Второе кольцо силы*, дон Хуан решительно игнорирует доколумбовские *культуры*, тогда как работы Алуристы тесно связаны с мыслями индейцев науа и майя. Его заголовок «*Floricanto*» перекликается с философской поэзией поэтов-жрецов науа. Тогда как дон Хуан ни во что не ставит социальную пользу от своих знаний, Алуриста надеется путем объединения «хуанизма» с высокой доколумбовской культурой возродить чиканские пригороды.

* Встреча с мескалитом на кладбище у Дубового холма.

Старая Ультима, таинственная *курандера* Рудольфе Анайя, имеет много общего с доном Хуаном. Семилетний Антонио, ее ученик, наивен почти так же, как тридцатипятилетний Карлос, но более восприимчив и определенно более правдоподобен. Ультима не использует наркотиков с Антонио, но она несет мешок с травами, которые могут неожиданно залечивать раны. Она доверяет своему близкому другу сове, с помощью колдовства может снимать проклятие и убивать соперников и умеет читать таинственные тексты природы. Она учит Антонио за хаосом этого мира видеть гармоничное единство. Антонио обучается использовать растения и разговаривать с ними, он знакомится с богами земли. Однако, как и у Карлоса, его высшим достижением является не практическая магия, а умение быть связующим звеном между недостижимой мудростью и непосвященным читателем. В произведениях, написанных соответственно Анайей и Кастанедой, Антонио-ученик — явный эквивалент Карлоса-ученика, а Антонио-рассказчик выполняет ту же функцию, что и Карлос-рассказчик.

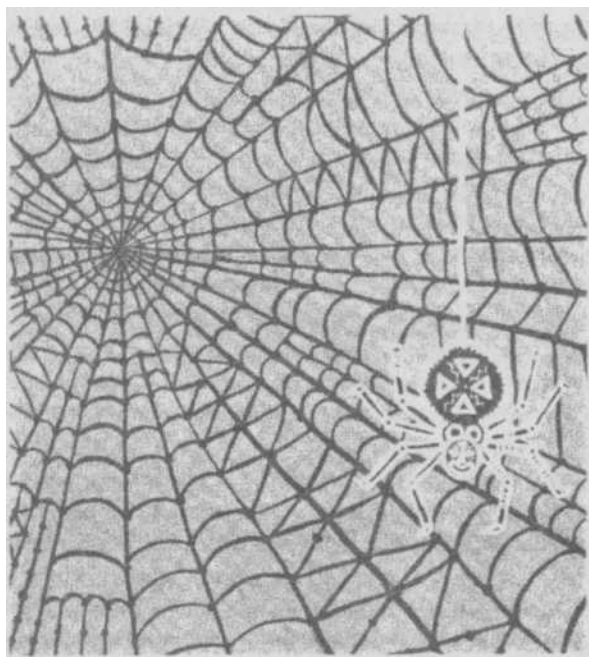
Хотя «*Bless Me*»* Ультимы не было опубликовано до 1972 года, это произведение в основном совпадает с произведением Кастанеды «Учение дона Хуана». Анайя отрицает какое бы то ни было влияние Кастанеды, и у нас нет никаких причин в этом сомневаться. Большинство совпадений, по-видимому, обусловлены общим источником: испано-американским шаманизмом. И все же, Кастанеда мог оказать влияние на Анайю. Почтительное обращение к Ультиме *La Grande* (великая) могло быть навеяно шутливым прозвищем Елены *La Gorda* (Толстуха) во «Втором кольце», так что Кастанеда может передать язвительный привет другу-писателю Анайе.

* Благослови меня.

Если истинная родина романиста в его романе, то и Кастанеда и Анайя имеют сегодня полное право на существование благодаря опубликованным ими текстам и на радость учителям, видимым только им одним. Точно так же, как Кастанеда дал несколько интервью по поводу его разговоров с доном Хуаном, Анайя рассказал мне, что перед ним появлялась Ультима и диктовала, что нужно изменить в его романе. Но эти и другие сходства перевешивает тот факт, что Кастанеда причудливо и ненадежно использует письменные источники чуждых для него культур, тогда как Анайя точно и серьезно воспроизводит устные традиции своей собственной земли и народа.

Мигуэль Мендес — индеец яки, первый короткий рассказ которого был опубликован в 1969 году. На своих 14 страницах текста Мендес использует больше слов на языке яки, чем Кастанеда на своих 1400 страницах. Учитель по имени Тата Касегуа начинает обучать своих учеников яки видеть и слышать пустыню. Он доходит до того, что натравливает на мальчика страшное чудовище, сопротивляясь которому мальчик завоевывает право называться сыном Касегуа. Удовлетворенный учитель исчезает среди песка. Этот рассказ представляет собой прототип книг о доне Хуане в миниатюре. Мысль о том, что некоторые читатели могут заподозрить подлинного яки в том, что он копирует яки поддельного, должна привести Мендеса в ярость — и вероятно, приводит.

В своей длинной эпической поэме «Los Criaderos Humanos» Мендес создает отвратительный персонаж, который все время принимает образы различных животных. Это злое, постоянно меняющееся существо стремится отвлечь безымянного главного героя от его космической цели и поисков первопричин. Другие его предупреждают, что нарушитель спокойствия — это предатель, продавший свою собственную мать. Писатель размышляет над тем, почему люди следуют за своим зверем, когда они знают, что он лжец. Только когда мы узнаем, что он паук, становится ясным истинное лицо чудовища. Подобно светящимся существам дон Хуана, человек-паук обладает аурой из светящихся волокон, из которых он плетет увлекательную паутину или, подобно дону Хенаро, подвешивает на них себя у водопада. Но Мендес ведет более крупную игру, чем милый Хенаро. *Аранха* (Aranha), португальский псевдоним Кастанеды, означает паук, похоже это слово звучит и на испанском: *арана*. Ядовитый человек-паук символизирует Кастанеду, против которого делает выпад Мендес как против фальшивого продажного пророка-лжеца, который в состоянии продать свою собственную мать.

Арана устанавливает достаточно хорошую связь, но Кастанеда, а возможно, судьба, создаст еще одно звено. Хотя настоящая фамилия Кастанеды по отцу и не Кастанеда (это фамилия его матери) и не Арана (фамилия, очень редкая для людей, говорящих на испанском языке), он все же Арана. *Арана* означает обман. Аранха-Арана — это Паук-Обманщик! В январе 1960 года, когда Кастанеда добавил в свое брачное свидетельство фамилию Аранха, он вряд ли успел прочитать о Пауке-Обманщике племен сиу и ашанти, так что аналогия может быть случайным совпадением, которое говорит о совершенстве искусства. В любом случае, это прекрасно согласуется с обвинением, предъявленным Мендесом. Как за *Аранхой* скрывается *Арана*, так за интригующей на первый взгляд фабулой романа Кастанеды прячутся поддельные, извращенные, неправильно понятые знания, которые не могут быть приняты, их необходимо решительно отвергнуть. Замысловатая игра слов и намеки Мендеса срывают покров с фальсификатора знаний яки. Теперь у осквернителя святыни яки появился достойный оппонент. Если подражание — самое честное из самообольщений, то прямо за ним следует надругательство. Мендес проявляет достаточно заботы о том, чтобы увековечить преступления Кастанеды в умело сотканном обличительном образе, который сам разоблачает

хитрости обманщика — того, кто может учить только спрятавшись.

Карлос Кастанеда пытается создать альтернативу реальности, появляясь сначала в испанской, а потом в английской культуре. Этот дерзкий проект вызывает к чикано, которые должны наложить свой собственный синтез многих культур на установившийся в Соединенных Штатах порядок, — порядок, который в значительной степени напоминает хаос. Я показал несколько случаев взаимодействия Кастанеды с чикано, но можно привести еще много других. Другая литературная моль может попасться в сотканную Кастанедой паутину, подобно уважаемому Алуристе, или повредить ее, подобно разгневанному Мендесу. Будет ли Кастанеда смеяться, если хитрости Араны помогут гринго заметить нескольких из этих писателей-чикано? Держу пари, он уже смеется, — когда читает это предложение.

Ричард де Милль

Индейцы яки — это не единственная группировка, обиженная книгами дона Хуана. Недавно себя почувствовали обиженными женщины. Я имею в виду не конкретно феминисток, а любую из женщин, которая любила Карлоса, когда он жил среди мужчин, и которую он потом оттолкнул своим способом жизни с женщинами. Неприятности начались со «Второго кольца силы». В ответ на постоянное недовольство тем, что в его книгах нет женщин (не считая, конечно, недоступной Каталины), Кастанеда внезапно ввел целый рой домашних особ женского пола и взялся за несколько явно феминистских тем: гермафродитизм, женское сознание, «мужской шовинизм», тяжесть заботы о детях, освобождение от женственности. Ведущая леди «Второго кольца», Ла Горда, рассказывает Карлосу, что в ней есть много от особы мужского пола, тогда как в нем много от особы женского пола. Четыре сестры идут впереди Карлоса в магических техниках и понимании. Пытаясь создать из них гарем, Паблито терпит фиаско. Ла Горда читает лекции Карлосу о вреде отцовства. Ее крупное, несоблазнительное тело обходится без корсетов, тампонов и парфюмерии. И тем не менее женщины-ученицы сохраняют у дона Хуана магическое превосходство и даже осыпают ударами неповоротливого Карлоса как его преемника. Дон Хуан, как мы уже говорили, превращает 220-фунтовую духовно слабую Елену в 115-фунтовую высококачественную ведьму Ла Горду, заточив ее на несколько дней в яме и заставив голодать; он приручает похотливую непокорную Лидию, заставив воображаемого цыпленка бегать у нее под блузкой; он надувает Соледад, подобно шарик, пока из всех ее отверстий не выдуваются неправильные мысли; он наказывает Хозефину, заставляя ее яростно сжимать в руке острие ножа. Только Роза сразу становится покорной, и для этого не требуется ни обмана, ни применения силы.

Путешествия Карлоса вне тела начинаются с избияния женского пола или со старания убежать от их эротических притязаний. Женщины даже нарочито дарят ему пакет менструальной ветоши. Только во время объятий он наконец понимает, сто лишенная чувственности техника полета в другой мир не является слишком пугающей или слишком неудобной, чтобы человек не мог этого вынести. А для нежностей времени не остается. Так, отвергнутая Карлосом-женоненавистником, женская половина читателей стала холоднее относиться к Кастанеде-автору и некоторые выразили протест, заявив, что они никак не дождутся, когда Кастанеда, а вместе с ним и Карлос, спрыгнут с этого утеса в прыжке повести-1974.

Джейн У. Кокс — независимый писатель, специализирующийся в области философии и литературы. В статье, которая вышла в «Southwest Review» в 1976 году, она особо отмечает все гуманистическое и полезное с этической точки зрения, что есть в учении дона Хуана, где она находит «реальность, которая по всем своим основным признакам похожа на реальность или мир, описываемый другими великими учителями, например, Сократом, Гераклитом и Виттгенштейном». Кокс прощает Карлосу то, что ему не удастся схватить стоическое ядро учения дона Хуана, что он зря расходует внимание на несущественные оккультные моменты, которые дон Хуан ни во что не ставит. Каково же тогда ее смятение перед толтекскими дьяволами, описанием Звездных войн и сверхъестественными водевильными действиями «Второго кольца». «Возвращение в Икстлан» — это плач Кокс по дону Хуану, которого она любила, и по благородным идеалам, которым он ее учил, а теперь, по капризу бессердечного обманщика, отправил в чистилище.

Джейн У. Кокс

Возвращение в Икстлан

Читатели, подобные мне, которые ожидали от пятой книги Кастанеды новой мудрости и красоты, были глубоко разочарованы «Вторым кольцом силы», потому что нигде в нем мы не смогли найти тех иносказаний и той поэзии, которые украшают предыдущие книги, особенно «Путешествие в Икстлан» и «Сказки о силе». Здесь все самое худшее расширено, все лучшее сжато. Вместо правдивых афоризмов дона Хуана — комическая полифония Хенаро. Отправив учителя в другой мир, Кастанеда опровергает дона Хуана, которому достаточно было топнуть ногой, чтобы нанести удар по нашему представлению о том, что этот мир — единственный, который мы имеем.

Обычно автор постоянно сопоставляет переживания якобы другого мира с гуманистическими учениями этого мира, но во «Втором кольце» берет верх оккультизм, тогда как гуманизм почти полностью исчезает. Карлос, донья Соледад и четыре странные молодые женщины летают роем, ходят по стенам, плетут паутину, раздваиваются, исчезают и опять материализуются просто из воздуха. Эта книга — ироническая хвалебная песнь квази-феминисткам, которые представляют собой грозную силу для своих беспомощных соперников мужского пола. Отвергая тривиальные и неподходящие трюки, дон Хуан делает упор на поиск знаний воином, который принимает таинственный, прекрасный, непостижимый мир, не надеясь подчинить или даже понять его.

«Второе кольцо» подменяет благородство пути воина мелкими пререканиями учеников, незрелым соперничеством между полами и нездоровым пустым оккультизмом. Тогда как дон Хуан учит быть ответственным и с достоинством принимать собственную судьбу, эти явно недостойные заблудившиеся последователи свернули с пути воина в какую-то темную преисподнюю гностиков, куда я отказываюсь за ними следовать. Итак, подобно многим другим читателям, я не отказываюсь от иллюзии — а может быть, от истины, — что я понимаю дона Хуана лучше, чем Карлос или Кастанеда.

Прощай, Карлос из «Второго кольца», я возвращаюсь в Икстлан.

Ричард де Милль

Работая в настоящее время над романом «о фантазии, географии и любви», поэт и критик Линн Лурия-Сукеник одновременно преподает литературу в Калифорнийском университете в Санта-Крус. «Houdini», один из трех ее поэтических сборников, содержит двадцать пять размышлений о великих художниках-эскапистах*. Подобно Кастанеде, Худини писал книги и создавал иллюзии, печатаясь под вымышленным именем. Но в отличие от Кастанеды, в своих произведениях он обращает внимание на психическое мошенничество, а не совершает его. Третий стих Лурия-Сукеник о Худини может быть отнесен непосредственно к Кастанеде:

* Эскапистская литература — это литература, уводящая от основных проблем жизни. —*Прим. перев.*

Он не пробовал ничего естественного.
Реальные вещи могли захватить его
Только как животное.
Он всегда отправлялся в путь один
К тому, что он собирался погубить.

Если бы Кастанеда попробовал познакомиться с естественной пустыней, она могла бы захватить его — может быть, тем, что отличается от всего остального, может, возможностью сделать другую карьеру. Кастанеда всегда отправлялся в путь один, любые пустыни и маги открывались перед ним для того, чтобы выразить наше воображение.

Не ожидая от Кастанеды слишком многого, Лурия-Сукеник не была удивлена тем, что его способности явно пошли на убыль. Его эксцентричный квазифеминизм забавляет ее. Она с нежностью вспоминает лучшие дни, когда дон Хуан был нашим учителем. Спокойно, мимоходом, она поддерживает романтический образ, сохранившийся с тех времен, когда она лично встречалась с автором притч: даже если его книги — вымысел, Кастанеда вполне может быть магом или, по крайней мере, магом в зародышевом состоянии.

Линн Луриа-Сукеник

Прогресс баснописца*

* Англ. *parabolist* — “иносказатель”.

Я не хотела бы, чтобы он был моим гуру», — сказала Леонора Каррингтон, когда мы с ней в 1972 году говорили о доне Хуане. Когда я прочла «Учение дона Хуана», я была очарованным зрителем, тогда как она, женщина, хорошо знакомая с эзотерической религией и оккультизмом, отнеслась к книге достаточно серьезно для того, чтобы оценить и подвергнуть сомнению ее точность и методики. Магия — это серьезное занятие, хотя слово и напоминает название духов *Sortilege* и сцены из *Fantasia*. Позднее я прочла книгу Майи Дерен о шаманизме, который по-видимому представляет собой нечто совсем другое, чрезмерно приукрашенное и теснее связанное с религией; эта книга не показалась мне такой же очаровательной: обычаи были чужими, понять их было невозможно — нужно было принимать как есть, верить или не верить, отнестись к этому просто по-любительски было невозможно.

Как поэзия, так и магия делают мир неузнаваемым: создаваемые образы и открывающаяся сила мира заставляют нас пробудиться от сна, они наполняют нас непредсказуемыми переживаниями и изменяют наши психические космические связи, требуя от нас чего-то нового. Но лучшие произведения поэзии ведут к исцелению, независимо от того, насколько трагическим может быть содержание, а магия, как оказывается, оставляет в качестве вознаграждения грозные предзнаменования и шрамы.

Мне хотелось бы понять, чем рассказ Кастанеды об ученичестве у мага увлекает такое количество людей. Отчасти, возможно, тем, что он полностью опрокидывает привычные для всех традиционные христианские доктрины доброты, милосердия, моральной серьезности и умеренности. Учение дона Хуана, суровое и забавное, стоит ближе к строгости дзэн-буддизма, где сострадание выглядит просто симпатией и где сочувствие и чувство вины заменяются такой непомерно высокой степенью внимания, что возможность их различить становится весьма сомнительной. Понятно, что такой высокой степени внимания достичь трудно. Это недоступно, утомительно и опасно, и это учит нас ничем не дорожить, учит нас останавливать мир, бросаться с утеса и принимать все это за обычные терапевтические предписания, «идти на риск». Трудность или невозможность такого пути еще больше щекочут нервы читателя — религия как приключение, как спортивное состязание для зрителя, как телесериал, как захватывающий приключенческий фильм.

Книги Кастанеды, независимо от того, описываются в них истинные события или вымышленные — а они могут быть фантазией, даже если Кастанеда маг или маг в зачаточном состоянии, — относятся к книгам, которые доставляют нам удовольствие. Они, например, содержат много головоломок и загадок. Это детективные истории, в которых есть даже многочисленные повторения и объяснения, которые мы всегда находим в конце таких историй, хотя для описанных в детективах мистификаций обычно стремятся найти реалистические объяснил, тогда как объяснения таинственных событий, приводимые в книгах Кастанеды, всегда открывают путь для осознания, Кастанеда заставляет нас осознать, что логический ход мыслей — это только небольшая часть нашего разума, и, хотя это может напугать нас, он подтверждает, что мы обладаем скрытыми ресурсами и способностями, что, конечно, заставляет воспринимать эти книги как способствующие самоусовершенствованию. Кроме того, это, безусловно, волшебные сказки, доказательство существования невидимого мира, в котором герой переживает крушение всех своих представлений, а потом погружается в восхитительный волшебный сон, после которого следует сладкое исцеление, — после тяжелой

борьбы искатель приключений получает в награду покой. Все это *дается* Карлосу, как ребенку: опасность навязывается, а не выбирается, хотя само по себе существование, когда ты находишься здесь как взрослый человек, уже опасно. И наконец, книги вовлекают нас во всевозможные своеобразные и остро отточенные ритуалы. Таким образом, они дают нам усиленное ощущение порядка — не порядка рациональности, не того, который поддерживает развитие общества, но порядка обряда, который заставляет мир замолчать.

Не допускающий снисхождения дон Хуан, его терпеливые (или нетерпеливые) наставления, которые ведут к безупречным действиям — столь непохожим на нашу беспорядочную, неуклюже управляемую жизнь, — вызывают к нашему уважению к определенности, послушанию и точности, если, конечно, мы еще в состоянии откликнуться на этот призыв. Однако откровенное кривляние и наставления этого очевидного обманщика из «Второго кольца силы» не достигают цели, за исключением ретроспектив, и без них физически невозможные подвиги, как, например, бесцельное снование людей через стены, не могут больше испытывать нашу доверчивость и вести к просветлению, а воспринимаются просто как комедия. Впервые появляется ряд женщин, и их появлению придан подозрительно странный вид, хотя в их функциях нет ничего нового, они выглядят так, как и должны выглядеть женщины, учитывая их отличие от мужчин, с их красотой, их советами относительно питания и их колдовским кудахтаньем. Персонажи ссорятся между собой, как будто хотят уничтожить все обаяние и величественность предыдущих книг Кастанеды, хотят представить мир магии грязным и грубым, лишенным какой бы то ни было элегантности, которую мы стараемся ему придать. А может быть, Кастанеда просто стал хуже писать, чем раньше, или же, по каким-то одному ему известным причинам, он испытывает нашу доверчивость. Наставления, задачи и поведение, о которых мы читаем во «Втором кольце», фантастичны, хотя случайно еще можно встретить моменты, описываемые в привычных книгах, — Паблито носит свой стул с собой, потому что он хранит его силу, и не может сидеть ни на чем другом: «Кто знает, какая гадина могла сидеть здесь до меня?» Или еще одно напоминание о том, как уклониться и избежать потакания своим желаниям — задача, которая очень легко переносится с земли магов в обычный мир. И конечно же, Кастанеда высмеивает свое собственное потакание своим желаниям как писатель, как исследователь, как сентиментальный человек: с недомолвками, излишествами, искренностью и некоторой неуклюжестью, которые соблазняют нас поверить в то, что этот рассказ должен быть правдой, если бы только он не портил свое возможное совершенство неумелыми пассажами. Возможно, он хочет также показать, какого вида совпадения многие люди сегодня считают — с удивительным самомнением — подтверждением своего особого счастливого статуса в этом мире, другие идут наобум в этой великой игре случая, к которой мы должны проявлять одновременно уважение и безразличие. Он показывает нас во «Втором кольце», где можно вдруг остановиться, чтобы завязать шнурок на ботинке и таким образом спастись от валуна, который в этот момент падает в нескольких дюймах от вас, или, как напоминает дон Хуан, можно остановиться, чтобы завязать шнурок, и в результате оказаться на плохом месте, где тебя тут же убьет падающий валун. Единственная вещь, которую вы можете сделать, продолжает дон Хуан, это хорошо завязать шнурок на ботинке. Эта метафора, как литературный прием, очаровательна и впечатляюща, а как практическое руководство она достаточно убедительна и справедлива, чтобы поддержать наш интерес к учению, хотя оно и представлено здесь слабее, чем в большинстве предыдущих томов.

Сложно сказать о современном мире, нравится он нам или нет. Техника скрывает от нас проявления природы, и у нас не остается ни пищи, ни других источников жизни, которые не были бы нарушены нашим вмешательством и контролем над всем, что происходит. Таким образом, наращивание контроля уже не является чем-то новым, уже не вызывает никакого интереса. Изюминка, как объясняют нам новые методы терапии, заключена в утрате контроля, в отказе от эго. Книги Кастанеды заманчиво совмещают задачу достижения власти над собой с экстатическим отказом от себя перед лицом явлений, которые ставят в тупик. Понятно, что такое сочетание приятно, чтобы не сказать полезно, для людей семидесятых.

Ричард де Милль

Эпистолярная аллегория: я летаю, следовательно...

Джозеф Марголис, профессор философии Темпльского университета, писал: «Либо Кастанеда описывает встречу с выдающимся мастером, либо он сам является этим мастером». Однако другие профессиональные философы воспринимают дона Хуана серьезно. Гектор-Нери Кастанеда, редактор журнала «*Наус*», примиривший феноменализм с перцептуальным реализмом, пробившись через первую главу «*Учения*», признал себя побежденным. Вероятно, Гектор-Нери не имел склонности к эпистолярным аллегориям. Возможно, его отвлекли мысли о том, что он сможет привлечь орды студентов, если станет читать лекции о другом, более популярном Кастанеде. В любом случае, большинство профессоров философии не видит никакого вызова писателю Жану-Полю Сартру в книгах о доне Хуане.

Марголис приравнивает мистическое «ворчание» дона Хуана неограниченному оригинальному материалу Анаксимандра, из которого проистекают все вещи и куда они возвращаются. Он называет дона Хуана и Виттгенштейна «двумя искусными учителями», чьи утверждения подобны в том смысле, что они «дразнят ложными надеждами». Он не задается вопросом о том, что это подобие могло стать результатом кастанедовского прочтения Виттгенштейна. И он не цитирует интервью, в котором Кастанеда говорит Сэму Кину: «Однажды я прочел отрывок из философии лингвистики Людвиг Виттгенштейна дону Хуану, а тот рассмеялся и сказал: “Ваш друг Виттгенштейн затянул себе на шее петлю так туго, что не может сдвинуться с места”».

В «*Трактате*» Виттгенштейна я обнаружил семь идей, которые, как мне кажется, проложили себе дорогу в книгах дона Хуана; в Аллеглоссарии они приводятся в следующих терминологических позициях: *Границы*, *Смерть*, *Равенство*, *Вечность*, *Объяснение*, *Лестница*, *Свидетельствование*. Из семи понятий четыре Марголис выделил курсивом. Дон Хуан представляется Марголису грозным, «совершенно незабываемым сочетанием выдающегося характера и необычайного человека», обладающего, к тому же, взглядом, «исполненным страсти и внушающим доверие». «Дон Хуан и Виттгенштейн, — говорит Марголис, — оба утверждают, что все то, что мы видим, является лишь тем, что позволяет нам видеть система наших убеждений и концепций».

Более технично и менее личностно Лоуренс Фосс применил это утверждение к научным поискам. Наука имеет свои собственные пути постижения и рассуждений, которые позволяют ученым прояснять для себя некоторые вещи и в то же время делают их еще более непонятными для других. Маги не могут принести с собой мешок обломков лунной породы, а астронавт может: очко в пользу науки (и технологии). Наука не может объяснить хождение по горящим углям, а маги могут ступать по ним: очко в пользу магов — или, по крайней мере, нет очка в пользу науки. Действительно ли дон Хуан летает? Какой взгляд на вещи лучше? Фосс заключает:

Что касается вопроса о том, летает ли дон Хуан...

очевидно позволительно сказать, что либо дон Хуан

может летать, а Нейл Армстронг * — нет; либо — наоборот; либо оба могут летать; либо никто из них летать не может.

По мнению одного специалиста, дон Хуан решительно не может летать; для другого — он действительно летает. И ни один из сценариев не отражает высшего мерила того, «что считать познаваемым», а лишь различные мерила.

Причиной признания первенства научного представления является не то, что фактические данные предположительно не являются сопоставимыми с альтернативным выражением. Скорее, здесь иное — когда рассматриваются утверждения естественных наук, они образуют своего рода связанное целое, способное учесть все, что нуждается в таком учете.

* Первый американский астронавт, вступивший на поверхность Луны.

Я должен от себя уточнить: «способное учесть *почти все* из того, что нуждается в учете», так как я думаю, что наука должна учитывать проблему хождения по горячим углям или пытаться делать это; но, поскольку, иногда я по-дилетантски занимаюсь парапсихологией и называю ее наукой, то, возможно, я и неправ.

Главным, как мне кажется, должен быть учет любой системой рассуждений и верований, современной или традиционной, того, что ее интересует, тем или иным образом, а все остальное просто следует оставлять в покое. Видение мира Декартом удовлетворяло Декарта, подход Дирака устраивал Дирака, взгляды дон Хуана удовлетворяют дон Хуана. Я выведу себя из затруднительного положения, сказав, что если бы Нейл Армстронг в действительности не прогуливался по Луне, то Лоуренс Фосс не смог бы поставить под сомнение этот факт, и никакого затруднения бы не возникло.

Джерри Х. Гилл заметил технические трудности в гипотезе Сепир-Хуан: утверждение дон Хуана о том, что обычная реальность является функцией психо-социо-лингвистической обусловленности. Он далек от убеждения, что маг, если таковой существует, может остановить мир просто путем прекращения внутреннего диалога. Он полагает, что должен быть особый консенсус, не сводимый к логическим представлениям. Тем не менее его собственная жизнь обогатилась благодаря этическим наставлениям дон Хуана, даже если путь воина «слишком индивидуалистичен, чтобы быть либо реальным, либо совершенно счастливым». «Каков в нем облик любви?» — спрашивает Гилл. Действительно, каков?

Луциус Аутлав утверждает, что «Учения» радикально подвергают сомнению наши привычные формы восприятия и понимания, хотя он сомневается, что *видение* абстрактной или начальной реальности доном Хуаном представляет собой то же, что и восприятие кантовского *ноумена*. Беатрис Брюто, глядя сквозь призму релятивизма дон Хуана относительно картины мира, разглядела только одну абсолютную реальность: «всю бесконечную связанную вселенную».

Гордон Дж. Глобас, профессор психиатрии Калифорнийского университета в Ирвине, посетил в 1972 году семинары Кастанеды и почерпнул вдохновение для своих новых работ, посвященных мозгу и сознанию. Из моря текущих мнений о Кастанеде он сумел выделить четыре альтернативных точки зрения: 1) работа представляет собой мошенничество, учения тривиальны; 2) блестящие и экстраординарные аллегории Кастанеды пронизывают конфликты эпистемологической культуры нашего времени; 3) дон Хуан и дон Хенаро обладают таинственной и ужасной силой; 4) будучи только человеком, дон Хуан является как прирожденным первоклассным философом яки, так и законченным гипнотизером, обладающим необычными возможностями, как считает Карлос. Глобас заявляет, что каждая из этих точек зрения имеет право на существование и каждая обоснована, так как каждая соответствует той или иной теории, и эти теории определяют и отбирают те факты, которые поддерживают или помогают проверить эти теории. Он заключил, что правдивость дон Хуана была попросту недоступна для академической критики.

Мое собственное менее беспристрастное мнение сочетает первую и вторую альтернативы Глобаса: книги являются мистификацией, но аллегория — всепроникающая. Один из наиболее ясных примеров философии обучения посредством рассказывания историй появляется в интервью Кина, в котором Кастанеда изображает из себя Карлоса-Феноменолога, спорящего с доном Хуаном Платоником. Кин спрашивает, пытается ли дон Хуан учить Карлоса новому видению мира, подставляя просто вместо него загадочный, но ограниченный мир мага, или же пытается помочь Карлосу *увидеть* мир в его истинной форме или бесформенной сущности, лишенной интерпретации.

«Дон Хуан и я расходимся в этом вопросе», — отвечает Кастанеда. Тогда, чтобы возразить Эдгару Бергену, ссылаются на Чарли Маккарти: почему дон Хуан и Кастанеда должны **быть** согласны? «Я утверждаю, что он меня неправильно интерпретировал» — то есть дал новую интерпретацию мира — «и он говорит, что он по-своему интерпретировал меня» — то есть дал свободную интерпретацию.

«Дон Хуан думает, что то, что он называет *видением*, охватывает мир без всякой интерпретации; представляется просто чисто чудесным восприятием». Это является совершенно удивительной эпистолярной аллегорией.

По крайней мере в трех томах фантастического труда Карлос признает мир мага непостижимым, и его непостижимость является основанием для утверждения Кастанеды о том, что он «перенял феноменологический метод», когда «записывал» учения дон Хуана. Этот метод позволил Кастанеде описать свой опыт, не объясняя его. Подобное нейтральное описание отклоняется от здравого смысла, который пытается объяснить все немедленно в терминах привычных концепций. Феноменология представляет собой академический маневр, предназначенный для распространения принятого концептуального репертуара с целью избежать зависимости от привычного. Любой подобный, сознательно преследующий определенную цель режим ведения записей, однако, вполне способен произвести впечатление своими специфическими конструкциями, ограничениями и извращениями фактов. Риск подобной непреднамеренной фальсификации был обнаружен Дональдом Палмером, который писал:

Как это ни странно, объект феноменологического анализа Кастанеды, старый маг племени яки по имени дон Хуан Матус, возникает из этого анализа, выступая как человек, который во многих отношениях сам является феноменологом. Это представляется приблизительным эквивалентом выполненного марксистами анализа Томизма, когда в результате приходят к заключению, что св. Фома Аквинский сам был марксистом. Со всей уверенностью возникает вопрос о степени, до которой фактические последствия отчета Кастанеды определяются методом, который он использует...

Что такой вопрос возникает, я охотно соглашаюсь, хотя, конечно, я должен добавить, что метод Кастанеды является не феноменологическим объяснением, а творческим написанием. Антрополог С. Скотт Литтлтон не разделяет беспокойство Палмера относительно извращений учения дон Хуана. Он пишет:

Несмотря на уверенность Кастанеды относительно риторики, поддерживаемой Гарфинкелем и другими, основополагающим предположением тут является то, что дон Хуан также является феноменологом и что его собственная риторика в сущности изоморфна той, которой пользуется Карлос. Короче говоря, представляется, что феноменология, подобно многим другим вещам, была независимо изобретена дважды: в начале века в Германии и нашим современником в Соноре.

Клаус-Петер Кёппинг, феноменолог и антрополог университета в Квинсленде, не имеет подобных иллюзий, когда пишет:

Кастанеда представляет нам подход, который совсем не интересен с точки зрения содержания представленной «фактической» информации [поскольку, как объясняет Кёппинг, большая часть содержания была уже известна антропологам], но представляет большой интерес с точки зрения метода передачи материала читателю-непрофессионалу или, другими словами, освещению такого рода фактической информации... Я не думаю, что это имеет значение вообще для всего, что Кастанеда написал о реальных опытах или состряпал на манер *Алисы в стране чудес*... Итак, предположим, что, во-первых, Кастанеда воспользовался в своих галлюциногенных опытах материалами других этнографов, а во-вторых, что он написал выдуманную историю. Что же тогда является сутью всего?

Суть, которую Кёппинг раскрывает, состоит в том, что Кастанеда усвоил и продемонстрировал с целью назидания позицию *эпохе*, как стороннего наблюдателя, предложенную основателем феноменологии Эдмундом Гуссерлем, которая требовала установления познавательной дистанции до естественного мира путем откладывания суждения о нем. Стивен Мюррей комментирует:

Аддукция Кёппинга к *эпохе*, или упоминание фактов, являются неискренними. Интерпретация работы традиционно включает знание того, какого сорта работа интерпретируется. Цель автора — независимо от того, является ли предметом его работы этнография или аллегория — едва ли уместна. Кёппинг говорит, что Кастанеда использует «герменевтический метод интерпретации», который читатель, в свою очередь, должен использовать для понимания того, что пишет Кастанеда, однако целью герменевтики является понимание текста путем раскрытия как намерений автора, так и фона, на котором возник тот или иной текст. Выяснение того, откладывает ли Кастанеда окончательное суждение при беседе с доном Хуаном в пустыне Сонора или главным является чтение Уоссона, Оплера и Гавинда в библиотеке Калифорнийского университета, неуместно для адвокатов герменевтического прочтения Кёппинга.

Я представляю себе антропологов, которые хотят выяснить, возникли ли известные Кастанеде этнографические факты и случайные новые находки среди дюн или взяты из книгохранилищ, но Кёппинг, по-видимому, думает, что его коллеги не могут или не должны заботиться об этом. «Это не «чистые факты», — говорят они. — Всё, что социолог вкладывает в слова, является связующим звеном фактов, интерпретацией фактов». Предположение, что все сюжеты не только правдивы, но и подлинны, и что нет возможности и необходимости выбирать среди них, горячо осуждалось Марвином Гаррисом как лженаучная и морально извращенная доктрина. Охранники и узники Дахау рассказывали различные истории, подчеркивает Гаррис, но мы не будем подбрасывать монету, чтобы выбирать между ними, это не повод для равнодушных выяснять таким образом, какая из историй ближе к тому, что произошло на самом деле. Красный Кхмер и беженец предлагают разные версии причин обезлюднения Камбоджи. «Из нашей неспособности получения абсолютно достоверных знаний не следует, — пишет Гаррис, — что все знания в равной степени недостоверны».

Кёппинг заявляет, что имеются факты, которые нуждаются в интерпретации, и кто-то может обладать некоторыми непроверенными или искаженными фактами, но мне бы хотелось спросить у него, какую степень искажения фактов он допускает. Если я скажу, что я описываю данные о пустыне Сонора за десять лет, то приемлемы ли они, если я никогда не был там? Является ли их качество достаточно хорошим, если они написаны другом или нанятым для этого студентом, чье имя приведено в этих данных? Достойна ли похвалы эрудиция, когда переписывают у приятеля-ученика? Были ли новые находки сделаны в библиотеке подобно тому, как это произошло с некоторыми старыми открытиями? Когда старые находки представлялись как новые, они рефлексивно подтверждали сами себя? Сговорились ли Гуссерль и Шульц заменить исследовательскую работу фантазией, добрые намерения плагиатом, непроверенные (искаженные) факты выдумкой? Безграничные и захватывающие перспективы открываются благодаря феноменологии Кёппинга.

Бесспорно, это обязывает каждого совершать такие головокружительные герменевтические циклы, что я не готов судить о значимости феноменологии для науки или философии. Однако я готов задать несколько простых вопросов относительно утверждения Кастанедах о том, что он заимствовал методы феноменологии при проведении десятилетних исследований и их описании:

- 1) Является феноменологическая социология эквивалентом лжи? Я полагаю, что большинство феноменологических социологов будут это отрицать; тогда:
 - 2) Как можно отличить феноменологию от социологии? Я рассчитываю на перечень критериев.
 - 3) Может ли быть объединена феноменология с социологией без того, чтобы последняя не стала полностью субъективной? Другими словами, может ли быть феноменологическая социология привязана к обыкновенной реальности в некоторой точке? Я полагаю, что большинство практиков ответит утвердительно.
- 1) Если упомянутый в пункте 2 критерий существует и если его использовать в отношении книг

дона Хуана, то что мы обнаружим? Я полагаю, что этими находками будут: а) Кастанеда постоянно занимается творческим сочинительством; б) он ни в коей мере не занимается научной практикой; в) его утверждение о том, что он сообщает факты, ложно и (в предположении умственной компетенции) вводит в заблуждение; г) он учит феноменологии, рассказывая истории, которые сам сочинил.

Популярная защита Кастанеды в научных кругах, подобная той, какую проводит Питер Кёппинг, заключается в голословном утверждении, что его практика феноменологии делает вопросы об аутентичности ненужными и неуместными; что поскольку феноменология заменила стереотипный стандарт надежного и объективного наблюдателя, миф старомодной науки, идиосинкразическим, непредсказуемым, субъективным наблюдателем (которого я бы назвал мифическим стереотипом новомодной науки), аутентичность теперь поблекла и представляет собой атавистические затраты времени на возбуждение вопросов по ее поводу. Это звучит довольно возбуждающе. Может быть даже творчески. Я не знаю, насколько несправедливо это для истинной феноменологии, но я знаю, что это антинаучный экстремизм и непрофессиональное самопотакание. Открытие, что наблюдатель не является мерилем, надежным инструментом, было очень важным открытием, но это произошло давным-давно, по крайней мере не позже 1816 года, когда Бессель удивился, услышав сигнал Киннебрука, отмечавший прохождение звезды через меридиан на полсекунды позже, чем сигнал Масклина, но это теперь не используется для того, чтобы отвергнуть эмпирическую науку, так же как введение ошибочного члена в формулу предсказания не оправдывает отказ от предсказаний вообще. Некоторая часть научной процедуры должна быть стандартной, надежной, аутентичной и обычной, иначе не будет науки как таковой. Если наука уцелеет, Кастанеда не попадет в ее рамки и вопросы о его аутентичности не будут занимать время ученых, хотя эти вопросы могут занимать не-ученых.

Следующая глава демонстрирует добросовестную феноменологию, сопоставимую с наукой, когда Ричард Макдермотт прослеживает путешествие Карлоса «из двух миров в один» и показывает с необычной ясностью, как первые четыре книги дона Хуана могут быть прочитаны в качестве лекций по философии. Позволяя читателю судить о том, написаны ли эти книги на основании опыта или как назидательные аллегории, Макдермотт воздерживается от проведения привычного различия между автором Кастанедой и личностью Карлосом. Называя обе фигуры «Кастанеда», он сохраняет двусмысленность текста Кастанеды. В расширенной версии своего эссе Макдермотт задается вопросом, как книги Кастанеды «хотели бы быть прочитаны» и почему они для многих читателей кажутся отражением фактического опыта. Интерпретируя глуповатые вопросы Карлоса дону Хуану не только как литературный прием, но и как «правило толкования нашего мира в текстах», Макдермотт пишет:

Путем повторного испрашивания у дона Хуана объяснений, Кастанеда, автор, сообщает нам, что для него как для личности важным является вопрос: «Что в действительности здесь произошло? Как я могу поверить тому, что сейчас увидел?»... Выражая это «беспокойство читателя» на протяжении всего текста, Кастанеда информирует нас о том, что мы не должны исключать наши обычные критерии того, что в действительности возможно... Любое нарушение обычных свойств «нашего» мира ужасает Кастанеду как личность, и он настойчиво требует, чтобы дон Хуан учитывал это. Тот факт, что то, что кажется невероятным для нас как читателей, невероятно для Кастанеды только как для личности, подсказывает нам, что в нашем мире имеет место повествовательное действие.

Макдермотт находит в этих книгах более изящную систему, чем я. Например, он во второй книге придает особое значение реальности-как-соглашению, в то время как я нахожу его более очевидным в третьей книге. Тем не менее я думаю, что его интерпретация более корректна: эти книги являются уроками, которые требуют, чтобы их воспринимали как отчеты о фактических событиях. Воспринимаемые в качестве беллетристики, они могут оказаться намного менее эффективными. Здравое суждение Макдермотта о том, что *Второе кольцо* «читается как чистая фантазия», служит желанным противоядием против смешных предположений Механа и Вудса относительно того, что все реальности одинаково реальны, показывающих, что кто-то может

заниматься феноменологией на исключительно высоком уровне, не впитав ее полностью, не потакая этноромантизму и без того, чтобы играть или становиться жертвой игр «интеллектуальной шелухи».

Ричард Макдермотт

Из двух миров в один

Первые четыре книги Кастанеды не просто описывают причудливые события, которые он, главный персонаж произведения, переживал под руководством дона Хуана. Чтобы объяснить, как он пришел к вере в подлинность этих «невозможных» событий, Кастанеда как автор вовлекает нас в дискуссию о том, как может существовать мир, в котором люди превращаются в ворон, разговаривают с животными, прыгают на удаленные горные вершины и видят вещи из перспектив, которые не свойственны физическим телам. Каждая из книг Кастанеды дает различное объяснение, почему такой мир возможен, поправляя объяснения, предложенные в предыдущих книгах.

Большинство необычных опытов, описанных в *Учениях дона Хуана*, происходит тогда, когда Кастанеда находится под влиянием галлюциногенных наркотиков. Он приходит к заключению, что пока он находится под их влиянием, он не видит то, что, как он думает, он видит, что вещи, которые, как он думает, он видит, не могут быть фактически видимы, потому что их нет здесь объективно, чтобы их увидеть. Подобно миру грез, мир мага существует в голове. Он не бросает вызов подлинности мира обычной жизни, а лишь располагается в стороне, налагая иллюзорный мир поверх объективного. Таким образом, в *Учениях* Кастанеда обосновывает свою веру в форме своего обычного критического восприятия. Его необычайные эксперименты были возможны потому, что они иллюзорны, и иллюзия является тем, что отличает мир мага от нашего собственного мира.

В *Отдельной реальности* Кастанеда принимает участие во многих невозможных событиях без помощи галлюциногенных наркотиков. Будучи не в состоянии идентифицировать любое изменение в своей способности к восприятию, он начинает терять веру в объективное существование привычного для него мира. Здесь Кастанеда приводит аргумент о том, что видимый мир социально спроектирован и является результатом наших соглашений относительно того, что мы видим. Таким образом, феномен видимого мира является продуктом общества, к которому мы принадлежим. Вовлекая Кастанеду в общество магов, дон Хуан знакомит его с соглашениями этих магов относительно нашего мира. Поэтому неординарные события возможны: их реальность оговорена в соглашениях магов и признана действительной и доказанной в качестве реальности, с которой остальные согласны, хотя опыты каждого индивидуальны.

В *Путешествии в Икстлан* изложены некоторые более ранние уроки дона Хуана, которые Кастанеда до того рассматривал как мало значащие. Кастанеда рассматривает учения дона Хуана в качестве личных уроков, четко выражающих темы, скрытые в неисследованных истоках опыта Кастанеды: принятие ответственности за свои действия, обучение не с целью манипулирования другими, жизнь в условиях самоконтроля, обдуманное принятие смерти. Кастанеда понимает, что он постигает точку зрения мага путем соединения этих уроков со своей жизнью и что дон Хуан не предлагает ему отдельной альтернативы для его обычной жизни, но дает ему более глубокое понимание ее путем настраивания его обычной жизни на волну мира волшебного. В результате, истинность учения дона Хуана может быть подтверждена только в терминах личной истории Кастанеды и отношения к дону Хуану. В этом контексте Кастанеда находит неординарные события достойными того, чтобы в них поверить, потому что они помогают найти смысл жизни. Дон Хуан должен заглядывать более глубоко в жизнь Кастанеды из своей перспективы мага, чем это может сделать Кастанеда из своей обычной перспективы. Сопоставляя обе эти перспективы, дон Хуан закладывает основу для перехода Кастанеды в реальность мага.

В *Сказках о силе* Кастанеда перенимает обычаи туземцев и начинает объяснять неординарные события в терминах новой способности восприятия, *воли*. Дон Хуан показывает, что хотя мы обычно видим вещи с перспективы *разума*, альтернативная перспектива обеспечивается *волей*. Подобно экстрасенсорному восприятию, *воля* имеет доступ к аспектам мира, которые обычно недоступны для нас. Учения дона Хуана подготовили тело Кастанеды для видения с помощью его *воли*. В этой книге Кастанеда показывает, что восприятие любого рода является описанием мира. Достигается ли оно посредством *разума* или посредством *воли*, восприятие является картиной или описанием единственного, объективного мира, который лежит в основе обоих видов восприятия. Маг участвует не в реальности, равно удаленной во времени и пространстве от нашей собственной реальности, но в описании, которое просто является большей картиной мира, чем мы обычно видим. В соответствии с этим объяснением мир мага возможен и наблюдаем, поскольку он также реален, как мир атома, который обычно невидим.

Эти четыре формулировки причин, по которым мир дона Хуана допускает исследование соотношений реальности, мысли и восприятия, постепенно дают более обобщенное объяснение того, как Кастанеда как личность пришел к вере в тех случаях, о которых он думал, что они невозможны. От одной формулировки к другой Кастанеда продвигается как в направлении понимания мира дона Хуана, так и по пути своего становления в качестве члена этого мира. Это продвижение от двух различных миров к единому, более цельному миру.

Сначала Кастанеда видит мир дона Хуана как посторонний, извне. Он сравнивает его с объективным миром, который ему знаком, и отбрасывает его как иллюзорный. Затем он находит его более заслуживающим доверия и обнаруживает его собственную реальность. Он отбрасывает свою уверенность в представлении о внешнем, сопереживаемом мире как о единственном критерии того, что является реальным, соглашаясь, что реальность сама по себе зависит от того, что именно мы полагаем реальным в конкретной социальной обстановке. Мир дона Хуана и обычный мир являются равными и отдельными реальностями. Наконец, усиливая свое участие в реальности мага, Кастанеда понимает, что учения дона Хуана относятся не к различным мирам, а к аспектам единого внешнего мира, который обычно скрыт от нас. Таким образом, он опять возвращается к представлению о единстве, объективности мира как к базису для оценки реальности мира дона Хуана.

Эти различные формулировки природы реальности мага являются не просто аргументами, устанавливающими философские основы работ Кастанеды. Каждая из них указывает нам путь понимания того, как мир дона Хуана позволяет исследовать соотношение между его миром и нашим собственным. Они формулируют то, каким образом опыты, о которых сообщает Кастанеда, могут быть поняты в несколько иных терминах, которые, но крайней мере теоретически, если не эмпирически, ощутимы для нас. Таким образом, они дают нам путь понимания кажущихся невозможными событий, представляемых Кастанедой в качестве реального опыта.

Это четырехтомная дискуссия о том, как мир дона Хуана может обеспечить путь к самопознанию и познанию нашего мира посредством книг, отыскать в них правдоподобие и, если мы пожелаем, признать их в качестве фактических отчетов. Помимо их ценности в качестве занимательной повествовательной и интеллектуальной аллегории, книги Кастанеды позволяют рассмотреть в них его как личность и нас, как читателей, желающих принять их как реальность. В пятой книге *Второе кольцо силы* мир мага становится конкретным реальным миром, более похожим на мир другой планеты, где дон Хуан и его ученики однажды встретятся. Объем этой книги увеличен за счет длинных объяснений учениками дона Хуана теоретических основ магии. Хотя мастерство магии Кастанеды придало ему впечатляющие магические силы, он больше не благоговеет от их кажущейся невозможности и больше не пытается понять, как он может проявлять их. Вместо продолжения дискуссии о реальном значении магии, *Второе кольцо*, скорее, переходит в разряд чистой фантастики. Тем не менее первые четыре книги представляют замечательное введение к серьезному занятию философией.

Стоя «намухоморенным» у подножия лестницы в доме Каэтано, брата Хенаро, в ночь с 29 на 30 июня 1955 года, «удерживаясь за перила, пронизанный экстазом видений, которые он увидел во мраке своими открытыми глазами», Гордон Уоссон, впервые ощущая «непосредственность видения», охотно идентифицировал себя с «подлинными Идеями» Платона, увиденными «без вмешательства глаз смертного», Идеями, с которыми, как он думал, Платон впервые столкнулся в Элевсинском Замке после вкушения священного снадобья. Двадцатью тремя годами позже, в «Дороге к Элевсии», Уоссон и его соавторы Альберт Хофманн и Карл А. П. Рукк, убедительно аргументируя тезис о том, что таинственное Элевсинское зелье, идентичное сильнодействующей разновидности грибов — спорынья ячменя или дикой травы, — и что Платон, следовательно, *видел* в Замке таким же «намухоморенным» мозгом, как и Уоссон в доме Каэтано, или Карлос (могли бы они добавить), когда курил грибную смесь дона Хуана.

В *Путешествии Кастанеды*, я полагаю, грибные видения Карлоса были инспирированы отчетом Уоссона 1957 года, но Карлос имел более широкий ассортимент видений, чем Уоссон. Сначала он курил гриб и летал с серебристыми воронами. Затем, протрезвев, он представил себе некий дьявольский мир, описанный дон Хуаном как «полет над землей», подобный (мог бы он добавить) платоновскому «миру над этим миром». Наконец, он *увидел* линии мира, земную сущность, не с помощью призрачных позиций или словесного описания, а путем прекращения внутреннего диалога посредством акта концентрации сознания. Таким образом, у Карлоса было три разновидности видений: первая была вызвана галлюциногенными растениями, вторая — подсказана словесно в условиях нормального сознания, а третья — вызвана в состоянии недискурсивного сознания, то есть в состоянии некоторого рода медитации. Как вскоре покажет Карл Рукк, Платон также различал три вида видений, которые довольно хорошо соответствуют таковым у Карлоса, хотя я не думаю, что Кастанеда мог знать об этой корреспонденции, поскольку Рукк и я развили эту тему в явном виде впервые здесь. В обозрении *Дорога к Элевсии* я писал:

Профессор античной филологии Бостонского университета Карл А. П. Рукк специализируется в области греческой мифологии и этноботаники. Элевсинское видение, утверждает он, не могло быть спектаклем, так как замок совершенно не подходит для этого и не сохранилось упоминаний о финансировании постановки или актеров. Нечто священное, что инициировало видение, не было собранием реликвий, ибо когда Алкивиад, будучи не посвященным, показал его дома друзьям, никто не обвинил жрецов в выдаче ему священных предметов. То, что увидели в замке, было дочерью Деметры, богиней Персефоной, возвращавшейся из плена в царстве Гадеса, заверившей каждого зрителя, что хлеб вновь начнет произрастать, что смерть была колыбелью жизни, что сельское хозяйство сможет регулирован, дикий рост, подобно тому как религия примиряет низменный мир страстей с возвышенным миром разума. Месяцы поучительных ритуалов предшествовали откровению...

Когда я писал это обозрение, я заметил вызывающее противоречие. Хотя Уоссон уверенно заявляет, что Идеи Платона это то же самое, что и видения Платона в Замке, Рукк утверждает, что Платон назвал видения в замке *фантасмами*, или призрачными видениями, то есть охарактеризовал их термином, не сопоставимым с термином «стабильный», который однозначно применяется Уоссоном и другими для описания микогенных (то есть вызванных грибами) видений. Действительно, Платон использовал различные термины для Идеи и видений в замке. Заинтригованный, я попросил Рукка классифицировать это и объяснить противоречие. Его заключение, представленное в следующей главе, состояло в том, что в то время, как Платон, весьма вероятно, *видел* грибные видения в Замке, эти видения *не были* Идеями, о которых он написал позднее. В отличие от традиционно-направленных галлюцинаций Элевсинской Мистерии, Идеи Платона возникли без помощи грибов, вероятно будучи обусловленными «медитацией в парадигмах рациональной логики, таких, как математика и геометрия». Это нечто подобное тому, как Карлос остановил мир путем прекращения внутреннего диалога, и даже, пожалуй, больше похоже на размышления Артура Кёстлера «часами у окна» над доказательством Евклида относительно бесконечности простых чисел, в то время, когда он томился три месяца,

будучи приговоренным к смерти, в камере Номер 40 тюрьмы в Севилье — медитации, которые привели Кёстлера сначала к самосовершенствованию, а затем к исчезновению его Я. В то время как Уоссон и Платон, возможно, имели похожие мистические видения первичной реальности, комментарий Рукка предполагаем что они достигли своих видений различными путями: Уоссон — посредством ритуальной микофагии (подобно Элевсийским посвящениям и Карлосу в его *Учениях*); Платон — посредством восторженного созерцания абстракций (подобно Кёстлеру в камере N40 и Карлосу в *Икстлане*). Но если Платон видел четкие грибные видения в Замке и позднее умалил их до уровня призрачных для того, чтобы отдать предпочтение своим медитативным, Сократовским видениям, то Уоссон это исправил, связав Элевсийское видение с Платонической Идеей.

Карл А. П. Рукк
**Платоновская иерархия
видений:
галлюцинаторные,
чувственные и
парадигматические**

Изменчивый мир воспринимается посредством чувств, что часто вызывает смущение и замешательство. Поэтому Платон искал более стабильные объекты для правильного распознавания в концептуальных категориях, которые он обозначил как *эиде* (*эидеа*), Визуальные Парадигмы или, как это традиционно переводится, Формы или Идеи. Ни *форма*, ни *идея* недостаточны в качестве перевода, однако для *эиде* вещи фактически видимы, если только субъект находится в состоянии восторга.

Действительно, греческий язык предполагает, что знание приходит от зрения. *Оида* (я знаю) формируется из того же корня, что и *эидон* (я вижу), таким образом лингвистически знание утверждается как совершенное состояние, достигнутое благодаря зрению. Платон, со своей стороны, не использовал этот термин в качестве мертвой метафоры, а предложил *эиде* в качестве объектов живого видения. В *Федре*, например, он описывает путешествие души в высшую сферу, где она восторженно вглядывается в вечные парадигмы, субстанцию реальности более реалистическую, чем бранные имитации, предлагаемые в качестве конкретных примеров реальности обычного окружающего нас мира.

Описывая такое трансцендентное созерцание или видение, Платон часто заимствует метафоры из сопоставимого опыта инициаций в религиозных мистериях, подобных Элевсийской Мистерии. Эти культы были названы мистериями потому, что совершались таинства, приводящие к кульминации чего-то, что не могло быть высказано не только потому, что участники поклялись молчать, но и также потому, что этот опыт не поддавался выражению. В *Дороге к Элевсии* Р. Гордон Уоссон, Альберт Хофманн и я показываем, что «климатическое происшествие» представляло собой вызванное наркотиками воображаемое общение с духами земли. Посвященные увидели мельком свое собственное участие смертных в древней аграрной магии, посредством смерти и разложения закладывающих основы последующего плодородия для возрождения, и сельскохозяйственное искусство ощущалось как принцип, благодаря которому все цивилизации развивались от примитивного состояния.

Платон, вероятно, прошел через ритуальное опьянение в Элевсии и имел видение, ради чего он ушел из обычной богатой аристократической семьи и, по-видимому, подвергся принятому в таких случаях обучению, соответствующему его роли как грека и афинянина. Более того, будучи молодым, он представил себя трагическим поэтом и, таким образом, не должен был протестовать против восторженной одержимости или опьянения, вызванного винными возлияниями в честь бога Дионисия. Для трагических поэтов были предусмотрены специальные служители этого бога, чьим даром для цивилизованного человечества было вино, питье, чей дух был не только в алкоголе перебродивших виноградных лоз, но и в диких, часто психотропных, травах, которыми это вино приправлялось. Во время фестивалей в честь великого Дионисия всё население подвергалось

церемонии опьянения этим наркотиком, и, как сам Платон свидетельствует в *Ионе*, поэт, опьяненный как все они, был очарован и одержим богом, как он говорил, сообщая им о видениях своего вдохновения.

Зрелый Платон, напротив, пришел к презрению как видений во время таких ритуальных таинств, так и эмоциональных художественных вымыслов, рассматривая их как скорее еще более иллюзорные и галлюцинационные, чем картины обычного восприятия, поскольку под влиянием своего учителя Сократа он пришел к пониманию иного, более высокого видения. Сократ сам по себе был склонен к галлюцинациям, как это показал Платон в *Симпозиуме*. Дважды в течение этого диалога он говорит о том, как Сократ впал в состояние созерцания, подобное глубокому трансу. В то время как его собутыльники ловили телесные и чувственные наслаждения, поддаваясь винным чарам, Сократ сохранял трезвость, отвлеченным глазом восторженно вглядываясь в парадигму прекрасного перед своим погружением в реальность.

Такой восторг Сократа был вызван, если судить по курсу учения, представленному в *Республике*, режимом медитации над парадигмами рациональной логики, такими, как математика и геометрия, приведшим, в конечном счете, к апперцепции рациональных образов, подчеркивающей явное многообразие материальной реальности. Платон осуждает иррациональный восторг, подобный таковому в мистериях, поскольку здесь разум, вместо того чтобы избегать общения со сферой рациональных парадигм, все более обременяется материальностью *сомы* (тела), которая, как в известном каламбуре, становится его *сема* (могилей). В этом осуждении Платон напоминает тех мистиков, кто сегодня отрицает видения, вызванные фармакологией, предпочитая режимы медитации.

Несомненно, здесь было также и Орфическое влияние на этот пуританизм Платона. Математики, которыми Платон так много восторгался, часто поддерживали определенные Орфические доктрины относительно дихотомии смертного тела и бессмертной души. Орфизм первоначально должен был развиваться, по-видимому, в рамках религии Дионисизма, пытаясь найти этические рамки для аграрных таинственных культов, которые не признавали никакой этики, кроме магии развития плодородия. В притче Платона о пещере человек, погребенный в земле в ожидании образных галлюцинаций, вынужден мучительно заставлять себя покинуть своё заключение и подняться в яркую реальность дня. Используя притчу, Платон показывает, что освещенный солнцем мир вокруг нас является сам по себе иллюзией, воспринимаемой смущенной телесной оболочкой, вглядывающейся в парадигмы более высокой сферы, которая является этическим пристанищем души.

Ричард де Милль
**Ползучий кактус доктора
Матуса, или Отважный
психопатолог**

«Я чувствовал ужасный гнев. Я сказал ему, что никто не должен играть с чувствами и привязанностями личности. Дон Хуан смеялся до тех пор, пока слезы не потекли по его щекам, и я ненавидел его».

Приводит ли дон Хуан свидетельство своего собственного мастерства в рамках системы, которую он представляет и в которую он вводит своего ученика?.. Существует ли связь между теоретическими принципами и фактическим поведением? Ответ на этот вопрос категоричен — «Нет».

Поведение дон Хуана часто обнаруживает наличие значительных бессознательных конфликтов, которые не только свидетельствуют о том, что это ущербная, вероятно трагическая, фигура, но и серьезно затрудняют развитие его ученика, чья неспособность завершить учение коренится *как* в его собственной эмоциональной ранимости, *так* и в патологических поступках его учителя.

Эти пассажи взяты из основного опубликованного психологического исследования книг дон Хуана, содержащего три больших статьи М. Д. Фабера, который является не доктором медицины, как это может показаться, если его инициалы принял, за ученый титул, а профессором английского языка в университете Виктория, где он преподает литературу и теорию отношений между объектами. Фабер знает свои предметы снаружи и внутри и пишет ясно и прямо. Когда он идентифицирует дон Хуана, его статьи представляют краткий курс теории психоанализа, который я убедительно рекомендую всякому, кто интересуется до-эдиповым подходом к душе и поведению. Конечно, имеются и другие подходы, такие, как Юнга и гуманитарный, которые мы рассмотрим в надлежащем курсе.

Фаберовский портрет Матуса-Патотерапевта возникает не только благодаря глубокому изучению литературы и психоанализа, но и, что достаточно удивительно, из дружбы с Карлосом Кастанедой в Калифорнийском университете в начале 60-х годов, групповых посещений фильмов и вечеринок, встреч за кофе или ланчем на лужайке, бесед во время совместных прогулок, которые никогда не касались клинических проблем, но были приправлены небылицами, подобными той, которая связана с «Сержантом Кастанедой и фотографиями дон Хуана». Несмотря на выслушивание этих мюнхаузенских приключений, Фабер заявляет о своей уверенности в подлинности этого учения, по крайней мере в том виде, в каком оно описано в *Учениях* и *Отдельной реальности*. Предположение, что дон Хуан существует вне головы Кастанеды, несколько искажает анализ Фабера, но не разрушает его. Отделение помыкаемого Карлоса от временами жестокого дон Хуана делает картину более легкой для отображения. Если садизм и мазохизм являются двумя сторонами Кастанеды, психодинамика должна быть более сложной. Я пригласил Фабера заняться этой новой проблемой, но, к несчастью, время не позволило сделать это, так что обучение происходит в пределах фиктивного отношения между учителем и учеником, где оно имеет характер поучений.

Учение начинается с напоминания о том, что символическая мать составляет большую часть социального мира ее детей. Отображая обычную человеческую несообразность, она иногда является

матерью теплой, любящей, воспитывающей, а иногда холодной, отвратительной, небрежной. Так она создает альтернативные миры хороших и плохих социальных отношений для ребенка, чтобы он жил в них. Поступая таким образом, она становится исходной тайной, прототипом обманщика и предателя. Обучаясь у нее несообразности, заключенной в личности, ребенок развивает у себя раздвоение личности с собственными радостями и несчастьями, приписываемыми хорошему и плохому социальным мирам. Беспомощный в отношении сердитого настроения матери и ее физических размеров ребенок иногда боится, что она его поглотит или задавит своим массивным корпусом. Со временем подобные переживания и ужасы погружаются в подсознание, откуда они иногда вызываются наружу новыми ужасами и переживаниями.

Дон Хуан, как показывает Фабер, также является тайной, обманщиком и предателем. Сочетая особенности отца и матери, он иногда хорош, но чаще плох. Обучая Карлоса как ребенка, стремящегося добиться расположения любимого родителя, он переносит чувства древней семьи через годы из Южной Америки на обучение магии. Приписывая реальности Карлоса двум отдельным мирам, он реактивирует инфантильное раздвоение личности. Позволяя Карлосу пойти поиграть с бессловесным Мескалитом и допуская, чтобы его сильно помяла опасная, властная, соблазнительная, непредсказуемая бесовка, он нарушает равновесие Карлоса. Вызывая Ла Каталину, суперплохую мать, он терроризирует ребенка-ученика, а затем составляет нечто неопределенное путем ее слияния с медузой (в последнем эпизоде *Учений*), так что подвергаемый пыткам регрессор не знает, имеет ли он дело с хорошим отцом или с плохой матерью. В конце *Учений* Карлос преследуется массой темных булавочных отверстий, которые угрожают поглотить его, подобно порам на коже матери, прижавшей к себе перепуганного ребенка. Таким путем дон Хуан приближает свое учение к грани психоза, откуда бедный парень может бежать только улетев к рационалистической безопасности Калифорнийского университета. (Автор Кастанеда, напротив, кажется психологически намного более стойким и всегда хорошо защищенным, чтобы избежать любой опасности психологического срыва, всегда угрожающей хрупкому Карлосу, друзьям Кастанеды и академическим спонсорам, часто беспокоящимся о нем, поскольку Кастанеда часто описывает им зарождение нервного срыва у Карлоса.)

В *Отдельной реальности* противоречивость отношений Карлоса к своей матери представлена сознательно, и различные преданные забвению объекты извлекаются из мира подсознания. Дон Хуан прислушивается к горестным воспоминаниям Карлоса о своем детстве. Гигантский комар возвращает страхи и боли детства. Все они могли бы способствовать подготовке к сознательному излечению ранних травм, если бы дон Хуан был мудрым и любящим терапевтом, но он таковым не является. Его трюки смущают Карлоса. Его непредсказуемая холодность оставляет Карлоса психологически покинутым. Посылая Карлоса одного против ужасной Каталины, он вооружает мальчика кабаньей ногой для того, чтобы тот мог протаранить ее, причем этот дар подразумевает, что Карлос не имеет собственного пениса; таким образом терапевт символически кастрирует клиента. Такие деструктивные манипуляции вынуждают Карлоса мобилизовать всю систему интеллектуальной и рациональной защит против тревог, непосредственно связанных с ранними травмами, причем это слишком опасно, чтобы доверять такому вероломному руководству.

Предыдущий курс опубликован в *Psychocultural Review*. Третья статья, в *Psychoanalytic Review*, сосредоточивается на характере бездарного терапевта, задаваясь вопросом, почему дон Хуан так дурно обращается со своим учеником. Фабер еще раз рассматривает состояние человека, характеризуя его на данный момент как «отсутствие завершенности в человеческом взаимодействии». Для того чтобы спасти некоторую часть рая, предшествующего его рождению, ребенок отбирает хорошие вещи в один мир, а плохие — в другой. В хорошем мире ребенок находит свою личную силу, ощущая, что он контролирует все вещи; в плохом мире он является бессильной жертвой, заслуживающей своей судьбы. Программа дон Хуана по аккумуляции персональной силы перестраивает внутреннюю структуру. Старые эмоциональные вклады обесцениваются в связи с аннулированием старых отношений, которое означает, что ученик должен вычеркнуть свою личную историю и отказаться от друзей и семьи. Это освобождает его чувства для произвольного вклада менее утомительных забот, таких, как магия и мистерия, но сохраняет его социально изолированным, лишая любви и поддержки. *Действие* является подтверждением старых связей;

бездействие обрывает их; но их полный разрыв слишком пугает, так что Карлос не *видит*. Сумерки в пустыне символизируют готовность войти в мир подсознания. Трещина между мирами маскируется анатомическим приглашением к повторному рождению, после которого светящиеся нити пуповины, все как одна, вытягиваются, создавая видимость независимости от них.

Являются ли трюки и удары дон Хуана просто дидактическими уловками, простительными в отношениях между учителем и учеником? Нет, утверждает Фабер, такие извинения, независимо от того, поддерживаются они или нет ссылками на равно подозрительные традиционные системы обучения, психологически наивны. Действия дон Хуана являются не просто обучающими приемами, но выражениями подсознательных целей. Его центральным актом является выбор Карлоса в качестве ученика, однако зачем ему понадобился ученик? Фабер объясняет. Мир, из которого дон Хуан себя выделил, является жестоким миром, лишившим его отца и матери, вырвавшим его с корнем и изгнавшим, заставившим его почувствовать себя уязвимым и эмоционально зависимым. В этом враждебном мире он научился обходиться без чувств, заботы, отзывчивости, открытости для других, но эта могучая защита не уничтожила остаток разочарования, гнев и зависимость — которые существуют там, откуда пришел ученик. Дон Хуан нуждается в Карлосе как в невольном вместилище его подсознательной борьбы, тягостного бремени, которое выбросило его из привычного мира и оставило в безвыходном положении в шизоидном неординарном мире. В Карлосе дон Хуан разглядел, в конце концов, прекрасную жертву, на которую можно излить остатки садистского гнева от горьких детских страданий.

Являются ли наставления системы дон Хуана утратившими силу из-за его плохого поведения? Нет, говорит Фабер, однако система имеет свои собственные недостатки: зависимость от наркотиков (неожиданно возрожденная во *Втором кольце*, когда Элихио посылается в другой мир последним усилием силовой установки), социальная изоляция, борьба за контролирование мыслей других вместо обучения у них, использование шока, террора и злоупотребление доверием (предательство) для встряски организма. В письме ко мне Фабер писал:

Несмотря на то что определенные аспекты учения дон Хуана могут содержать некоторый позитивный терапевтический потенциал, эта программа в ее целом виде, во всех ее проявлениях, должна быть решительным образом отнесена к категории садистских, даже ненормальных. Патологические контрпереносы тут встречаются на каждом шагу. Вспоминается замечание доктора Джонсона: остерегайтесь философов, они рассуждают как ангелы, а живут как люди. Как терапевт, дон Хуан оставляет желать много лучшего.

Если какая-то рекомендация дон Хуана, заключает Фабер, и незабываема для нас, так это та, что все магии в мире перестают работать, если одна из них вступает с остальными в конфронтацию и храбро действует посредством обычных реальностей собственного подсознания.

Плохое мнение М. Д. Фабера о доне Хуане уравнивается хорошим сообщением редактора *Psychoanalytic Review*. Мери Колеман Нелсон действует на той же текстуальной основе, цитирует много тех же анекдотов, но находит мало того, что не достойно похвалы в практике дон Хуана. Там, где Фабер видит садистские контрпереносы, Нелсон видит доброжелательное, терпеливое понимание, которое не балует ученика. Там, где Фабер видит своего старого друга по Калифорнийскому университету, ставшего жертвой изворотливого мага, Нелсон видит современного героя, путешествующего по тропе Знаний в компании по-отечески мудрого гида. Замещая ворчливого дон Хуана его идентификатором, размышляет она, психоанализ может объяснить множество аномалий, подобных полтергейстам и ведьмам. Отдавая себе отчет в том, что легитимность Кастанеды находится под ударом, Нелсон предсказывает вопросы о достоверности, которые бы «сузили ее до минимума путем сравнения с более глубокими межличностными и моральными результатами, помещенными в его трудах». В заключение она воскрешает игру в диалектику и журналистскую маскировку Киркегара, другого известного лже-ученого, который также обманывает нас своим учением.

Гуманистический психолог Барбара Фориша приписывает дону Хуану введение в гуманизм

мистического или трансличного измерения, распространяющего заботы и компетенцию клиента из личностно-социальной сферы в сферу космическую, разрушая концептуальные границы с помощью трюков и манипуляций, хотя и за счет большого беспокойства и необходимости в самодисциплине. Благо самосознания может быть глубже, чем об этом заявляют нам гуманисты, говорит Фориша. Этот вызов обычным рекомендациям относительно теплоты, заботы и эмоциональной честности был воспринят серьезно редактором Томасом Гринингом, который спрашивает:

Являются ли поддержка и настойчивость достаточными для того, чтобы помочь нам попасть в пустоту, из которой возникают преобразования? Или мы нуждаемся в беспорядочном встряхивании? Я высоко ценю сердечность и поддержку, которые я получил в своем путешествии, но я должен признать, что большинство глубоких изменений были обусловлены радикальными и нежелательными расстройками моих ментальных структур. Как говорит Барбара: «Эго не ищет своего собственного разрушения». Кому, в таком случае, можем мы довериться в случае, если нам понадобится помощь такой само-хирургии? Многие споры об «est», например, концентрируются на проблеме, связанной с тем, какой метод и в чьих руках даст нам возможность отделить нашу сущность от нашего эго. Являются ли обучение Кастанеды у дона Хуана или мое доверие к моим опытам «est» опасным заблуждением или мудрым и необходимым скачком?

Дихотомия фаберовского взгляда не так четко вырисовывается, как это может показаться, вот почему Грининг говорит, что поддержка, настойчивость и достоверность *необходимы*, но не *достаточны*. Возможно, Фориша и Грининг не приписывают случаи дону Хуану, если они обнаруживают в его практике повсеместные патологические контрпередачи, настолько очевидные Фаберу.

Фориша отмечает сильное несоответствие между проповедью дона Хуана и *Что такое Дзэн?*, но не приписывает это кастанедовскому прочтению Судзуки, хотя она воспроизводит параллельные пассажи (перечисленные в Аллеглоссарии в рубрике Сам), которые предполагают не только метафизическое согласование, но и буквальное влияние.

В *Религиозном Гуманизме* Джин и Чарлз Кокс трактуют «отчуждение» как «бессилие» и доверяют дону Хуану лечить его. Парадокс совершенно изолированного воина, аккумулирующего энергию для лечения своего «отчуждения», создан для исчезновения путем принятия на вооружение объяснения дона Хенаро: воин не одинок, потому что он влюблен в мир. Изъян этой формулы в том, что мир воина населен девятнадцатью воинами и четырьмя миллиардами призраков. Психолог Эльза Фирст допускает, что мир дона Хуана был улучшен ценой постоянного отчуждения от человеческих привязанностей, но полагает, что он все же превращает созидательную альтернативу в безумие, в склонность создавать альтернативные миры Р. Д. Лэинга. Психолог Стивен Хендлин систематически сравнивает дона Хуана с Фредериком Перлсом, заключая, что дон Хуан множит права выбора жизни, обеспечивая свободу от социального контроля и отвержения лицам, одаренным необычными реальностями. Чарлз Пулвино и Джеймс Ли, профессора в области рекомендаций и управления, предлагают не критическую оценку мировоззрения дона Хуана и его дидактического метода. Автор Питер Мэрин называет путь дона Хуана наиболее экстремальным примером нового нарциссизма, моральной пустоты самообожания, которыми «торгуют вразнос» также Арика, Лунизм, Харе Кришна, «est», Наукология и Исален.

В эссе, озаглавленном «Психическая Бисексуальность», Шарлотта Пейнтер говорит, что аллегорические диалоги Кастанеды демонстрируют «способность отдельной личности мыслить более чем одним путем. Его интуитивным мистическим ментором является собственное отвергнутое «женское» Я... и его задачей является... балансирование между этими двумя Я, чтобы опять овладеть отвергнутым Я».

Брюс У. Скоттон из Нейропсихиатрического института Лэнгли Портера рассматривает Кастанеду в качестве учителя психиатрии, пересекающейся с культурой, и невербальной терапии, причем

конфронтация между Карлосом-Скептиком и доном Хуаном представляет модель, в которой мировоззрение пациента сравнивается не с обычной внешней реальностью, а с мировоззрением психиатра. Скоттон полагает, что число людей, психически нормальных, которые в среднем не разделяют точку зрения психиатра на реальность, должно быть велико. Он приписывает восьми ответвлениям светящихся нитей дона Хуана соответствие частям тела в таком же смысле, как это имеет место у семи индусских чакр: *рассудок и речь* — голове, *видение* — левым ребрам, *мечтание* — правым, *эмоции* — грудной клетке, *воля* — под пупком, *раздражение* — гениталиям. «Задний проход, — говорит он, — по-видимому, является вместилищем *настроения*». Или, как сказал бы дон Хуан: «Благонравный мир, с которым вы носитесь, является обгаженным миром». Скоттон считает, что дон Хуан способствовал развитию работы Юнга о *личности* (социальная очевидность Я) и о симметричных аспектах индивидуальности (невидимое *раздражение*, балансирующее с видимым *раздражением*).

Некоторые последователи Юнга увлеклись работами Кастанеды из-за их легендарной ауры и символического многообразия: Карлос, направляемый в путешествии попеременно Обманщиком и Мудрым Стариком, встречается с множеством оригиналов (архетипов). Хотя Стивен Ларсен воспринимает дона Хуана как плохого терапевта и неадекватного шамана, тем не менее он находит Карлоса-Скептика полезной эмблемой рационализированного модерниста. Мэри М. Уоткинс ссылается на танцы Сакатеки как на метод вызова сновидений во время бодрствования и на Карлоса, выглядевшего держащим себя в руках, как на метод контролирования своих снов; Фабер должен был бы осудить подобные попытки контроля, но Уоткинс заявляет, что их результат неизвестен.

Последователь Юнга аналитик Дональд Вильямс и поэт У. Аллен Эшби вели хронику своей дружбы, которая, подобно таковой у Карлоса и дона Хуана, не прерывалась, несмотря на браки и появление новых друзей и уход старых. Обращение за помощью несчастного в любви Эшби к дону Хуану — вопиющий пример доверия к недостойному человеку, поскольку представления дона Хуана о любви помещаются где-то между никчемностью и развращенностью. Надо отдать должное Эшби — он почувствовал неуместность такого шага. Вильямс пытается представить учения дона Хуана как социальные, которые можно применять только путем довольно тонкой символической интерпретации. В переписке со мной Вильямс упомянул о бросающейся в глаза архетипичности американских индейцев в отношении современных американцев. Я ответил, что американцы сделают небольшой шаг в сторону американских индейцев, если удовлетворятся некоторым синтетическим архетипом и признают дона Хуана европейцем.

Работник социальной психиатрии Майкл Вон (не имеет никакого отношения к дону) видит символические пороги в сумеречном столкновении миров, в переменчивом поведении дона Хуана, в эпистемологических вопросах Карлоса и в легендарной автобусной станции на границе между научной рациональностью и ненаучной магией. Он определяет проблемы ученичества Карлоса то ли как прислушивание к советам Мудрого Старца, то ли как влечение к выдумкам Обманщика. Он клеймит этнометодологию как убежище духа обманщика дона Хуана, врага всяких границ (ограничений). Он говорит, что, актуализируя мир магов лишь в воображении, дон Хуан отвергает буквальное прочтение сюжета и проявляет «иконоборческое отношение к своим собственным эзотерическим учениям, причем его беспокойство связано не с буквальной сутью таинства, а с эпистемологией и герменевтикой».

Союзник, говорит дон Хуан Карлосу, должен выглядеть как человек, которого знаешь или которого собираешься узнать. Мария-Луиза фон Франц, автор многочисленных работ и последовательница Юнга, интерпретирует союзника дона Хуана как Я в его первичной, демонической форме, опасного зверя, который нападает на мага или психоаналитика и заставляет подчиняться. Хотя фон Франц нравится дон Хуан, она сожалеет об отсутствии Эроса (любви) и Анима (женственного аспекта личности) в его последовательно грубом руководстве Карлосом. У дона Хуана, говорит она, отсутствует большое достоинство Юнга, который учил, как иметь дело со сверхъестественным миром глубокого подсознания, не разрушая человеческих отношений и социальной обстановки. «Активное воображение, — заключает она, — не должно создавать одинокого асоциального охотника за мистериями».

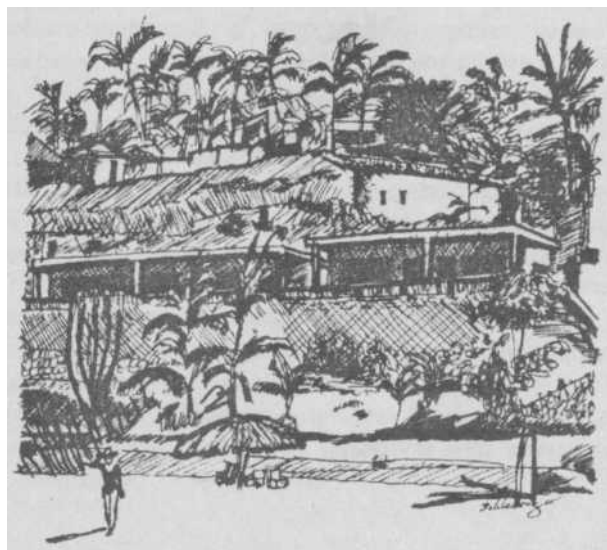
Уэстон ла Барр, преданный поклонник Фрейда, не приемлющий Кастанеду, согласен с Фабером, что книги дона Хуана обнаруживают свойство беспорядка, но поскольку он признает дона Хуана литературным героем, то есть личностью, полностью содержащейся в сюжете, он приписывает этот недостаток целиком автору Кастанеде. ла Барр представляется мне менее толерантным и смущенным «дерзкой психопатией», скрытой в мистификациях дона Хуана, но я объясняю это моей толерантностью и смущением, оправданными в сравнении с антисоциальным поведением, которое причиняет намного больше вреда и не предлагает никаких компенсаций. «Как редактор *Записок дона Хуана*, — писал я ему, — я должен быть очень заинтересован в эссе, раскрывающем тему отвратительного вреда, который Кастанеда причиняет другим, но я подозреваю, что безусловные жертвы вряд ли могут быть обнаружены. Они, я полагаю, как правило, ощущают чувство гордости за его обманы».

Вместо усиления гнева против Кастанеды по поводу его «неэтичного метода», как это делал Карлос в отношении дона Хуана; вместо того чтобы говорить «никто не должен играть с чувствами и привязанностями личности», как говорил Карлос дону Хуану; вместо чувства ужасного раздражения к Кастанеде или ненависти к нему, как это ощущал Карлос по отношению к дону Хуану, предполагаемые жертвы Кастанеды горячо защищают его от моей рассудительной и беспристрастной критики. Если они становятся совсем неистовыми, то только по отношению ко мне. Я не могу утверждать, что *он* виноват в их несправимости, ленивом повиновении Обманщику, который должен дать им то, что они хотят. Как говорят, Бхарати выпалил, поднимая бокал с мадам Блаватской: «Mundus vult decipi» — Мир желает быть обманутым.

Кастанеда мог бы быть правдоподобным, если бы решительно не защищался от обвинений в антисоциальном поведении путем сравнения своих полезных общеизвестных и профессиональных тестов с замешательством и беспокойством, которые они вызывают. Если Нейл Эриксон страдал в течение семи лет психозом после прочтения *Учений дона Хуана*, то как мы узнаем, что он не страдает подобным же психозом после видения *Заклинателя* или прочтения *Зова Ктулху*? Возможно Кастанеда спас его от ангела праха, успев его рано застать. Допускаю, что благодеяния Кастанеды кажутся случайными побочными результатами потребности в самовыражении силы и славы на публике, а не великодушным и скромным желанием помочь другим; допускаю, что чем глубже мы заглядываем в мотивы Обманщика, тем темнее они кажутся; но не является ли это справедливым для недоступной пониманию психологии вообще? «Если бы типичная антисоциальная личность — подводит итоги мое письмо к ла Барру — приносила такой же малый вред, как Карлос Кастанеда, то этот обычный мир людей был бы лучшим местом».

Часть V

**ПОСТИЖЕНИЕ
КАСТАНЕДЫ**

Каталина, Отель Каталина.

Ричард де Милль

Стоящий противник

«Без существования достойного противника — не врага, а хорошо подготовленного и действенного соперника — ученик не способен продвигаться по пути знания».

Согласно описываемой истории, на календаре был 1962 год. Карлос расставлял ловушки на кроликов и перепелок, но не мог ничего поймать, а Кастанеда в это время показывал свои рукописи всем преподавателям Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе, но никак не мог найти в них отклика.

— Кто-то мешает твоей охоте, — заявил дон Хуан.

— Кто? — спросил Карлос, хотя он уже понял, кто это был.

Это была Ла Каталина, его достойный соперник.

Или, как он называл ее в первых трех книгах, «ля Каталина» — в это имя странным образом входили кавычки и определенный артикль женского рода.

Этот эпизод указывает на два тонких свойства стиля работы Кастанеды. Первое заключается в том, что календарное время его жизни и время повествования часто совпадают, и описываемые приключения Карлоса относятся к тем же датам, когда аналоги событий происходят в жизни Кастанеды. Второе свойство представляет собой сигналы метафорического изложения, обнаруживаемые в странностях стиля и произношения, и благодаря им аллегория может быть отслезена вплоть до ее подлинных источников в обыденной жизни автора. Какие же события заставили Кастанеду выдумать «ля Каталину», очаровательную и ужасную ведьму, вмешивающуюся в охоту Карлоса за Силой?

Я убежден, что корни генеалогии достойного соперника заключены в двух статьях в «*Сатэрди Ивинг Пост*», первая из которых принадлежала перу Олдоса Хаксли, одного из любимейших писателей Кастанеды. «Стимуляторы мистических способностей», к которым Хаксли относит ЛСД и пейот, «обеспечивают подлинный религиозный опыт», благодаря которому «огромное количество людей [зачастую] достигает радикального самораскрытия и более глубокого понимания природы вещей», что приводит к революции их религиозных представлений. Статья Хаксли была опубликована в октябре 1958 года, на границе 60-х. Через год Кастанеда прочел «*Священные грибы*», и статья направила его к эпохальной работе семьи Уоссонов «*Грибы, Россия и история*», фигурирующие в которой шаманы Мария Сабина и дон Аурелио, как я уже показывал, стали первыми прототипами дона Хуана.

Кастанеда был не единственным духовным революционером, вдохновившимся работами Хаксли и Уоссонов. Именно в то лето 1960 года, когда, согласно повествованию, Карлос впервые встретился с доном Хуаном, психолог из Гарварда Тимоти Лири сидел у плавательного бассейна в Кьюрнавике (Сьернаваса) и впервые пробовал галлюциногены — девять священных грибов масатек (обратим внимание, что грибную смесь дона Хуана они с Карлосом покуривали в небольшом домике возле оросительного канала, в который дон Хуан потом окунал Карлоса, чтобы привести его в чувство). В течение последующих пяти часов Лири чувствовал себя мертвым. В том, что он впоследствии назовет глубочайшим религиозным опытом своей жизни, он покинул свое тело, распростертое на кровати, заново прожил всю свою жизнь и вернулся в прошлое к существованию в форме

одноклеточного организма. Открыв таким образом «духовный эквивалент водородной бомбы», он спешит в Гарвард, чтобы поделиться испытанным с остальными. Одним из его первых сторонников становится психолог Ричард Альперт, который позднее станет известным как Баба Рам Дасс. Вдвоем они начинают проповедовать свой новый завет студентам и преподавателям вплоть до администрации университета, и в результате новые евангелисты образуют некоммерческую корпорацию «*Международная Федерация Внутренней Свободы*», сокращенно — «If-If»*. Летом 1962 года «If-If» организует учебный центр в рыбацкой деревушке Зихуатанехо (Zihuatanejo) на побережье Мексики, чуть севернее Акапулько. Эти поклонники психоделики делают своим святилищем очаровательный «Отель Каталина», цепляющийся за самый край крутого обрыва и укрытый тенью пальм. На иллюстрации показан вид на отель со стороны пляжа. Американцы, остановившиеся в гостинице вместе с Лири, называют его «the Catalina», а при переводе на испанский вместе с определенным артиклем это преобразуется в «ля Каталина» — название, вполне нормальное для отеля, но совершенно необычное для собственного имени героини книги.

* International Federation for Inner Freedom; сокращение «If-If» означает «Если-Если». — *Прим.перев.*

Хотя на курсы в «Каталине» записалось около пяти тысяч желающих, в Мексику приехали лишь немногие. Весной 1963 года Гарвард увольняет заблудших преподавателей, а затем мексиканское правительство изгоняет двадцать обитателей «Каталины» назад на родину. Бесстрашное общество «If-If» занимает 45-комнатный особняк неподалеку от Миллбрука в Нью-Йорке и готовится к решающей атаке на молодежь Америки, тем более что радио выделяет для Лири специальную программу «Небо в бриллиантах». Журнал «*Лук*» публикует «Загадочное дело о наркотиках в Гарварде», а «*Сатэрди Ивнинг Пост*» — серию статей «Опасная магия ЛСД», в которой «мексиканские приключения» описывает Джон Коблер.

«Весь вечер я, как прикованный, просидел перед деревом, ощущая самую его *древесность*», говорится в описании одного из ЛСД-видений Коблера. «Я чувствовал, что это именно дерево, — благодаря его аромату, — будет якобы вспоминать не притрагивавшийся к наркотикам Карлос. — Нечто во мне *знало*, что этот своеобразный запах является самой *сутью* дерева».

«Самые излюбленные наши принципы стоят на пути огромного прилива, поднимающегося уже два миллиарда лет. Приятно, когда эта плотина вербального выражения дает трещину», — радостно восклицают Лири и Альперт. «Я *видел* одиночество человека как гигантскую волну, застывшую передо мной и сдерживаемую невидимой стеной метафор», — напишет потом Кастанеда.

«If-If» предлагал освободить своих членов от «нитей паутины», чтобы они смогли наконец воспарить в бесконечном пространстве сознания. Якобы отуманенная грибами голова Карлоса будет летать среди серебряных ворон, а его глаза, которые никогда на самом деле не застилало воздействие наркотиков, увидят горную гряду как «паутину светящихся волокон».

В качестве руководства по использованию наркотиков «If-If» приняла «Тибетскую Книгу Мертвых». Дон Хуан скажет Карлосу, что эта книга — просто «куча хлама».

«Этот опыт в большей части невербален, невыразим словами, и поэтому в нем невозможно следовать описаниям друзей — разве что вы принимаете наркотик одновременно с ними», — говорят Лири и Альперт. Составляющие необычной реальности «не могут стать темой споров и поисков обычной общности», — напишет Кастанеда; они требуют некой «особой согласованности с общими признаками». Коблер спросил одного психоаналитика, есть ли какой-нибудь риск в использовании таких мощных наркотиков, которые применяются при лечении некоторых пациентов. «Разумеется, — заверил его врач, — ведь любой маг может обнаружить, что он всего лишь жалкий ученик другого мага».

«Если кто-то сможет показать нам лучший путь к счастью, — заявлял печально известный Лири, — то мы немедленно бросим свои исследования. Но я не думаю, что кто-то способен указать иной путь». Тем временем в еще никому неизвестном разуме Кастанеды уже созрел лучший путь —

путь сердца дона Хуана, который уведет будущих читателей его книг от того, что Кастанеда видел как посторонний наблюдатель за «Каталиной», — к дисциплинированному и вненаркотическому мистицизму.

Десять лет спустя, на встрече со студентами в Ирвине, Кастанеда сообщит им, что дону Хуану больше не нужны психотропные растения, хотя приверженность ритуалу все еще заставляет его «ежедневно отыскивать и собирать грибы с прежней тщательной внимательностью», — с позиции ботаники это заявление совершенно нелепо, так как грибы невозможно собирать «ежедневно» даже в Оаксаке (Оахаса), не говоря уже о Соноре.

Джон Уоллис записал следующие фантазии Кастанеды, связанные с деградировавшими остатками группы Лири.

Карлос рассказал нам, насколько ужасным стало для него обнаружение остатков колонии, которую, по-видимому, в 60-х основал Тимоти Лири. Когда мексиканские власти вышвырнули группу Лири из Мексики, некоторые члены группы скрылись в холмах в ожидании, пока скандал не утихнет. Карлос рассказывает о посещении дома, в котором все еще жили эти люди:

— Я вошел, растянув рот в самой лучшей своей улыбке и крикнул: «Привет, друзья! Я Карлос Кастанеда из Лос-Анжелеса». Но все были словно замороженные. В большой комнате находилось двадцать пять человек*, совершенно неподвижных, будто окаменевших. Меня несколько приободрило подобие улыбки на лице одной девочки, но от нее я тоже не добился ни единого слова. Она подтянула к себе ногу и стала ее почесывать. Нога была полностью покрыта волосами. Я был поражен тем, что видел. Я был совершенно ошеломлен. Я выскочил из дома, появился дон Хуан,** и мы отправились в горы. Я рассказал ему про этих американцев. Он сказал, что тоже их видел, добавив, что они совершенно нелепы. Он видел, как они едят грибы сырыми прямо в поле. Дон Хуан был испуган, потому что без тщательной обработки эти грибы очень ядовиты***. Дон Хуан просто не мог понять, как они могут поступать так глупо. Он видел совершенно голого американца, сидящего посреди поля и пожирающего грибы прямо там. Дон Хуан был потрясен».

* Впечатляющие «остатки» группы из двадцати человек. — *Прим. автора.*

** Интересно, почему дон Хуан слонялся по Знхуатанехо, в пятистах милях от Оаксаки и в тысяче миль от Соноры? — *Прим. автора.*

*** Это стало бы новостью для Марии Сабины, хотя, разумеется, ядовитость грибов является метафорическим предупреждением о духовном и умственном ущербе, который могут принести галлюциногены, употребляемые без направляющего ритуала. — *Прим. автора.*

Как объясняет Кастанеда, ему пришлось изучать магию, потому что сами по себе наркотики не могут остановить этот мир, они лишь переставляют элементы прежнего ложного видения мира. «В этом заключается мое отличие от людей типа Тимоти Лири», — заявил он; это был самый серьезный вызов, который Кастанеда осмелился бросить самораскрытию а-ля Хаксли в борьбе за сердца и умы последователей. Пока «Мессия от ЛСД» метался от одной идиотской крайности к другой («Я обожаю Тима, — сказал Хаксли, — но поражаюсь тому, что он ведет себя как придурок»), — то оказываясь в тюрьме, то скрываясь в жалком изгнании, то вновь надолго возвращаясь домой, — Кастанеда продолжал писать три своих бестселлера.

По словам дона Хуана, влияние достойного соперника заставляет воина прилагать ко всему максимальные усилия; противником, достойным Карлоса, Кастанеда посчитал «ля Каталину». Осенью 1962 года в Зихуатанехо процветала «If-If»; в то же время в Соноре, согласно повествованиям Кастанеды, Карлос испытал шесть столкновений со своим достойным соперником,

от которых волосы у него вставали дыбом. На поразительной фотографии, приведенной в статье Коблера в 1963 году (я привожу здесь зарисовку этого снимка), запечатлена дородная молодая женщина в купальнике расцветки леопардовой шкуры, которая, наглотавшись ЛСД, бредет по линии прибоя мексиканского побережья; ее левая рука протянута вниз, к воде. В подписи к фотографии Коблер говорит, что она «ощущает силу океана». Я уверен, что этот примечательный образ, четыре года хранившийся в изобретательном мозге Кастанеды, воплотился в его рукописи в 1967 году в форме «злой ведьмы», пытающейся расправиться с дном Хуаном, что стало метафорическим изображением бума «психоделического супермаркета» Лири, который грозил похоронить под собой любого начинающего автора квазинаучного труда, попытавшегося отстаивать позиции строгой дисциплины, навязанной труднодоступным магом, смешивающим свои ингредиенты по секретным формулам.

Молодая женщина, наглотавшись ЛСД, бредет по линии прибоя мексиканского побережья. Она говорит, что...

С 1968 по 1974 год карьера Лири приходит к закату, а звезда Кастанеды, наоборот, восходит. Соответственно, в каждой последующей книге Ла Каталина становится все менее ужасной. В *«Учении дона Хуана»* она настолько ужасна, что на нее нельзя смотреть в ее подлинной форме. В *«Отдельной реальности»* она остается пугающей, но уже превращается в красавицу. В *«Путешествии в Икстлан»* она получает титул «достойного соперника». А в *«Сказках о силе»* дон Хуан наконец признается, что все это время она была другом, намеренно играющим роль врага. Таким образом возрастает великодушие метафор Кастанеды, и в результате он одерживает победу над этой католичкой-отступницей, над этой очаровательной противницей. И он вполне мог позволить себе подобное великодушие, ибо уже в 1969 ученый муж Теодор Рожак со всей искренностью объявляет его работы уникальным по своей важности вкладом в психоделическую литературу, утверждая, что они, похоже, пришли на смену «относительно дилетантским потугам Хаксли, Уотса, Бэрроуза и

Лири».

...«она ощущает силу океана».

В интервью, которое он дал Сандре Бертон из *«Тайм»*, Кастанеда рассказывает о том, как был приглашен на вечеринку в Ист-Виллидж в Нью-Йорке, где встретился с Лири; однако разговоры любителей «кислоты» оказались совершенно бессмысленными. Он говорит: «Они выглядели, как дети, постоянно индугируя на своих противоречивых откровениях. Маги принимают галлюциногены совершенно в иных целях, и после того, как попадают туда, куда хотели попасть, прекращают их использование». Перевод этой метафоры таков: аллегорист пишет о галлюциногенах, пока не издастся несколько его книг; после этого он прекращает о них писать. Столкновение Лири и Карлоса, безусловно, неизбежно, однако кое-что в его описании выглядит немного странным. *«Тайм»* датирует встречу 1964 годом, но зачем бы еще ничего не опубликовавшего и совершенно никому не известного автора из Лос-Анжелеса вдруг приглашали встретиться с Лири в Нью-Йорке? И как ограниченный в средствах студент-выпускник смог бы оплатить такое путешествие?

Более красочная версия этой истории была приведена пять лет спустя в *«Фэйт»*. В ней путешествие Карлоса на восток объясняется его приключениями с доном Хуаном, а Лири и Альперт якобы узнали о них из *«Учения дона Хуана»*. Пусть этот вариант снимает вопросы о неожиданном госте и безденежности путешественника, однако возникает более сложная проблема: к тому времени, как было опубликовано *«Учение дона Хуана»*, Лири уже переехал в Калифорнию, так что необходимость в каком-либо путешествии совершенно отпала. В любом случае, впечатление Карлоса от Лири, описанное в 1969 году в *«Фэйт»*, ничуть не отличается от высказанного в 1964 году в интервью для *«Тайм»*, беседы поклонников «кислоты» по-прежнему убоги; Лири глупо шутит, постоянно хихикает и называет Альперта «еврейским педиком», а сам Альперт — к тому времени уже вернувшийся из Индии с именем Баба Рам Дасс — благословляет всю тусовку, помахивая бананом, скрытым под полкой его накидки. Встревоженный Карлос сбегает с вечеринки точно так же, как

перепуганный Карлос выбежал из дома деградировавших хиппи.

Поскольку с 1968 по 1970 год оба они жили в Калифорнии, я вполне готов поверить, что Лири и Кастанеда могли оказаться в одно время в одном и том же месте, однако различные варианты этого столкновения объясняют нечто большее, чем простое презрение дона Хуана к демоническому Лири. По-видимому, Кастанеда репетировал разнообразные воображаемые сцены и случаи, используя своего тогда еще более популярного соперника для обретения магического контроля над Лири, вовлекая его при этом в самые разные аллегории. Если бы о приюте для Лири довольно скоро не позаботились исправительные учреждения Калифорнии (California Department of Corrections), то вполне мог бы состояться разговор, подобный следующему:

Каталина: *Хала, доктор Лири!* Как здорово тебя снова встретить. Сколько лет, сколько зим!

Лири: Привет. Мы что, уже раньше встречались?

Каталина: *Еще бы!* Я «Каталина».

Лири: Это ведь отель, очаровательный крошечный отельчик.

Каталина: Прекрати ты свой *сексизм*, дон Тимо. Между прочим, я феминистка.

Лири: Неважно. Кто ты на самом деле?

Каталина: «Каталина»! Я была отелем, но сейчас я ведьма.

Лири: *Большое дело!* Я как-то был одноклеточным организмом.

Каталина: Знаю, Коблер писал об этом в одной статье — она как раз и является связью между тобой и Кастанедой.

Лири: Серьезно? А я из Кастанеды ничего не смог вытащить. Он явился на одну нашу собирушку в Нью-Йорке... или это было в Калифорнии?.. Ладно, черт с ним, — в общем, он тогда забился в угол и ни слова не сказал за весь вечер.

Каталина: Он занимался *сталкингом*. *

* Здесь непереводаемая игра слов: «**Catalina:** He was STALKING. (Звучит: He was talking: «Он говорил».) **Leary:** No he WASN'T («Нет, он молчал») **Catalina:** Ess-Talking. With an ESS. (Созвучно — Ass: «задница»). — *Прим.ред.*

Лири: Нет, он молчал.

Каталина: Задница говорила. Он говорил.

Лири: Брось ты, я его вижу, как сейчас.

Каталина: Ты не *видишь*. Ты *смотришь*. Ты только меняешь местами одни и те же ложные взгляды на мир. Ты и этот Рам Д'Асс, с его изнеженными формами блаженства и дурацким бананом в рясе.

Лири: Ладно, все это не имеет значения. Вот я сейчас основываю пространственные колонии. В одной жизни успеть перейти от внутреннего космоса к внешнему, представляешь?!

Каталина: *Ха!* Ты думаешь, мы сейчас не в *такой* колонии? Ты что же, не читал о пятидесятитысячфуговом куполе? Это тебе разве не искусственная среда, созданная инопланетянами?

Лири: Ух ты, я сейчас просто увидел его!

Каталина: Ты не *видишь*. Ты занят только своими противоречивыми откровениями, суперсладострастными видениями и своими ночными клубами. Ты казался таким достойным соперником, мы думали, что ты сможешь запустить Карлоса на высокую орбиту. Стоило бы тебя проучить за то, что ты стал такой задницей. Даже дон Олдос это говорит.

Лири: Хаксли?! Он что, живой?!

Каталина: Ну уж и не мертвый.

Лири: И где же он сейчас?

Каталина: Разумеется, *под куполом*.

Лири: А я могу попасть под купол?

Каталина: Если позволят. Это уж как *Нагваль* захочет.

Лири: А как узнать, захочет он или нет?

Каталина: Читай следующие книги.

Лири: Следующие? Обозреватели сказали, что Кастанеда уже исписался, выгорел.

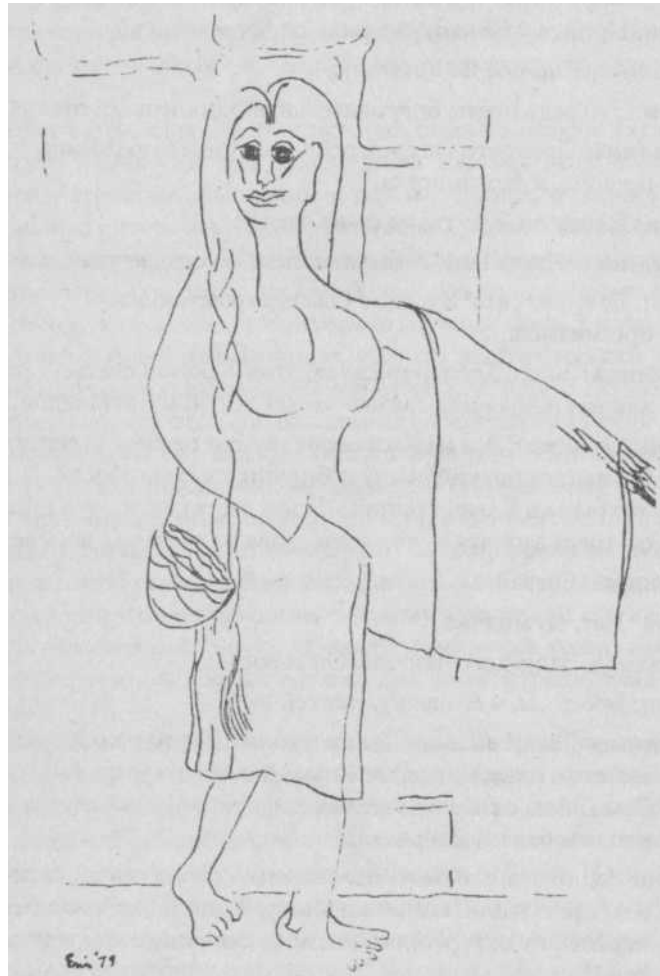
Каталина: Все эти разговоры — куча хлама. Это они сами от злости сгорают, потому что Карлос из них обезьян сделал. Вся эта затея с культом будет длиться вечно, она вроде как бессмертная, понимаешь?

Лири: Это меня утешает.

Каталина: Не *тебя*, бобо, а *его*.

Лири: Хм... я вижу.

Каталина: Не *видишь*. *Видят* дон Хуан и Карлос. А дон Лири только *разговаривает*.

Ла Каталина.

Ричард де Милль
**Аллегория — не
этноботаника: анализ
письма Кастанеды
Гордону Уоссону и
заметок Кастанеды
на испанском языке**

Карлосу Кастанеде пишут многие, но он мало кому отвечает. Гордон Уоссон стал одним из таких счастливицов. 26 августа 1968 года он отправил Кастанеде следующее письмо:

Уважаемый г-н Кастанеда,

«Экономическая ботаника» предложила мне сделать обзор на основе «Учения дона Хуана». Я прочел Вашу книгу и был поражен ее уровнем и теми галлюцинаторными эффектами, которые Вы испытали. Я надеюсь, что письма от незнакомых людей еще не окончательно заполнили Ваш почтовый ящик и у Вас найдется время на обсуждение использования грибов доном Хуаном.

Мои профессиональные интересы в первую очередь связаны с галлюцинаторными эффектами мексиканских «священных грибов». Я и моя жена впервые опубликовали материалы об обнаруженном в Оаксаке культе грибов, и по моему приглашению туда приехал и работал вместе с нами над их изучением профессор Роберт Хейм. Втроем мы написали несколько книг и множество статей.

I.

Верно ли мое заключение, сложившееся на основе Вашего рассказа, что Вы лично никогда не собирали эти грибы и даже не видели ни одного цельного экземпляра такого гриба? В книге они всегда описываются уже в виде порошка, возможно, в смеси с другими ингредиентами, не так ли? Дон Хуан носил этот порошок в мешочке, висящем на шее. Когда он использовал их, они дымили. На странице 63 Вы говорите, что однажды отправились в путешествие в Чиуауа за *хонгуитос* (*honguitos*), но потом оказывается, что целью похода был мескалит. Когда Вы впервые упоминаете об этих грибах, то говорите, что это «возможно» *Psilocybe mexicana* (стр. 7)*, но потом они оказываются уже наверняка этим видом. Удостоверились ли Вы, что имеете дело с *Psilocybe mexicana*? Этот гриб, скорее, разползся бы в руках дона Хуана в клочки, но уж вряд ли превратился бы в порошок. Однако некоторые галлюциногенные «дымочки», растущие в определенных районах Мекстиканы, могли бы дать подобный порошок. Известно ли Вам, где растут описанные Вами грибы — на выгонах, на полях, в навозных кучах, на гнилых стволах деревьев или где-то еще?

* Все ссылки на страницы книг К. Кастанеды приводятся по первым американским изданиям. —

II.

Судя по всему, дон Хуан (я думаю, Вы сами дали ему это имя, чтобы предохранить его от надоедливых поклонников) прекрасно говорит на испанском и успел пожить во многих местах — в Соединенных Штатах и в южной Мексике, возможно, еще где-то, а также в Соноре и в Чиуауа. Каково его культурное происхождение? Является ли он чистым индейцем яки? Или его личность заметно изменилась под влиянием тех новых мест, где он жил? Мог ли он подвергнуться влиянию индейцев Оахаки в отдаленных районах этого штата и именно у них научиться познаниям в грибах? Я расспрашиваю обо всем этом, потому что раньше не было никаких свидетельств использования галлюциногенных грибов в районах Соноры и Чиуауа. Честно говоря, их там даже никогда не находили, и трудно поверить, что даже если в засушливых условиях этих штатов можно случайно найти отдельные экземпляры таких грибов, то их хватит для возникновения и отправления церемониальных ритуалов; в любом случае, очень сложно рассчитывать найти их в достаточном количестве. Это могут быть только известные индейцам небольшие районы, достаточно влажные и плодородные, в которых они наверняка могут найти такие грибы. Возможно также, что этот вид гриба еще не известен науке, и он способен расти в засушливых местах. В таком случае было бы восхитительно, если бы Вы смогли его обнаружить и сделать такое примечательное открытие. Практика курения этих грибов, которую Вы описали, также была мне до сих пор неизвестна. Если у Вас есть образцы этого порошка или той смеси, в состав которой он входит как ингредиент, мы смогли бы определить его вид с помощью микроскопического анализа, поскольку в такой смеси обязательно присутствуют споры, и если этот вид известен науке, то этих спор будет достаточно для его идентификации. На данный момент у нас хранится почти два десятка галлюциногенных видов грибов, встречающихся в Мексике.

III.

Появится ли испаноязычная версия Вашей книги? Вы представили в ней несколько переводов, но во многих случаях мне чрезвычайно хотелось узнать и о других словах и выражениях. Как дон Хуан произносит «человек знания» — как «hombre de conocimientos» или просто как «un hombre que sabe»? В языке масатек «курандеро» звучит как «cho-ta-chi-пе», «тот, кто знает». Двухязычен ли дон Хуан, или он говорит на испанском свободнее, чем на языке яки? Есть ли в Ваших заметках эквиваленты используемых им терминов на языке яки? Было бы чрезвычайно интересно изучить лингвистическую выразительность языка яки по значениям этих терминов. Упоминали ли Вы в других книгах или в выступлениях, умеет ли он читать и писать на испанском? Чем он зарабатывает себе на жизнь? Его эзотерические знания вполне профессиональны, но ему ведь необходимо каким-то образом кормиться. Я предполагаю, что Вы сами полностью принадлежите к культуре «гринго», поскольку произносите свое имя как «Кастанеда», а не «Кастаньеда», как оно звучит на испанском.

*Искренне Ваш,
Р. Гордон Уоссон*

Те, кто убежден, что дон Хуан родился в одной из библиотек Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе, когда Кастанеда читал сочинения Уоссонов издания 1957 года, увидят определенную иронию в том, как в письме Уоссон представляется «незнакомцем» и столь беспокоится о доказательствах своей этноботанической квалификации. В 1968 году сам Уоссон еще не оценил той степени, в какой его собственные работы стали источником вдохновения Кастанеды. Три года

спустя он признался, что сразу ощутил, что «пахнет обманом». Дело было даже не в том, что грибы дона Хуана невозможно было опознать, но в том, что Кастанеда казался до странной степени равнодушным к их идентификации. Письмо Уоссона является прекрасным примером того щепетильного уважительного тона, которым именитые ученые экзаменуют студентов, подозревая их в списывании и обмане. В 1968 году Уоссону было 70 лет, и он уже обладал большим опытом в разоблачении обманщиков и притворщиков, однако в лице Кастанеды ему встретился достойный соперник его уровня учености и опыта в разоблачениях.

В своем ответе на письмо Уоссона Кастанеда претендует на образ человека науки, опубликовавшего этноботанические находки или, по крайней мере, такие достоверные наблюдения, которые могут стать надежной основой этноботанических открытий, и который сейчас отвечает на вопросы, поставленные чрезвычайно известным знатоком в этой области, строго ограничиваясь при этом своими опубликованными утверждениями. Таким образом, содержание его письма неизбежно становится достоянием всей научной среды и не может быть предохранено никакими доводами о частной собственности или тайне личной переписки. Благодаря любезному содействию Уоссона на меня легла обязанность и большая честь довести до вас содержание этого документа. С другой стороны, — многих это разочарует — литературные права на это письмо защищены законом об авторских правах, и его нельзя использовать без разрешения владельца. 12 августа 1979 года я написал Кастанеде: «Ваши поклонники и мои читатели наверняка гораздо больше оценят возможность прочесть исходный текст Вашего ответа, чем мой рассказ о нем». Мало кого удивит, что ответа на это письмо я не получил. Тем не менее когда-нибудь письмо Кастанеды будет опубликовано, и мне остается надеяться, что, сравнив его с изложением в этой статье, вы убедитесь, что я неплохо поработал, отделив то, что относится к ученой среде, от того, что принадлежит самому Кастанеде, и что я передал содержание письма полностью и без искажений. Пока Кастанеда не смягчится или его наследники не позволят опубликовать это письмо, вам придется довериться мне.

Письмо Кастанеды к Уоссону составило шесть плотно заполненных машинописных страниц, на каждой из которых стояла дата «6 сентября 1968 года». Подпись, вне всяких сомнений, принадлежит Кастанеде. Тем не менее в своей следующей книге писатель напишет: «4 сентября 1968 года я отправился в Сонору навестить дона Хуана... Два дня спустя, 6-го сентября, пришли Люсио, Бениньо и Элихио... мы собирались вместе поохотиться». Пока Карлос в Соноре охотится на зайцев, Кастанеда практикует stalking на Уоссоне из Вествуда. Человек, который по-настоящему владеет stalkingом, предстает перед оленем в форме оленя, перед койотом — как койот, а перед ученым — в обличье ученого. Характерным способом поведения Кастанеды с теми людьми, которых он хочет обратить на свою сторону или убедить в чем-то, является отзеркаливание их интересов и подражание их манерам мимики и жестов. С мимикрии начинается и его письмо к Уоссону — заголовки на каждой странице, с указанием имени адресата и даты, что является постоянной привычкой Уоссона; три раздела, пронумерованных римскими цифрами; те же самые завершающие слова «Искренне Ваш». Чтобы избежать повторений типа «Кастанеда пишет» я представил содержание письма в форме списка из пронумерованных утверждений, а комментирую эти утверждения, как обычно, в квадратных скобках. Вопросы Уоссона, которые цитировал Кастанеда, выделены курсивом. Итак, письмо:

1. Кастанеде было чрезвычайно приятно получить письмо Уоссона, поскольку Кастанеда «очень хорошо знаком» с его работами и польщен уделенным ему вниманием. Однако Уоссон должен принимать во внимание, что Кастанеда не является большим авторитетом; его знания полностью ограничены теми данными, которые ему удалось собрать. Его заметки никогда не были в строгом смысле антропологическими полевыми наблюдениями, но скорее «результатами опросов», связанных с его интересами, имевшими «значение» и «содержание» лично для него. Таким образом, его увлекают скорее «косвенные намеки» дона Хуана, чем какие-либо «специфические этнографические подробности». Поскольку он имел дело с «драматичной и серьезной» системой убеждений, то даже намеренно скрывал некоторые такие детали. Было бы «излишним» пытаться исправить эти неопределенности в одном единственном письме без предварительной подготовки более широкого «этнографического контекста», и поэтому Кастанеда попытается лишь ответить

на вопросы Уоссона. [Подвергая себя прелестному самоунижению, Кастанеда оправдывается ограниченностью своей профессиональной компетенции и неофициальностью целей своих исследований, выскальзывая таким образом из смиренной рубашки научной этнографии. Судя по всему, упоминание драматичности и серьезности убеждений дон Хуана как-то обязывает Кастанеду скрывать этнографические детали. Честно говоря, это больше похоже на намерение мистифицировать читателя. Под «излишним» он, очевидно, понимает тщетность, но далее подразумевает, что если бы он пожелал, то смог бы поместить дон Хуана в определенный и ясный этнографический контекст, чему он сам противоречит немного ниже. В данном случае такой подтекст служит целям окружения его слов аурой достоверности без каких-либо реальных доказательств этой достоверности.]

Вопрос: Верно ли мое заключение, сложившееся на основе Вашего рассказа, что Вы лично никогда не собирали эти грибы и даже не видели ни одного цельного экземпляра такого гриба?

2. Кастанеда сам собирал эти грибы. Он держал в руках «не меньше сотни» их экземпляров. Каждый год они с доном Хуаном отправлялись собирать грибы «на юго-запад и северо-запад от Валль Националь (Valle National)» [Хуахутла де Хименес (Huahutla de Jimenez), где Уоссон впервые попробовал грибы, расположена на северо-западе от Валль Националь. Отзеркаливание Кастанеды привычно отражает то, что собеседник ожидает или надеется увидеть, при этом не показывая это в четких очертаниях. Сейчас он напоминает Уоссону о Хуахутла, не упоминая точного названия этой местности.] Кастанеда хотел описать ритуал собирания грибов в «Учении дон Хуана», но поскольку, в отличие от пейота и дурмана, эти грибы содержат «союзника (альядо, aliado)» дон Хуана, тот установил правило «абсолютной секретности относительно подробностей процесса». [Кастанеда мягко сворачивает в сторону, переходя от вопроса о внешнем виде экземпляра гриба, который интересовал Уоссона, к рассказу о ритуале их собирания доном Хуаном и в результате говорит, что ритуал запрещено кому-либо описывать. Он ни упоминает, ни подразумевает, возможно ли представить экземпляр этого гриба. Почему? Если бы дон Хуан четко запретил забирать с собой образцы грибов, это могло бы полностью предрешить судьбу их ботанического исследования, однако Кастанеда слишком тонок для подобного хода. Пока мы палимся на ритуал, Кастанеда ловко скрывает грибы в своей шляпе, как это делает каждый фокусник.]

*Вопрос: Удостоверились ли Вы, что имеете дело с *Psilocybe mexicana*?*

3. Нет. Это была лишь предположительная оценка, «ужасно несовершенная». [Вновь самоунижение.] Уверенная идентификация вида грибов в «Учении дон Хуана», как предполагает Кастанеда, была «ошибкой издательства». Поскольку он никогда не был полностью убежден в правильности своего определения, оно должно было оставаться предположительным при каждом упоминании в книге. [Кастанеда неохотно перекладывает вину за ошибку на редакторов «Юниверсити Пресс», но как же он сам просмотрел эту ошибку?] Грибы дон Хуана выглядят похожими на изображения *Psilocybe mexicana*, которые встречались Кастанеде, а один [безымянный] работник факультета фармакологии Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе показывал ему экземпляры этого гриба, которые выглядели точно так же. К тому же, грибы дон Хуана не превращаются в порошок, когда их держат в руках. [То есть это наверняка не «дымочки» из Мекстиканы, а скорее все-таки *Psilocybe mexicana* — в таком случае, почему бы и не называть их так и дальше в книге? Тактика представления мага в униженном виде служит его стратегии окончательного самоутверждения.] Дон Хуан всегда брал гриб левой рукой, переносил его в правую, а потом бросал в горлышко тыквы. [Минутку! А как же правило «абсолютной секретности» ритуала собирания? Или оно такое гибкое, что изменяется, когда человек пишет письма? Дон Хуан что, придумал его как помощь в написании этого письма?]

Вопрос: Известно ли Вам, где растут описанные Вами грибы?

4. Да. На стволах мертвых деревьев, но чаще всего в гнилых кустарниках.

Вопрос: Каково культурное происхождение дона Хуана?

5. Дон Хуан — достаточно смешанный человек, и его личность сформировалась под влиянием множества культур, помимо культуры индейцев яки. Хуан — его настоящее имя. Кастанеда пытался придумать какой-нибудь псевдоним, но ни одно из имен не подходило этому человеку. [Интересно, если бы кто-то пытался придумать другое имя Питеру Пэну или доктору Дулитлу, какое бы подошло?] Дон Хуан — не чистокровный индеец яки. Его мать была из племени юма. Он родился и провел первые шесть-семь лет жизни в Аризоне, а потом переехал в Сонору. Через некоторое время после того, как мексиканские власти выслали его из Соноры, он перебрался в район Валье Националь [в Оаксаку], где прожил больше тридцати лет. Кастанеда считает, что он переехал туда вместе со своим учителем, «который, скорее всего, был из племени масатек». Кастанеде не удалось узнать, кто был его учителем и где дон Хуан изучал магию, но тот факт, что каждый год Кастанеда отвозит дона Хуана в Оаксаку для сбора грибов, позволяет достаточно уверенно предположить, где именно дон Хуан учился их применению. Так или иначе, Кастанеда не может определить культурное происхождение дона Хуана, «разве только угадыванием». [А вот и противоречие высказанному выше намеку на то, что в продолжительной переписке Кастанеда смог бы «отследить» и «поместить дона Хуана в определенный и ясный этнографический контекст».] Невозможность определить культурные основы дона Хуана показывает еще одну ошибку Кастанеды, которую он с сожалением оправдывает «недостатком опыта в вопросах публикации». Принимая его рукопись к печати, редакционная комиссия издательства Калифорнийского университета «предположила», что включение в название книги слова «яки» наверняка «придаст работе этнографическую направленность». «Тогда они еще не прочли рукопись», но тем не менее доказывали Кастанеде, что ему следует называть дона Хуана индейцем яки — и ему, разумеется, пришлось это сделать, — однако он никогда не утверждал, что дон Хуан был продуктом или представителем культуры яки, хотя этот неверный вывод и можно сделать на основании подзаголовка *«Путь индейца из племени яки»*.

[Сделаем небольшую паузу и проанализируем то, что Кастанеда только что рассказал Уоссону о своей публикации в Калифорнийском университете: редакционная комиссия Университета 1) принимает к публикации *еще не прочитанные* рукописи и работает на основе простых *предположений*; 2) навязывает подобным работам искажающие заглавия против воли добросовестных авторов, неопытных в вопросах публикации. В противоположность этому, записи указывают, что Уолтер Голдшмидт, член редакционной комиссии, прочел рукопись Кастанеды, которую комиссия приняла к печати по его рекомендации и на основе мнения еще трех независимых консультантов. Что касается второго обвинения, мне припомнились также рассуждения Спайсера о том, что «*Юниверсити Пресс*» «зашло далеко за пределы намерений Кастанеды» и добавило в книгу смущающий подзаголовок, и я написал в издательство, процитировав им слова Спайсера. Редактор Удо Струтински ответил: «Заголовок книги Кастанеды и полный текст его книги были напечатаны без изменений на основе рукописи автора». Несмотря на мои сомнения в подлинности показаний, представленных «*Юниверсити Пресс*» в деле «Кастанеда против Сообщества Ученых», в данном случае я более склонен поверить заявлению Струтинского, тем более что один достоверный источник из «*Саймон энд Шустер*» сообщил мне, что Кастанеда «устанавливает свои собственные правила практически во всем и никогда не проявлял никакого стремления к сотрудничеству ни в чем, за исключением своевременного представления рукописей». На самом деле, Струтински хотел, чтобы Кастанеда «сократил свой *Структурный анализ*», поскольку издательство обычно не публикует всякие утомительные пародии на теоретизирование, тем не менее им пришлось оставить в книге 54 страницы «чистого бреда», опубликованных, как сказал Струтински, «не по нашей воле, но по настоянию автора». Мог ли автор, который просто вколотил подобный литературный кактус в горло Голдшмидта и «*Юниверсити Пресс*», мягко смириться с искажающим заголовком книг —

каким оно несомненно и является, — если только он сам не предложил подобного заголовка? Я просто не в состоянии в это поверить.]

Кастанеде не известно [это вновь продолжается его письмо], растут ли галлюциногенные грибы в засушливых районах Соноры и Чиуауа, и он сомневается, что дон Хуан пытался искать их там. Тем не менее однажды дон Хуан сказал, что если человек способен управлять силой грибов, то они вырастут там, где он ожидает их найти. [Есть много, друг Уоссон, такого, что и не снилось вашей микологии.] Первый раз Кастанеда увидел эти грибы в Дуранго [чуть южнее штата Чиуауа], но там их оказалось недостаточно для использования. [Кастанеда отзеркаливает слова Уоссона: «очень сложно найти их в достаточном количестве для церемониальных ритуалов».] Дон Хуан сказал тогда, что за достаточным количеством им придется отправиться в Оахаку. В 1964 году Кастанеда нашел «один-единственный экземпляр» в горах Санта-Моники (возле Лос-Анжелеса), однако «лаборатория Калифорнийского университета» [вновь не названо ни одного конкретного имени] легкомысленно потеряла его еще до того, как они смогли его идентифицировать. [Еще одна демонстрация того, как добрые намерения добросовестного, но ужасно несовершенного и во всем сомневающегося исследователя, пропадают втуне из-за бюрократической безответственности и неукротимой некомпетентности крупного университета.] Для Кастанеды было «безусловно несомненным», что этот экземпляр относился к грибам дона Хуана. [Как наука сможет вынести такую трагическую потерю?! Однако магов заботит несколько другое, а именно:] Дон Хуан говорил, что обнаружение таких грибов служит знаком успеха обучения, но собирать их и передавать незнакомцам [типа Уоссона] является грубейшей ошибкой. [Это передает ощущение запрета, но не является строгим запрещением собирания ботанических образцов.]

Вопрос: Есть ли у Вас образцы этого порошка или той смеси, в состав которой он входит как ингредиент?

6. Нет, но Кастанеда уверен, что сможет добыть образец порошка, — правда, совсем немного, «возможно, лишь мазок». Если этого будет достаточно для изучения под микроскопом, он вышлет его Уоссону не позднее конца 1968 года. [Хотя Карлос курил грибную смесь еще восемь раз после того, как Кастанеда написал это письмо, обещанный «мазок» так никогда и не был получен.]

Вопрос: Появится ли испаноязычная версия Вашей книги?

7. Кастанеда надеется, что «Юниверсити Пресс» «рассмотрит такую возможность». Все его записи сделаны на испанском, поэтому «Учение дона Хуана» является «практически английской версией рукописи на испанском». [Почему же тогда мексиканскому романисту Хуану Товару пришлось переводить с английского «Учение дона Хуана» и три последующие книги, включая множество труднопереводимых выражений американского сленга? Почему же эти «рукописи на испанском» нельзя было выслать Товару, чтобы облегчить его задачу и сделать его перевод более близким к исходным испанским оборотам речи дона Хуана? Ответ на эти вопросы будет предложен чуть позже.]

Вопрос: Как дон Хуан произносит «человек знания» — как «hornbre de conocimientos» или просто как «un hombre que sabe»?

8. «Этот вопрос» Уоссона содержит «самые захватывающие» для Кастанеды «сведения». [Что же такого нового и захватывающего в этой информации? В той части письма Уоссона, которая связана с этим вопросом, содержится единственное информативное утверждение: индейцы масатек называют курандеро «тем, кто знает». Кастанеда делает вид, что слышит об

этом впервые, как будто эго не было описано на страницах 251—252 работы Уоссонов «Грибы, Россия и история». Очень странно, что несмотря на то, что Кастанеда «очень хорошо знаком» с работами Уоссона, он не потрудился заглянуть в самый известный и подробный на тот момент труд по мексиканской этномикологии.] Хотя дон Хуан использовал все три упомянутых Уоссоном термина, Кастанеда предпочел везде использовать понятие «человек знания», потому что он «более четкий», чем «тот, кто знает». [И возможно потому, что он не настолько явно отзеркаливает фразу, найденную на странице 252 той самой книги, которую Кастанеда удивительным образом не удосужился прочесть.] Чтобы пояснить использование доном Хуаном этих терминов, Кастанеда прилагает к этому письму несколько [12] страниц своих заметок на испанском, которые, он надеется, будут разборчивыми. Эти страницы являются «чистовиками», созданными на основе тех невразумительных заметок, которые Кастанеда делал во время бесед с доном Хуаном. Обычно он расшифровывал свои заметки «как можно быстрее», чтобы сохранить свежесть памяти и яркий стиль слов и мыслей дона Хуана. [Скоро мы заглянем в эти заметки и узнаем еще больше о том, как сочиняются романы.]

Вопрос: Двуязычен ли дон Хуан или он говорит на испанском свободнее, чем на языке яки?

9. Возможно, дон Хуан говорит на испанском лучше, чем на каком-то другом языке, но кроме него, он говорит на языках яки, юма и масатек. Кастанеда никогда не слышал, чтобы он говорил на английском, но подозревает, что дон Хуан прекрасно знает и этот язык.

Вопрос: Есть ли в Ваших заметках эквиваленты терминов, которые он использует, на языке яки?

10. В записках Кастанеды встречаются индейские слова, но не все они относятся к языку яки, и их явно недостаточно, «чтобы провести серьезное исследование». [Очень хорошо, но ведь переписка между коллегами не составляет и совсем не предполагает «серьезного исследования». Очевидно, что Уоссон был бы чрезвычайно рад узнать хотя бы один подобный индейский термин, тем не менее ни единого примера не приведено.]

Вопрос: Упоминали ли Вы в других книгах или в выступлениях, умеет ли дон Хуан читать и писать на испанском?

11. Дон Хуан свободно читает по-испански, хотя Кастанеда никогда не видел его пишущим. Очень долгое время Кастанеда ошибочно считал его неграмотным, но оказалось, что дон Хуана просто не интересуют способности такого сорта. Именно подобные различия между ними и являются той основной темой, которую Кастанеда пытается осветить в биографии дона Хуана, которую сейчас пишет. [И которая до сих пор, одиннадцать лет и четыре книги спустя, все еще не вышла в свет — судя по всему оттого, что очень сложно написать биографию человека, чье культурное происхождение невозможно определить, — «разве только угадыванием»].

Вопрос: Я предполагаю, что Вы сами полностью принадлежите к культуре «гринго», поскольку произносите свое имя как «Кастанеда».

12. О самом Кастанеде рассказывать особенно нечего. [Каждый и так видит, что это просто скучный и незамысловатый парень, которому посчастливилось встретиться с поразительным старым индейцем.] Он родился в Сан-Паоло, в Бразилии, но учился в школе в Аргентине, а затем переехал в Соединенные Штаты. Его «полное имя — Карлос Аранха».

Согласно латиноамериканской традиции прибавлять к имени фамилию матери, он стал Карлосом А. Кастанедой, а вскоре после того, как перебрался в США, начал опускать это А. [Очевидно, Кастанеда имеет в виду, что, чтобы *расширить* свое имя, он добавил фамилию матери Аранча к отцовской фамилии Кастанеда; таким образом, он поменял местами подлинные (точнее, почти подлинные) фамилии матери и отца. Но вместо того чтобы по-человечески это объяснить, он говорит, что его «полное имя — Карлос Аранча». В чем тайное значение этой крошечной ошибки? Мне кажется, что эта ошибка свидетельствует, что истина все же для него *нечто значит* и проявляется здесь незаметно для него самого, заставляя достаточно близко вернуться к тому имени, каким его обычно называли в Перу: Карлос Арана.] Фамилия «Кастанеда» принадлежала его деду с Сицилии, и скорее всего, он изменил ее первоначальную сицилианскую форму. [Но если его дедушка переехал в Бразилию, язык которой близок к португальскому, то почему же он изменил свою итальянскую фамилию, какой бы она ни была, на испанскую «Кастаньеда», а не на португальскую «Кастанчеда»]. Кастанеда надеется, что дал ясные ответы на все вопросы Уоссона и еще раз благодарит его за присланное письмо.

Кастанеда забыл рассказать о том, чем дон Хуан зарабатывает на жизнь, но тем не менее дал ясные, хоть не очень исчерпывающие и точные, ответы на все остальные вопросы Уоссона. Более того, по собственной инициативе он прислал вместе с письмом 12 страниц своих заметок. Позже это подражание сотрудничеству будет оптимистично признано «полным и откровенным», но в тот момент Уоссон был далек от удовлетворенности полученной информации. 4 октября 1968 года он отправил еще одно письмо, в котором выражал надежду, что, работая над биографией, Кастанеде удастся установить личность учителя дон Хуана, который «наверняка был экстраординарным человеком». Уоссон интересовался также, на какой высоте собирались эти грибы, использовались ли они только для курения, какие другие ингредиенты входят в смесь и как долго продолжается эффект опьянения. Он просил Кастанеду поскорее прислать хотя бы «мазок» грибной пыли и все-таки постараться раздобыть целый экземпляр. Он упоминает также, что эти грибы не могут относиться к виду *Psilocybe mexicana*, поскольку те никогда не растут на гниющих стволах, пнях и кустарниках, так что это либо *Psilocybe yungensis*, либо неизвестный новый вид.

Кастанеда не ответил на второе письмо Уоссона, но позже они ненадолго встретились в Нью-Йорке, а потом еще раз в Калифорнии. Несмотря на свои прежние подозрения, после этих встреч у Уоссона сложилось о Кастанеде впечатление «честного и серьезного молодого человека». В 1973 году пораженный Уоссон обнаружил в неопубликованной *веладе* Марии Сабины заклинание племени масатек, которое в переводе звучало: «Женщина, останавливающая мир, — это я». Так он обнаружил первое серьезное доказательство правдоподобия заметок Кастанеды, поскольку шаманистское понятие «остановки мира» было использовано и Марией Сабиной, и доном Хуаном, причем не было нигде обнародовано до появления в книге Кастанеды «Путешествие в Икстлан». До той поры Уоссон рассматривал работы Кастанеды скорее как аллегории, чем как полевые наблюдения, но этот пример очевидной искренности и согласованности понятий заставил его поверить в существование *некоего* ядра, связующего шаманов, погребенного *где-то* в глубинах фантастической научности Кастанеды.

Совпадение фраз об остановке мира, заинтриговавшее и приободлившее Уоссона, серьезно озадачило разоблачителя де Милля, поскольку существование хотя бы единственного увесистого свидетельства, доказывающего, что Кастанеда создавал свои полевые заметки вне студенческого городка, мгновенно превращало бы этого великого обманщика в пустяк, в «художественного обработчика полевых записей; тогда прекратился бы скандальный открытый спор и не состоялось бы крупное публичное разоблачение. Перед тем как написать хоть слово «Путешествия Кастанеды», мне необходимо было выяснить, существует ли реальная связь между Кастанедой и ранее представленным в литературе шаманом. Было ли это лишь поверхностным сходством, или оно имело значение, уходящее своими корнями в доколумбовую эпоху? Я отправил письмо Юнис Пайк, лингвисту и знатоку языка масатек, в котором интересовался, что по ее мнению могла иметь в виду Мария Сабина, проговаривая это заклинание перед магнитофоном Уоссона в ночь с 12 на 13 июля 1958 года. Ее ответ (который впоследствии был подтвержден переводчиком Уоссона и его

соавтором Флоренс Коуэн) проколол мыльный пузырь достоверности нашего мага:

Вы спрашивали, что имела в виду Мария Сабина, когда произносила: «Женщина, останавливающая мир, — это я». Я бы перевела ее фразу с масатек совсем иначе. Она использует глагол *се-нкви*, который используется для описания столба, подпирающего крышу. Я предпочла бы перевести его как «удерживать», или еще точнее — «поддерживать (снизу)». Таким образом, эту фразу можно было бы перевести как «Женщина, поддерживающая мир, — это я».

«Остановка» в представлениях дона Хуана совсем не означает поддержание мира в качестве опоры или его удержание — наоборот, она приводит к разрушению мира, поэтому связь между двумя упоминаниями была совершенно случайной, а свидетельство достоверности — иллюзорным, так что я продолжил проводить свое разоблачение.

Я попросил Уоссона прислать мне письмо Кастанеды и те 12 страниц его полевых записей. 10 января 1976 года он написал Кастанеде, спрашивая, нет ли у него возражений против этого. Ответ до сих пор не пришел, и через три года Уоссон решил, что столь продолжительное молчание — знак согласия. В октябре 1978 года на конференции по галлюциногенным растениям в Сан-Франциско он вручил мне свою переписку с Кастанедой и 12 страниц с заметками, к которым мы сейчас и обратимся.

Эти двенадцать листков представляют собой ксерокопии страниц с записью бесед и повествовательными заметками, записанными на разлинованной бумаге, похожей на бумагу из блокнотов, которыми пользуются студенты. В верхнем правом углу каждой страницы стоит ее номер; записям от 8 апреля 1962 года соответствуют номера 38—42, а записям от 15 апреля 1962 года — номера 1—7. Почерк плотный, равномерный, твердый, несколько странный и не самый изящный, но вполне разборчивый. Записи сделаны на испанском языке. На страницах не встречается ни одного индейского слова. Для указания человека знания дон Хуан использует три различные фразы: *uno que sabe* (тот, кто знает), *hombre que sabe* (человек, который знает) и *hombre de conocimiento* (человек знания). Испанский Кастанеды не так хорош, как его английский. Он обнаруживает ограниченный, скудный лексикон и демонстрирует довольно странную грамматику и произношение. К примеру, он пишет *tubo* вместо *tuvo*, *hiba* вместо *iba*, *comanda* вместо *manda*. Он достаточно неожиданно использует предлоги и опускает местоимения именно там, где их больше всего ожидаешь. Разговоры в записях еще более изобилуют повторениями, чем в опубликованных книгах.

В 1973 Уоссон сказал об этих листках: «Их содержание вполне удовлетворительно передано в английском варианте на страницах 56—60 “Учения дона Хуана”». Это не совсем верно. *Многое* из содержания этих страниц действительно описано в книге, но некоторые моменты там совершенно не упоминаются. В 1968 году Уоссону не удалось распознать или обратить внимание на содержащееся в них дополнительное значение, что мы и сделаем сейчас. Однако сначала мне хотелось бы отказаться от следующего своего заявления, сделанного на странице 50 «Путешествия Кастанеды». Я писал:

Не добившись успеха с получением столь долго ожидаемых доказательств от Кастанеды, я выражаю свое официальное мнение о том, что эти 12 страниц не существовали до тех пор, пока Уоссон не написал Кастанеде свое письмо, что они были специально созданы именно из-за этого случая и что это единственные реально существующие заметки на испанском, вышедшие из-под пера Карлоса за десятки лет, проведенных им в пустыне.

Непреднамеренно, с помощью Уоссона, Кастанеда обеспечил эти долгожданные доказательства, которые опровергают мое официальное мнение 1976 года. Мое не менее официальное мнение 1979 года заключается в том, что Кастанеда начал писать свою историю на испанском и полностью переключился на английский лишь при написании второй книги, в которой дон Хуан необъяснимым образом начинает использовать американский сленг. Это означает, что в действительности может

существовать множество блокнотов, которые при необходимости можно будет выдать за испаноязычные полевые заметки, чтобы обеспечить пищу для диссертаций соискателей степени | Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе в XXI веке. Но мы пока что перейдем к тем 12 страницам, которые я держу в руках.

Мое отступление не означает воскрешения образа Карлоса-с-Блокнотом. Наоборот, мне хотелось бы захоронить его еще глубже, чем он покоится сейчас. В 1976 году я представлял себе, что Кастанеда садится за стол, открывает *«Учение дона Хуана»* на странице 56 и переводит пять страниц книги на испанский, внося то тут, то там некоторые вариации из соображений художественной правдоподобности. Карлос-с-Блокнотом чувствовал бы себя гораздо лучше, если бы Кастанеда именно так и поступил. Но на самом деле он, по всей видимости, просто вырвал несколько страниц из своей объемистой рукописи на испанском. Ошибочность этого поступка заключается в том, что рукопись на испанском и ее перевод на английский рассказывали историю по-разному, и мы получили раннюю и позднюю версии одного и того же романа. Если бы переводчик Товар получил обе эти версии, он был бы глубоко озадачен, не понимая, которая же из них подлинная. В результате он пришел бы к выводу, что достоверной не является ни одна из них, что и объясняет тот факт, что ему пришлось переводить английскую версию без всякой помощи со стороны исходной рукописи на испанском. Несмотря на то что в письме к Уоссону Кастанеда утверждает, что переписывает свои заметки немедленно, чтобы сохранить слова и мысли дона Хуана, исследование этих двух вариантов указывает совсем не на сохранение, но наоборот, на значительные разногласия, некоторые из которых мы рассмотрим в оставшейся части этой статьи.

Сцена заметок открывается утром. Карлос собирается покинуть обитель дона Хуана. Дон Хуан спрашивает, когда тот возвратится, и Карлос обещает вернуться через два месяца. Дон Хуан говорит, что такие неприлежные занятия никогда не позволят Карлосу стать человеком знания. В свое время сам дон Хуан вошел в дом своего бенефактора еще мальчиком и не покидал его до поры возмужания, пока его бенефактор не умер. Хотя времена были очень тяжелыми, бенефактор заботился о нем, как о родном сыне. Карлос интересуется, где они тогда жили. Дон Хуан отвечает, что об этом нельзя рассказывать, и когда придет срок смерти дона Хуана, Карлос тоже не должен будет говорить, где он познакомился с доном Хуаном, где встречался с ним и как того звали. Все искренние и преданные маги следуют этому закону. Когда дон Хуан умрет, Карлос даже не должен расспрашивать, где он погребен. Карлос замечает, что очень многие люди знают их обоих и место, где они встречаются. Дон Хуан отрицает это. Карлос приводит в качестве примера Фернандо, дона Нахо и невестку дона Хуана. Дон Хуан говорит, что эти люди не в счет, потому что они просто глупые болваны, но существуют другие люди, которые имеют значение. Карлос спрашивает, кто они. Дон Хуан отвечает, что Карлос узнает это, когда придет время. Главное — следовать закону секретности. Карлос клянется свято соблюдать закон. Дон Хуан заявляет, что у Карлоса большой рот, и он всем все расскажет. Карлос протестует. Подобно Иисусу, обращающемуся к Петру, Дон Хуан хладнокровно и беззлобно заверяет Карлоса в его будущем отречении и предательстве, которые произойдут в свое время.

Этот очень трогательный пассаж, оживленный аллюзией на тему Нового Завета и таящий в себе обещание надвигающегося драматичного конфликта, содержит также такую информацию о бенефакторе дона Хуана, которую нельзя найти больше нигде в его книгах — вернее, мне следовало сказать, что ее вообще нельзя найти в книгах Кастанеды, так как писатель отказал описанной сцене в публикации. Однако он не забыл о ней: 5 октября 1968 года его повествования (месяц спустя после ответа Кастанеды Уоссону по календарному времени) дон Хуан напоминает Карлосу о законе секретности — о том законе, о котором он говорил ему «раньше».

В *«Учении дона Хуана»* повествование от 8 апреля 1962 года завершается отказом дона Хуана рассказать Карлосу что-либо еще о четырех врагах. Однако в рассматриваемых путевых заметках в конце страницы 42 описана еще одна сцена. Два часа пополудни того же дня. Дон Хуан и Карлос заводят беседу о хрустальных шарах, используемых магами, но затем дон Хуан резко меняет тему. «Существует три формы духовных существ, — говорит он. — Три класса духов. Духи, которые ничего не дают, потому что им нечего дать. Духи, которые пугают, потому что...» На этом

страница заканчивается. Эта краткая сцена из полевых записей прекрасно сохранилась в изданном тексте — правда, в *«Отдельной реальности»*, в которой она датирована не 8 апреля 1962 года, а 16 декабря 1969 года. Таким образом, эта сцена была извлечена из старой рукописи автором, работавшим над второй книгой. А что же насчет хрустальных шаров, используемых магами? Они возникают на странице 245 третьей книги и датированы 14 апреля 1962 года.

Сравнив записи в *«Учении дона Хуана»* и в *«Путешествии в Икстлан»*, датированные 15 апреля 1962 года, Уоссон сообщил о том, что в повествовании «компания странным образом раздваивается». В *«Учении дона Хуана»* они вдвоем беседуют в доме дона Хуана, а в *«Путешествии в Икстлан»* они заняты поздней трапезой в каком-то приграничном городке. Это возможно только в том случае, если дон Хуан живет неподалеку от границы, но на шестой странице полевых заметок, посвященных этому дню, говорится: «Дон Хуан прислонился к столбику рамады и смотрел на горы Бакатете, видневшиеся вдалеке». Если дом дона Хуана расположен вблизи границы, то можно только позавидовать остроте его зрения, ибо горы Бакатете протянулись не менее, чем в двухстах милях к югу.

Человека можно назвать человеком знания, только когда он преуспеет в борьбе со своим последним, невидимым врагом, хотя бы на краткий миг, но «этого мгновения ясности, силы и знания уже достаточно». Этими словами завершается проповедь дона Хуана о четырех врагах на странице 60 *«Учения дона Хуана»*. Согласно заметкам, эта беседа не завершилась до сих пор. Пока дон Хуан прислоняется к столбику рамады и пристально вглядывается в синеву далеких гор Бакатете, Карлос рассуждает о том, что избежать последнего врага невозможно. Дон Хуан соглашается с этим. «Как видишь, — совершенно мрачно добавляет он, — он уже швырнул меня на землю. Он вталкивает меня в нее. И очень быстро одолевает меня». Карлос старательно рассматривает дона Хуана, но видит только сильного и энергичного человека, который выглядит гораздо моложе своих лет. Тем не менее слова дона Хуана о смерти заставляют Карлоса впервые осознать всю напряженность схватки дона Хуана с его последним, невидимым врагом.

Чрезвычайно волнующая сцена, но автор, по-видимому, посчитал ее слишком уж мелодраматичной и исключил из окончательной версии. Подобные решения, безусловно, являются законным правом любого романиста.

Ричард де Милль

Индейцы племени гуихол (Huichol) из северной части Центральной Мексики живут в горах, и их уединенный и верный обычаям образ жизни позволил племени вплоть до настоящего времени сохранить свои древние религиозные традиции, несмотря на контакты с европейцами с 1542 года. Центральной фигурой религиозного культа гуихолов является *мара-акаме* (mara'akame), шаман-жрец, а самым известным из *мара-акаме* для пришельцев извне был Рамон Медина Сильва, чье учение и хроника жизни были записаны антропологами Барбарой Майерхофф и Питером Фюрстом. Статья «*Об этом очень трудно рассказать*» составлена из двух отрывков из диссертационной работы Майерхофф. Многие сходные описания можно найти в ее книге «*Охота на пейот*» и в статье Фюрста «*Концепция души индейцев племени гуихол*». Изящно переведенные с языка гуихол на испанский, а затем на английский объединенными усилиями Рамона Медины, Питера Фюрста, Джозефа и Барбары Граймс и Барбары Майерхофф, эти два кратких экскурса в шаманизм не только любопытны для ознакомления, но и представляют собой поучительный контраст с характерно неиндейскими метафизическими и этическими концепциями дона Хуана. Одним из самых явных примеров таких противоречий является его наукообразное «вспоминание», описанное в «*Сказках о силе*». Рамон Медина был настоящим шаманом, и с ним Карлос Кастанеда действительно встречался в реальной жизни.

Рамон Медина Сильва

Об этом очень трудно говорить

Это долгий рассказ, потому что он о главном. Потому что в те дни не было ничего разделенного. Все было единым, *Это* было одним целым, единым, завернутым в один лист, пребывающим в глубоком сне. Это наша история, история тех времен, когда никто не мог сказать, что было раньше, потому что раньше не было ничего. *Это* было не таким, как сейчас, когда всегда есть некто, способный рассказать, что было в старые времена, в те времена, когда *Это* было цельным. Этот рассказ сокровенен, потому что он дошел до нас из тех старых времен, из той древности. Среди нас есть нечто единое. Об *Этом* очень трудно говорить. *Это* самое сокровенное, и *Это* нужно хорошо охранять. Кем бы человек ни был, он должен беречь *Это*. И беречь *Это* следует в своем сердце.

(*Мара-акаме* рассказывает, как в *Вирикуту* — священные земли предков гуихолов — ежегодно приходят паломники, собираются вокруг *Татевари* — Очага Отца-Основателя — и готовятся к охоте на *гикури*, кактусы пейота. Один из пилигримов становится *Кауюмари*, Священным Оленем, другой — *Татутси*, Великим Отцом-Основателем и так далее. *Мара-акаме* подкрадывается к пейоту и пронзает его, потому что пейот есть также и олень, и тогда он уже не может убежать и остается прикованным к своему месту, готовым к собиранию, как зерно маиса, которое тоже пейот.)

На следующий день все поднимаются ранним утром. Мы поклоняемся *Татевари*, окружив его кольцом. Мы оставляем его пылающим, чтобы он не угас. Осторожно, очень осторожно, мы сгребаем угли в плотную кучу, чтобы он продолжал гореть, когда мы вернемся. Мы готовы. Мы выступаем. Мы ничего не едим и ничего не пьем. Мы берем с собой корзины и сумки — в них мы положим пейот. *Мара-акаме* ведет нас, сейчас он — *Татевари*. Он сворачивает вправо. *Татутси* сворачивает влево. Остальные остаются посередине, выстраиваясь друг за другом.

Все движутся тихо, очень тихо. Все шепчут, никто не говорит в полный голос. Каждый ступает очень внимательно. Каждый ступает осторожно. Все очень внимательны, все высматривают, где же живет *гикури*. Но где же он? Когда он объявится? Где он прячется?

Все движутся медленно и с большой осторожностью. Тихо. Все здесь свяшенно. Все ищут прямые стебли, поднимающиеся от земли, все ищут стебли маиса, торчащие, как жнивье на убранном поле. Там пейот, там он живет. *Это* едино. Маис — мать пейота. Пейот—сердце, сущность маиса. *Это* в маисе, *Это* в олене. *Это* во всем. *Это* соединяет всех *Это* объединяет все.

И вот *мара-акаме* видит его. Все очень тихо. Все останавливаются и наблюдают. Он достает свой лук, он вкладывает в него стрелу. Он опускает на землю охотничьи манки, манки *Кауюмари*. Он кладет их здесь, рядом с пейотом. Он крепко упирается ногами в землю, поднимает лук и накладывает стрелу на тетиву. Он лижет острие стрелы, он дует на ее кончик. Все стоят молча. Они ждут. Он поднимает лук высоко, его стрела готова сорваться. Он опускает его, медленно, очень медленно. Он опускает его, выравнивая на уровне глаз, он прицеливается, пока не увидит мишень очень четко. И тогда он разрешает стреле лететь. Он выпускает стрелу в пейот. Он поражает его в самое основание, там где пейот появляется из земли. Теперь он не пропадет, теперь он не убежит. Если на него не охотиться с луком, если его не пронзить стрелой, он скроется. Он исчезнет. Он сбежит. Если его поразили стрелой, он останется здесь.

И вот он прикован. Все они, все мы смотрим, куда вонзилась стрела. Все стоят рядом, вокруг него. Все поклоняются ему. *Это* священно, *Это* самое сокровенное. *Это* самое прекрасное в мире.

Ричард де Милль Беседы с Иоавимой

Барбара Майерхофф и Карлос Кастанеда познакомились весной 1966 года. К тому времени он писал о доне Хуане уже на протяжении нескольких лет, а ее статья о шамане из Ринкона вот-вот должна была выйти. Общие знакомые решили, что этим двоим найдется о чем рассказать друг другу, и пытались организовать эту встречу уже несколько месяцев. Их друзья оказались совершенно правы. Барбара была способной и трудолюбивой аспиранткой; впоследствии она напишет достойные высших похвал книги, станет заведующей кафедрой антропологии и о ней напишут в журнале «*Пипл*». Карлос был блестящим пробивным недоучкой, наукообразным иллюзионистом, незримо прокладывающим себе путь к лаврам автора бестселлеров, обманщика-знаменитости; фотография на обложке «*Тайм*» будет изображать лишь одну половину его лица. Каждый из них уже успел столкнуться с препятствиями на своем тернистом пути к докторской степени.

В те дни около пятисот студентов состязались в безличных статистических показателях за возможность получить ученую степень на кафедре антропологии Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе. Несмотря на благосклонность нескольких преподавателей кафедры, Барбара, как и большинство из этих пятисот соискателей, не очень доверяла этому научному учреждению, боялась провала и чувствовала себя совершенно одинокой в этой массе людей. Поэтому для нее было огромным облегчением найти еще одного студента с близки ми интересами, побывавшего в неизведанных местах и подружившегося с самым необычным человеком, еще более удивительным, чем шаман из Ринкона. Первый раз встретившись в Хейнс Холл, они проболтали «около десяти часов без перерыва». Карлос с восторгом воспринял тему диссертации Барбары. Он терпеливо помогал ей постичь мир шаманов — мир, в котором люди превращаются в ворон, летают, будучи прикованными к скале, сшибают друг друга с ног одним лишь словом, видят двойным зрением, проникают в трещины между мирами и надеются одолеть четырех врагов человека знания. Хотя Барбара была совершенно очарована этим волшебным миром, Карлос признался ей, что его он пугает. Он сказал, что женщинам, пожалуй, легче иметь с этим дело.

Летом того года Барбара отправилась в Гвадалахару, где провела много дней в крошечной хижине на окраине города, записывая на пленку песни, заклинания, рассказы и толкования мифов и ритуалов, описываемые Рамоном Мединой, который в то время готовился стать *Виксарики мара-акаме*, шаманом-жрецом племени гуихол. Однажды после обеда это однообразие было приятно нарушено экскурсией за город. В собравшуюся компанию входили полдюжета детей и взрослых из племени гуихол и антрополог Питер Фюрст, тоже из Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе. Барбара рассказывает:

Рамон привел нас к крутой *барранча* [ущелью], по которому проносился бурный водопад, каскадами низвергающийся на острые скользкие камни на протяжении около тысячи футов. На краю водопада Рамон сбросил сандалии и сказал, что это особое место шаманов. С изумлением мы наблюдали, как он начал пересекать водный поток, перепрыгивая с камня на камень, часто приостанавливаясь и неподвижно стоя на одной ноге — его тело было наклонено вперед, руки широко раскинуты в стороны, голова склонена на бок, так что вся его фигура стала удивительно похожа на странную птицу. Он исчезал из виду, возникал снова, двигаясь резкими прыжками, пока не добрался до противоположного берега. Мы, посторонние пришельцы, были испуганы и озадачены, но никто из гуихолов не выглядел обеспокоенным.

На следующий день Рамон объяснил, что для пересечения узкого моста, ведущего в иной мир,

шаман должен развить прекрасное равновесие, иначе он сорвется в бездонную пропасть, где его сожрут ужасные звери. Он еще раз проиллюстрировал эквилибристику шамана, изображая его движения двумя пальцами, перебегающими по грифу его струнного инструмента, похожего на скрипку. Если раньше у Барбары и возникали какие-то сомнения в том, что Рамон скоро станет зрелым *мара-акаме*, то после демонстрации его возможностей на водопаде и их сверхестественного объяснения все сомнения полностью развеялись. В августе, вернувшись в университет, она рассказывает Карлосу о том, как птицеподобный шаман балансировал на камнях водопада.

«О! — удивленно воскликнул Карлос. — Это в точности похоже на то, что делал дон Хенаро!» И он начал описывать ей ныне уже хорошо известную историю о левитации Хенаро на водопаде, которая оказалась точной копией прыжков и поз Рамона. Барбара ликовала. Авторитетное подтверждение Карлоса было именно тем, в чем она нуждалась и на что надеялась.

Зиму 1966-67 годов Барбара вновь проводит в Мексике, совершая ежегодное паломничество гуихолов к землям Древних, где они охотятся на пейот, как если бы он был оленем, и собирают его, как маисовые зерна.

«Я расскажу тебе о пейоте, маисе и олене, — сказал Рамон. — Все они одно. Они едины. Они наша жизнь. Они — мы сами». Этот символический парадокс станет ядром блестящей книги Барбары *«Охота на пейот»*. Перед паломничеством ей дали имя Йоавима Уимари, что на языке гуихолов означает «Растущая Пурпурная Маисовая Девушка», — «пышное, но не особенно священное имя». Когда она доказала, что достойна участия в паломничестве, ее наградили вторым именем гуихолов, слишком сокровенным, чтобы его можно было использовать в заголовке этой статьи.

Больше года Барбара и Карлос встречались очень часто, помогая друг другу в своих родственных научных изысканиях, делясь восхищавшими их познаниями, полученными от индейцев, и воодушевляя друг друга на великие дела и достижение успеха. После того как в 1968 году вышло *«Учение дона Хуана»*, Барбара стала реже видеть Карлоса. В октябре того же года Барбара защищает диссертацию, в которую вошел и отчет о Рамоне, пересекающем водопад.

Весной 1970 года Питер Фюрст организует в Калифорнийском университете Лос-Анжелеса серию лекций о ритуальном использовании галлюциногенов. Его собственная лекция включала личные впечатления о демонстрации Рамонем равновесия шаманов. Заглянувший в Латино-Американскую Секцию Карлос Кастанеда предлагает свой собственный отчет очевидца о сходном, но еще более впечатляющем выступлении дона Хенаро. Фюрст принимает это предложение. Кастанеда рассказал об увиденном в серии лекций в 1970 году и в *«Отдельной реальности»*, вышедшей в свет в 1971 году. В *«Плоти Богов»* Фюрста, опубликованной в 1972 году, упоминаются «поразительно похожие» свидетельства Кастанеды, а в напечатанной в 1974 году *«Охоте на пейот»* Барбара Майерхофф чрезвычайно благодарит его за огромный вклад в ее понимание шаманизма и также вспоминает «поразительное сходство» эпизодов виртуозного равновесия шаманов.

Внимательно изучив рассказ Кастанеды о случае с доном Хенаро, я писал в *«Путешествии Кастанеды»*, что это сходство настолько поразительно, что даже вызывает подозрения, но тогда у меня не было никаких представлений о том, как именно можно истолковать такое удивительное совпадение.

В отдельной реальности, в мире повествования Кастанеды, Карлос знакомится с доном Хенаро 2 апреля 1968 года — как раз в тот день, когда он пытается вручить дону Хуану экземпляр только что опубликованного *«Учения дона Хуана»*. 17 апреля, согласно его рассказу, он наблюдает за Хенаро, пересекающим водопад. В мире обычного календаря и заседаний ученых советов Барбара как раз представляет к защите свою диссертацию, на 94-й странице которой рассказывается, насколько она была потрясена зрелищем Рамона и его ловких прыжков на краю пропасти. Хотя еще в 1966 году Кастанеда заявил, что Рамон «был в точности похож на дон Хенаро», Карлос не будет даже подозревать о существовании Хенаро еще целых два года — изумительный образчик предвидения достаточно нерадивого ученика, совсем недавно впадавшего в отчаяние от разрушающих его

реальность экспериментов своего требовательного учителя.

Когда я писал *«Путешествие Кастанеды»*, я попытался добиться от Барбары каких-либо комментариев, но она предпочла ничего не отвечать, посчитав мои расспросы очередной невежественной попыткой унизить человека, по отношению к которому она испытывала не только глубокую благодарность, но и восхищение и дружескую привязанность. Внешне это выглядело типичной нерасположенностью ко мне приверженцев Кастанеды и не показалось мне удивительным. Что действительно стало для меня сюрпризом, так это резкая перемена настроения Барбары после того, как она прочла *«Путешествие Кастанеды»*, в котором с облегчением обнаружила более или менее сочувственное отношение к своему другу, но была поражена некоторыми убедительными свидетельствами того, что плоскость реальности, в которой он работал, сильно отличалась от привычного образа действий, в результате которых обычно возникают полевые наблюдения. Она написала мне, предложив обменяться мнениями по этим вопросам.

Прошел целый год, прежде чем мы смогли встретиться. Эта задержка связана не с важностью моей персоны, но, как я предполагаю, с теми затруднениями, которые испытывала Барбара после внезапных изменений в столь важных для нее дружеских отношениях, и с теми попытками примирить личные привязанности с профессиональным долгом, которые выпали на ее долю в этот период. Что делать человеку, когда его коллега и уважаемый друг вдруг оказывается фальсификатором? Очень легко было бы занять крайние позиции: упрямо утверждать достоверность существования дона Хуана или злобно забросать Кастанеду гнилыми помидорами. Однако проницательные и смелые люди способны спокойно рассмотреть все противоречия, взвесить личный и социальный урон с позиции частных и общественных ценностей и лишь затем решить, стоит ли вступать ли в конфликт. Подобно Полу Ризману, Барбара Майерхофф стала одной из немногих поклонников Кастанеды, продемонстрировавших безупречное равновесие при пересечении моста пересмотра своих прошлых взглядов и переоценки Лже-Учителя, не сорвавшись при этом в бездну эмоциональной беспорядочности, в которой их разодрали бы ягуары негодования или проглотили бы анаконды сверхрационализма.

Приведенное ниже интервью представляет собой сокращенную редакцию двух наших продолжительных бесед. За исключением незначительных перестановок, темы обсуждения сменялись в описанном порядке. Как свойственно устной беседе, мы оба называли Кастанеду «Карлосом», хотя конечно же, речь шла в основном о реальном человеке, приятеле Барбары, а не о легендарном Карлосе из книг о доне Хуане. Прежде всего я спросил Барбару, чувствует ли она еще неловкость разговора о Карлосе для записи.

Барбара: Я действительно никогда еще не обсуждала его публично, по большей части оттого, что эта тема казалась мне слишком зрелой для каких-либо разногласий и сомнений, и я считала его деятельность настолько значительной, что мне просто не хотелось разочаровываться в ней.

Ричард: Вы чувствуете какой-то конфликт?

Барбара: Да, конфликт между моей преданностью Карлосу и некоторым друзьям из Калифорнийского университета, которые с ним связаны, — и моими профессиональным долгом антрополога.

Ричард: Что заставило вас изменить свое мнение о возможности такого разговора?

Барбара: Ваша книга, в которой все это представлено совсем в другом свете. Я начала видеть, как Карлос разрабатывает что-то вроде огромной полушутливой программы, и решила, что он не будет возражать, если я расскажу что-нибудь о нем. Мне даже кажется, что ему *хочется* услышать комментарии тех, кого он так успешно обманул.

Ричард: Раз так, то почему вы колебались целый год, прежде чем встретиться со мной?

Барбара: Все это время мне было очень трудно смириться с тем, что меня так провели. Я чувствовала себя полной идиоткой, наивно верившей всему, что мне говорили.

Ричард: Вы чувствовали себя глупо?

Барбара: Да, причем на всех уровнях, от личного до профессионального. Но потом я вспомнила, что испытывала лишь подлинное удовольствие и восхищение от общения с

Карлосом, какое-то просветление, нечто большее, чем мы получаем от обычных встреч с друзьями. И тогда я решила, что это стоило того, чтобы сейчас чувствовать себя душой.

Ричард: Большинство обманщиков не дают взамен подобного удовлетворения и полезной информации.

Барбара: Пожалуй.

Ричард: Мне кажется, что самой крупной шуткой, которую он сыграл над вами, было то, как резко он скормил вам вашу же историю о водопаде.

Барбара: Это был очень любопытный случай. Я имею в виду, что мне ни разу не пришло в голову, что его описание дона Хенаро на водопаде доказывало нечто большее, чем неплохое качество моих полевых заметок, поскольку мои наблюдения и их интерпретация так близко совпали с его. Когда он произнес: «О, это так похоже на случай с доном Хенаро», для меня это стало очень ценным подтверждением.

Ричард: Как вы оцениваете этот случай сейчас?

Барбара: Чувство достоверности остается, я до сих пор ощущаю, что мы говорили о серьезном и важном проявлении мексиканского шаманизма.

Ричард: То есть чувство взаимопонимания и значимости остается, несмотря на то что его вклад в беседу был изобретен им прямо на ходу?

Барбара: Да.

Ричард: По всей видимости, он обладает замечательной способностью отзываться на то, о чем ему рассказывают?

Барбара: Это точно.

Ричард: Истории, которые он сочиняет, предназначены именно для того человека, с кем он в данный момент имеет дело.

Барбара: Он ведет себя, как зеркало. Это происходит очень часто. Многие люди описывают свои разговоры с Карлосом, утверждая, что «он говорил именно о том, что было мне интересно». При этом каждый рассказывал о чем-то своем, о части своего собственного мира, который отзеркаливался Карлосом. Они говорили: «Это было так сексуально», или «Это было так тонко психологично», или «мистично», или «по-шамански», или как-то еще, в зависимости от того что их особенно привлекало. Его аллегории, истории, которые он рассказывает, всем кажутся совершенно достоверными.

Ричард: Поль Радин как-то сказал, что плут имеет все для каждого.

Барбара: Совершенно верно. Помните посвящение в начале «Учения дона Хуана»? «Дону Хуану — и тем двоим людям, которые делили со мной ощущения этих волшебных времен». Это звучит совершенно анонимно. Каждый, кто был знаком с Кастанедой в 60-х, мог посчитать, что это сказано о нем — многие из нас так и считали.

Ричард: В «Путешествии Кастанеды» я назвал Карлоса «кляксой Роршаха», человеком, на которого остальные проецируют свой внутренний мир.

Барбара: Я полностью согласна, и это произошло со мной в первый же день нашего знакомства. Я тогда рассказала ему о фонтанчиках, освежающих газон возле поликлиники Калифорнийского университета. Они были такие старомодные и удивительно ярко вспыхивали в солнечных лучах. Я рассказала ему, как проезжала мимо и эта красота радуги на струйках воды настолько ослепила меня, что я почувствовала, как они меня затягивают, а потом он рассказал мне, как они выглядят с высоты, какими они казались ему, когда он стал вороной и пролетал над ними.

Ричард: Именно после того, как вы рассказали об этом.

Барбара: Да. [Смеется.] Мы очень часто виделись вплоть до конца того лета, потому что оба целыми днями сидели в библиотеке. Тогда и возникло мое чувство глубокой признательности и привязанности к нему — мой отец умирал от рака, это было совершенно дико, а Карлос был так добр и очень помогал мне. Мы с ним были совершенно уязвимыми, жалкими, бессильными и стеснительными созданиями, объединившимися перед лицом грозных опасностей.

Ричард: Как проявлялась его доброта? Он сочувственно выслушивал Ваши жалобы?

Барбара: Не только. Он был очень искренен, щедр и умел утешать. О рассказывал мне о том, о чем я никогда не слышала. О том, как смерть «всегда сидит рядом, за твоей спиной на циночке».

Ричард: Он помогал вам справиться с приближающейся смертью отца?

Барбара: Да, он мне неоценимо помогал. И я ему тоже. Он боролся — я действительно так считаю, мне не кажется, что это тоже было частью игры. Он боролся со своими мыслями, иногда он казался просто одержимым. Он часто говорил, что сражается с безумием. Я никогда не видела его таким жалким. Он потерял своего маленького мальчика. Многие его коллеги и знакомые по университету были холодными и важничавшими позитивистами, и относились к нему с презрением. Каждый день он плелся по кампусу со своим чемоданчиком, одетый в темный фланелевый костюм-тройку даже в ужасную жару. Ежедневно, с девяти до пяти, он сидел в одном из небольших читальных залов библиотеки и писал свою книгу, упорно, как начинающий бизнесмен.

Ричард: Известно ли вам, как он зарабатывал себе на жизнь?

Барбара: Кое-что он рассказывал. У него были какие-то вклады, что-то подобное.

Ричард: Он нигде не работал?

Барбара: Кажется, он подрабатывал, упорядочивая этнометодологические данные для какого-то исследовательского проекта Института нейropsychиатрии. По крайней мере, он там очень часто бывал.

Ричард: В то время вы уже были замужем?

Барбара: Да. Но мы оба, мой муж и я, были полностью поглощены своими диссертациями, так что друг для друга у нас оставалось немного времени. Карлос казался таким одиноким, несчастным и подверженным приступам отчаяния, и в его обществе я находила необходимое мне успокоение.

Ричард: Вы испытывали к нему физическое влечение?

Барбара: Не в прямом смысле. Он был необычным человеком. Мне он казался кем-то вроде эльфа.

Ричард: Каково же рода влечением это было?

Барбара: Очень трудно выразить словами. Это совсем не было эротической связью между мужчиной и женщиной. Это была как будто общая игра в фантазии, интимная связь, состоящая из невозможностей и дикостей. Это был совместный побег от тех испытаний, которые нам тогда приходилось проходить.

Ричард: Детские игры?

Барбара: Да, что-то вроде детской возни с тычками в бок и хихиканьем. У нас возникало ощущение всемогущества, преувеличенное мнение о самих себе — хотя мы насмеялись и над собой.

Ричард: И тем не менее в то же время вы чувствовали себя жалкими, ранимыми и бессильными?

Барбара: Да. Мы постоянно уверяли друг друга, что *на самом деле* мы серьезные, значительные, могущественные и обладаем богатым воображением, а все вокруг, кто заставлял нас страдать, — просто придурки. Мы говорили себе, что в один прекрасный день мы им покажем и что наши биографы будут смеяться над ними так же, как мы смеемся сейчас. Можно представить себе то удовольствие, которые мы получили годы спустя, когда встретились и рассказали друг другу, как все это сбылось. В определенном смысле, разумеется; в большей степени это удалось ему, чем мне. Но мы были в восторге от этой частичной реализации наших детских мечтаний о могуществе. К тому времени мы оба уже получили докторскую степень и опубликовали свои книги.

Ричард: Когда вы впервые увидели рукопись «Учения дона Хуана»?

Барбара: В августе. Он был ею настолько недоволен, что грозился ее сжечь. Я на несколько дней забрала рукопись к себе и сказала ему, что собираюсь сделать копию и оставить ее у себя на хранение. Я боялась, что он действительно ее уничтожит. Мы очень много говорили о ней. Я помню, как убеждала его в ненужности этого ужасного «Структурного анализа». Мы спорили по поводу термина «маг», я чувствовала, что он

используется не к месту. И относительно упоминаний о яки, потому что этому слову не давалось никакого культурологического описания. Мне не нравилось имя «дон Хуан», у него были слишком прямые ассоциации с известным литературным персонажем, и это могло привести к путанице. Поскольку это был всего лишь псевдоним, не составляло никакого труда его изменить. Я предлагала ему назвать книгу *«Путь сердца»* и выбросить всех этих «магов» и «яки». Наши споры длились бесконечно, но в итоге он сделал все по-своему. Мне кажется, что время показало справедливость моей критики, но это уже другой вопрос. Так или иначе, все это стало началом долгой и интересной дружбы. Позже наши встречи стали редкими, они случались примерно раз в полгода, но протекали более интенсивно, обычно мы разговаривали целый день, иногда всю ночь напролет.

Ричард: Как Карлос познакомился с Рамоном?

Барбара: Это было весной [1971 года]. Рамон приехал в Лос-Анжелес, он привез свои вытканые картины на выставку в Музее естественной истории. Он и Люпе [его жена] остановились в моем доме в Сан-Фернандо и разбили лагерь в комнате моего сына. В буквальном смысле этого слова. Они сдвинули всю мебель к стенам, а в центре комнаты соорудили небольшой очаг и готовили на нем.

Ричард: Как им это удалось?

Барбара: Они подложили под него небольшой лист металла. А мусор и апельсиновые корки разбрасывали прямо в комнате, где попало. Беспорядок был просто невообразимый. Мой сын совершенно не понимал, что происходит.

Ричард: Сколько ему тогда было?

Барбара: Три года, и он был полностью ошеломлен. Я сообщила о приезде Рамона Карлосу, и тот страстно захотел с ним встретиться. Он часто предлагал мне поехать с ним к дону Хуану — мы даже дважды назначали конкретные даты, но это так никогда и не случилось. И я ему часто говорила: «Тебе обязательно нужно познакомиться с Рамоном». Мы постоянно сравнивали «наших» шаманов. Карлос сразу же приехал ко мне. Я была очень довольна, потому что тогда целыми днями преподавала, и у меня оставалось мало времени для Рамона и Люпе. Рамон был невероятный шутник и обманщик. Каждое утро я возила его в музей, мы как раз попадали в час пик, и мне приходилось очень внимательно следить за дорогой, — и тут он начинал рассказывать всякие пикантные с этнографической точки зрения истории, кстати, объяснившие несколько загадок, над которыми я долго ломала голову, — так что я разрывалась между желанием узнать новое и стремлением выжить в напряженном дорожном движении. Это было очень похоже на шутливую манеру обучения дона Хуана — по моему, это самое ценное из того, что описал Карлос в своих книгах. Такое поведение очень типично для шаманов Северной и Центральной Америки. Очень большое впечатление производила и самоуверенность Рамона. Я устроила дома вечеринку по поводу его приезда, и когда все закончилось, и гости начали прощаться с ним, он очень мило, без какого-либо высокомерия, заявил, что для них было большой удачей и редким удовольствием встретиться с ним.

Ричард: Что произошло, когда они с Карлосом встретились?

Барбара: Они *увидели* друг друга!

Ричард: Что же они *увидели*?

Барбара: Они узнали друг в друге себе подобного. Мы обедали в одном веселом мексиканском ресторанчике, они начали хохотать и просто не могли остановиться. Они оба смотрели на мир с какой-то высоты, с которой все казалось смехотворным и нелепым. Рядом с ними двумя мне показалось, что я вошла в отдельную реальность. Они действительно видели, верили и обитали в каком-то другом мире. Как-то я бродила с Рамоном по «Мэй Компани» [крупный магазин], и он был одет в самую обычную американскую одежду, потому что продал всю свою индейскую и купил магнитофонов и транзисторов. Люди останавливались и разглядывали его. Внешне он выглядел, как мексиканский крестьянин, но при этом возникало ощущение его экстраординарности. Что-то вроде королевской крови! Существуют люди, чувствующие другой мир, и они ведут себя иначе в этом мире. Карлос и

Рамон оба были такими людьми.

Ричард: Что еще произошло тогда между ними?

Барбара: Они вместе проказничали, как дети. Они обменивались подарками. Однажды Карлос повел Рамона к «пятну силы», которое он нашел в горах Санта-Моники. Карлосу было интересно, *увидит* ли Рамон это пятно. Рамон признал, что это замечательное пятно силы. Он начал подпрыгивать на нем, попукивать и приговаривать: «Видишь, какое сильное это пятно!» А потом, по словам Карлоса, он на него покакал. Рамон был очень недоволен тем, что в моем доме нет места, куда можно ходить по нужде. То есть, конечно же, у меня в доме был туалет, но Рамон считал его непригодным для дефекации. Довольно неохотно он занимался этим в моем садике, и эта проблема причиняла ему много неудобств. Пятно силы Карлоса стало изумительным решением проблемы. Если бы Карлос относился к себе слишком серьезно, он бы, наверное, обиделся. Он был настроен очень торжественно, когда приглашал Рамона в горы, его интересовало подтверждение того, что это пятно силы, — и тут Рамон использует его в качестве отхожего места. Карлос считал, что это страшно смешно, и потом очень часто рассказывал эту историю.

Ричард: Вы слышали эту историю и от Рамона, или же только от Карлоса?

Барбара: Только от Карлоса.

Ричард: То есть вы не знаете, так ли все это происходило?

Барбара: Не знаю. Но был еще один странный случай. Через некоторое время после того, как Рамон был убит в Мексике, Люпе — или это был кто-то из ее родственников — позвонила Питеру Фюрсту и сказала, что с ней все в порядке и все наконец-то успокоилось. Карлос ездил в Мексику и пытался ее найти, а когда вернулся, выглядел очень взволнованным и расстроенным. Он рассказал, что за ней охотятся, она напугана и боится выходить из дома. Совершенно противоположное тому, что было сказано Питеру.

Ричард: Вы думаете, он действительно ездил в Мексику и нашел ее?

Барбара: Может быть.

Ричард: Может, он вновь все выдумал?

Барбара: Ну, а зачем бы ему выдумывать подобное? Предположим, что он все время что-то выдумывает. Но почему он придумал именно такую историю? И почему он выглядел таким расстроенным? Он действительно казался встревоженным и испуганным. По моему, он рассказал мне об этом по телефону.

Ричард: Я не знаю, почему он выдумал эту историю, но я также не понимаю, почему он вернулся с историей, которая совершенно не совпадала со словами других людей. Вы потом получили какое-нибудь подтверждение той или другой версии?

Барбара: Нет, но в тот момент не было никаких оснований сомневаться в словах Карлоса. Большая часть того, что он говорил и о чем писал, выглядела совершенно достоверной. Одной из причин, по которой людей так расстраивает то, что вы называете его фальсификатором, заключается в том, что он учит в очень практической, хотя и аллегорической форме. Его истории доходят до них напрямую. Раз! Человек читает и сразу понимает, что все это правда.

Ричард: Убедительность его искусства затмевает сомнительность фактов.

Барбара: Совершенно верно. Читателей захватывает не сам Карлос, а их собственный опыт, который только и является для них подлинно важным. Важна та форма, в которой он учит. Не менее важна, чем содержание. Его аллегории. Его отзеркаливание. Он представляет нам конкретную форму вещей, которые были для нас лишь абстрактными понятиями, которые мы не могли ни сформулировать, ни использовать. И он делает это превосходно. С этой точки зрения он совершенно одаренный учитель.

Ричард: Некоторые писатели, включая меня и Джойса Кэрла Оутса, посчитали его «Структурный анализ» пародией на социальные науки.

Барбара: Я очень надеюсь, что это лишь пародия. [*Смеется.*]

Ричард: По крайней мере, так он выглядит. Слишком закрученный, настойчивый и избыливающий повторениями, чтобы быть искренним. Своеобразное наказание для

того, кто отнесется ко всему написанному серьезно.

Барбара: Неплохо сказано.

Ричард: Лоренс Уотсон был несомненно искренним, когда [согласно Кастанеде] помогал написать этот анализ. Судя по всему, Карлос сыграл над своим коллегой очередную шутку.

Барбара: А потом поблагодарил Ларри в книге.

Ричард: Очевидно. Он очень любит подобные вещи. В «Структурном анализе» есть одно довольно ироничное замечание о том, что грибы, которые курил дон Хуан, не горят.

Барбара: Я тоже была удивлена этому. Но зачем ему было нужно упоминать об этом?

Ричард: Возможно, кто-то интересовался возможностью курить грибную пыль, но это уже было описано в рукописи, и ему пришлось выкрутиться тем, что эта пыль просто вдыхается, именно в «Анализе».

Барбара: [*Смеется.*] Когда я впервые встретила с Арнольдом Минделлом, он описал мне теорию, согласно которой Карлос состряпал свой «Структурный анализ» вместе с другими студентами в качестве шутки.

Ричард: Уотсон тогда как раз защитил дипломную работу, но я думаю, он не воспринимал это как шутку. Шутка была сыграна над ним и над другими доверчивыми учеными.

Барбара: Последний раз, когда я видела с Карлосом, я сказала что-то о том, как многого я хотела добиться от жизни, и он ответил: «Дон Хуан сказал бы: *В жизни мы ведем себя как свиньи*». Я тогда рассмеялась про себя и подумала: «В жизни как свиньи?! Дон Хуан никогда бы не выразился *так*». Потому что в принципе дон Хуан был очень сдержан. Так что даже тогда меня задел эти слова Карлоса. Он даже использовал своеобразный говорок дон Хуана, но все равно фраза показалась мне принадлежащей самому Карлосу.

Ричард: Вы все еще считаете, что дон Хуан реально существовал?

Барбара: Я не уверена в том, что его никогда не было. Вполне возможно, что в самом начале это началось со встреч Карлоса с конкретным человеком. Иначе зачем бы Карлос говорил мне «Поехали. Встретишься с ним. Поедем со мной»? Мне до сих пор не верится, что он постоянно обманывал меня, все это время.

Ричард: А мне бы хотелось доказать вам, что так оно и было.

Барбара: Я знаю, что вам этого хочется.

Ричард: Потому что мне кажется, что я вижу его в истинном свете, и я бы хотел, чтобы вы тоже смотрели на него объективно.

Барбара: Ричард, мне следует признаться, что во всем этом для меня остается много загадок. Я все еще вижу определенные моменты, которые для меня убедительны. Даже в том случае с водопадом я не уверена, что Карлос просто вернул мне мои же слова. Было что-то помимо этого.

Ричард: Маргарет Кастанеда сказала мне, что никогда не верила ни единому слову историй о доне Хуане, но она была уверена, что в жизни Карлоса действительно произошло нечто подобное, что он инсценировал в своих книгах о доне Хуане. Она очень интересовалась подобными духовными опытами и была уверена, что он испытывал какие-то из них. Я думаю, что люди исследуют эту «кляксу Роршаха», чтобы открыть свои собственные глубоко спрятанные источники стремления к духовному.

Барбара: Тогда возможно, что я ищу в нем ту загадочность, которая мне нужна, а вы — ту ясность, к которой стремитесь.

Ричард: Блестяще!

Барбара: Или возможно, что мне просто не хочется пересматривать свои прежние суждения.

Ричард: Вы боитесь потерять нечто ценное, попытавшись стать на мою точку зрения?

Барбара: Не знаю. Я пыталась рассматривать самые плохие последствия, и теперь это не кажется мне таким отвратительным — я имею в виду то, что меня обманывали и сделали полной идиоткой.

Ричард: Не каждый обманутый глуп. Если притворщик достаточно умен, он обманывает не только дураков. На этом основана целая профессия, и таких обманщиков называют волшебниками.

Барбара: Допустим. Но какая-то часть меня не удовлетворяется психологическими объяснениями того, что делает Карлос. Почему-то, может быть на основе моего опыта в полевых наблюдениях, мне кажется, что он выстроил все это на основе обмена мыслями с другим человеком. Это ощущение меня не покидает.

Ричард: Пока источник, из которого он все это черпает, остается таким неопределенным, никто не сможет избавиться от подобного чувства. Его корни кроются в недоступности проверки.

Барбара: Может быть, этот учитель-шутник — всего лишь архетипичная фигура, но она появилась не только в голове одного лишь Карлоса. Я это чувствую.

Ричард: А почему нет?

Барбара: Потому что в Карлосе вновь и вновь проявляются качества, совершенно несвойственные дону Хуану: напыщенность, некоторая узость, рационализм, жесткость.

Ричард: Пэрл Поллард Кэрран написала четыре миллиона слов о Достойном Терпении, о бестелесном духе из семнадцатого века. Не было предоставлено ни одного правдоподобного объяснения того, откуда возник этот бессвязный архаичный материал, и возникает серьезное подозрение, что внешний источник по имени Достойное Терпение был одной из частей раздвоившейся личности миссис Кэрран.

Барбара: То, что вы говорите, очень возможно. Очевидно, что по отношению к Карлосу дон Хуан — «иная» личность.

Ричард: И что вы думаете по поводу такого объяснения?

Барбара: Оно меня вполне устраивает, потому что мне было очень сложно примирить того Карлоса, которого я знала, — или только думала, что знаю, — с тем, который представляется таким бессердечным и расчетливым фальсификатором. Дон Хуан может быть подсознательной личностью, или персонификацией той части Карлоса, которая была подавлена, но развилась и проявилась в его историях. Мне это кажется более правдоподобным, чем теория надувательства.

Ричард: Какая теория надувательства?

Барбара: Теория о сознательно, тщательно и дьявольски хитро разработанном плане, включавшем создание фальшивых полевых заметок в течение восьми лет, их опубликовании в «Юниверсити пресс», создании двух продолжений-бестселлеров и получении за весь этот вздор степени доктора антропологии.

Ричард: Разве это не выглядит чем-то таким, что можно придумать заранее?

Барбара: Конечно, нет! *[Смеется.]*

Ричард: Идея такого далеко идущего плана совершенно абсурдна?

Барбара: Он наверняка непрерывно импровизировал.

Ричард: Его потребность в реализации своих фантазий была настолько сильной, что он просто всучивал их понемногу всем, кто его окружал.

Барбара: Но разве это не опровергает вашу теорию о заговоре Калифорнийского университета?

Ричард: В целом опровергает. Большинство преподавателей, которые терпели или одобряли его фантазии, могли быть точно так же обмануты его превосходной игрой, но я по-прежнему считаю, что один-два из них должны были оказаться достаточно проницательными, чтобы ее раскусить.

Барбара: Люди не так проницательны, как нам бы хотелось, Ричард. Я поддерживала его фантазии, хотя я не исключительно глупа. Единственная разница между вами и его учеными поклонниками — надеюсь, вы простите мне эти слова, — заключается не в проницательности, а в скепсисе. Они были готовы поверить. Вы были готовы сомневаться. Как оказалось, вы набрали больше очков в свою пользу. Возможно, это просто удача.

Ричард: Может быть, это случайность, но может, и тот факт, что у меня уже был определенный опыт столкновений с шарлатанами. Большинство людей очень редко встречается с такими типами, как Карлос Кастанеда.

Барбара: Пожалуй, да.

Ричард: Но вам посчастливилось приобрести такой необычный опыт.

Барбара: И он совершенно сбил меня с толку.

Ричард: Вам доводилось навещать Карлоса у него дома?

Барбара: Да. В то время Карлос жил примерно в двух кварталах от больницы, в которой умирал мой отец, я часто заезжала к нему после посещений отца. Он поил меня особым чаем, из растения под названием *ангелита*, и мы приободряли друг друга. Он оказывал мне очень большую поддержку своей простотой и искренностью.

Ричард: Он всегда казался вам таким мягким и ободряющим?

Барбара: Когда я стремилась к этому. Или когда он был расположен. Но если говорить о надежной опоре, то он был совсем не таким человеком, на которого можно рассчитывать всегда, когда вам это нужно.

Ричард: Он никогда не проявлял враждебности по отношению к вам?

Барбара: Нет. Однажды, правда, в нем проскользнул испуг или что-то подобное. Может быть, даже отвращение. Я привезла ему — он жил уже в другом месте, в Вествуде, — костюм, принадлежавший Рамону. Это было уже после убийства Рамона. Я была беременна, это было хорошо заметно, и Карлос вполне мог просчитать, что ребенок был зачат как раз в то время, когда у меня гостил Рамон. Или даже я сама ему об этом сказала. В любом случае, мне показалось, что это его ужаснуло.

Ричард: Он подумал, что это ребенок Рамона?

Барбара: Нет, что вы. Мне кажется, для него это было чем-то вроде похищения души Рамона. Он просто отшатнулся от ужаса.

Ричард: От вас как от женщины, похитившей душу шамана.

Барбара: Да, это было очень странно. Он отскочил от меня. Я никогда не видела его в таком состоянии, поэтому поспешила уехать. До того момента он часто называл меня *брухо*, и мне это казалось очень лестным, но в этом случае я совсем не чувствовала себя магом. И я была очень опечалена смертью Рамона.

Ричард: Это был ваш второй ребенок?

Барбара: Да. Кстати, был очень интересный случай с Карлосом и моим первым ребенком, и в этом случае он показал себя прекрасным другом. Он приехал навестить меня, ребенку тогда было три месяца и у него были постоянные колики. Карлос сидел у меня очень долго и просто наблюдал за тем, как я кормлю ребенка. Три ложки каши в рот — две назад. Сами понимаете, для всех, кроме влюбленной мамы, этот процесс ужасно скучен, но Карлос смотрел на нас, как замороженный, и постоянно шептал: «Он воин. *Воин!* Он безупречен. Ты должна воспитать его *безупречным!*» Некоторые из наших долгих ночных разговоров были посвящены моему ребенку. Карлос давал мне самые странные советы, которые когда-либо могла получить мать. Одни были разумными, но другие — совершенно дикими. Он сказал мне, насколько безупречен мой сын, и конечно, это не оставило меня равнодушной. Потом я пожаловалась на то, что у него колики и я уже три месяца не могу выспаться, и он сказал: «Выйди, пожалуйста». Я переспросила: «Что ты имеешь в виду?» Он сказал: «Не задавай вопросов. Оставь нас с ним одних». И я вышла из комнаты, оставив своего ребенка с ним, пока он не позвал меня назад. Он не рассказывал мне, что он делал, а я не расспрашивала его, но у ребенка никогда больше не было колик.

Ричард: [Смеется.]

Барбара: Вам, конечно, известно, что происходит с трехмесячными младенцами?

Ричард: У них проходят колики?

Барбара: Да, они проходят в этом возрасте сами собой. С другой стороны, именно с той минуты у мальчика никогда больше не было колик, и это меня очень обрадовало. Карлос часто говорил: «Никогда не нужно хотеть быть рядом со своими детьми, если они не хотят быть рядом с тобой. Никогда не нужно быть слишком доступным. Они должны искать твоего общества». У него здорово получались подобные советы, и так случилось, что этот оказался для меня очень полезным, потому что я была чересчур заботливой матерью. Еще я помню, как на антропологической конференции в Сан-Диего [в ноябре 1970 года] он рассказал мне о том, как пугал своего маленького мальчика, чтобы тот хорошо себя вел. Помните, как дон Хуан рассказывает о том, что нужно нанять кого-то, кто неожиданно выпрыгнет и

напугает маленького мальчика. Карлос предложил мне сделать это. Он сказал, что сам сделал это. Он рассказал, как он сделал это в зоопарке. Он вообще мне рассказывал много из того, что я потом читала в его книгах.

Ричард: Приходил ли он когда-нибудь к вам на работу и разговаривал ли с вашими студентами?

Барбара: Да. Как раз после того, как он закончил рукопись «*Отдельной реальности*». Он был просто великолепен и совершил нечто, что я видела только в исполнении великих преподавателей. Он разъяснил студентам обусловленность реальности. «Вы видите *этот* стул один единственный раз. После этого вы его истолковываете. Вы видите *стул*, а не дерево, форму, черноту. Лишь один единственный раз вы получаете опыт нового». А потом в университетском кафе, среди постоянного шума, он учил меня прислушиваться к тишине, а не к звукам, «находить дыры между звуками». Я тогда немного играла в одном самодеятельном оркестре, и приятель-гобоист часто говорил мне: «*Не слушай* остальных. Относись к ним так, будто их нет, словно никто не играет вместе с тобой». На своем языке афоризмов Карлос учил меня тому же. Учиться у него было очень приятно. В такие минуты он проявлял свои лучшие качества.

Ричард: Помимо того случая, когда вы привезли ему костюм Рамона, помните ли вы его потерявшим равновесие?

Барбара: Только еще один раз, во время одного собрания в Сан-Франциско. Мой муж увидел в зале Карлоса и поприветствовал его вполне справедливым, но обидным замечанием, сказав, что тот толстеет. Карлоса это явно не позабавило. Какое-то мгновение, как мне показалось, он был готов взорваться. Было так странно увидеть в нем этот проблеск обычного смертного — тогда он уже стал очень знаменитым.

Ричард: Вы сказали, что Карлос часто называл вас *брухо*?

Барбара: Да. До тех пор пока не увидел меня беременной. После этого он никогда так не говорил.

Ричард: Вы имеете в виду *бруха*, так?

Барбара: Нет, именно *брухо*, в мужском роде. Для него это было одно из самых уважительных и нежных слов.

Ричард: Таким образом он придавал вам мужские черты, делал своим братом по магии.

Барбара: Нет, мы оба были бесполоыми. Бесполоыми партнерами по игре. Я чувствовала его разочарование тем, что была беременной и имела детей. Несмотря на то что он был так очарован, когда я кормила ребенка, он в то же время выглядел несколько обеспокоенным. Когда я встретила с ним на конференции в Нью-Йорке [ноябрь 1971 года], я была *невообразимо* беременной, я весила на 44 фунта больше и была ужасно смешной. Карлос стоял в холле, когда я подошла к нему. Он обернулся и чуть не отскочил, настолько он был поражен. В тот раз, когда он вылечил моего сына от колик, у меня возникло чувство, что это было для него восстановлением контроля над ситуацией, своих собственных правил, и это позволило ему почувствовать себя лучше. У меня вообще тогда были странные чувства. Хотя я была матерью, у меня не пропадало ощущение странности того, что такие два ребенка, как я и Карлос, возятся с младенцем. Одна из самых забавных наших проказ произошла во время конференции в Сиэттле [ноябрь 1968 года]. Нас страшно утомили скучнейшие собрания, и нам хотелось сбежать с них. Я помню, как мы, взявшись за руки и смеясь, выскочили из отеля. Было воскресное утро, совершенно безлюдно, и мы побежали к Спейс Нидл, чтобы прокатиться вверх. Мы представляли себе, как улетаем ввысь и уже никогда не возвращаемся назад. Мы шепотом говорили друг другу: «Что если кабинка не остановится? Что если она *просто будет подниматься и подниматься?*»

Ричард: Считался ли Карлос странным в университете?

Барбара: Да, его считали довольно странным. Он постоянно насмехался над всякими правилами и все время был на грани их нарушения. Он мало что доводил до конца. Он постоянно куда-то пропадал и внезапно появлялся. Тем не менее выглядел он *всегда* одинаковым. Любые свои привычки он неукоснительно соблюдал.

Ричард: Один из членов кафедры считал, что психологически Карлос был очень хрупким и

что психический срыв мог произойти с ним в любой момент.

Барбара: Я никогда не замечала никаких признаков подобного.

Ричард: Даже когда он говорил вам, что сходит с ума?

Барбара: Он не имел в виду психическое сумасшествие. Он имел в виду, что чувствует такое напряжение, которого может не выдержать.

Ричард: Это вполне нормально для выпускного периода.

Барбара: [Смеется.] Безусловно, мы оба себя тогда так чувствовали.

Ричард: Обычно, когда человек постоянно жалуется на то, что сходит с ума, это является признаком его нормальности.

Барбара: Я согласна. Но мне кажется, что в то время в состоянии его ума действительно происходило что-то беспокоящее. Казалось, что он в панике и совершенно потерял ориентацию. Он выглядел совершенно беспомощным.

Ричард: Прижатым к стенке?

Барбара: Что-то вроде этого. Один совершенно очаровательный случай произошел на балконе Хэйнс Холла — кафедра антропологии там на третьем этаже, а кафедра социологии на втором. Это и было сценой всей истории, местом преступления. Однажды, часа в четыре дня в пятницу мы стояли на этом балконе, и между нами состоялся довольно тяжелый разговор о безумии этого места и о том, как когда-нибудь мы убежим отсюда и станем тайными, неуловимыми и прекрасными маньяками, которые потом перевернут здесь все с ног на голову. Сейчас это выглядит страшно напыщенными грандиозными планами. И когда мы все это обсуждали — мы были практически одного роста, что придавало разговору еще большее сходство с заговором двух крошечных существ — над нашими головами с карканьем пролетела ворона. Это был знак. Мы ничуть в этом не сомневались. Я прекрасно помню, что мы оба тотчас покрылись «гусиной кожей». «Знак!» — сказал Карлос. В этот момент мы знали наверняка, что мы правы, а все остальные — нет. А еще один случай... Я не много времени у вас отнимаю?

Ричард: [Смеется.]

Барбара: Просто каждое воспоминание вызывает какое-то еще.

Ричард: Они стоят любого количества времени.

Барбара: Жалко, что я никогда не записывала ни одно из них. Так вот, занятная история случилась в Сан-Франциско. Он подошел ко мне, ущипнул и сказал: «Ого! Ты такая *подтянутая*! Ты такая *стройная*! Ты просто в *прекрасной форме*!» Я смеялась до упаду. Ему казалось настолько важным, что я снова похудела, — а потом во «*Втором кольце силы*» появилась *Ла Горда* [«Пышка»].

Ричард: Которая весила 220 фунтов, пока дон Хуан не довел ее до 115.

Барбара: С того момента, как он видел меня беременной, я сбросила 44 фунта.

Ричард: И вы снова могли стать ребенком, играющим с ним.

Барбара: Да. Было еще кое-что, что он мог позаимствовать у меня. Когда я была маленькой, у меня было двойное зрение, и только к одиннадцати годам я поняла, что у других этого нет. Я могла заставить глаза смотреть в разные стороны, и тогда видимое разделялось, а потом я могла снова сводить их в одно зрение. Карлоса это очень заинтересовало.

Ричард: В «*Икстлане*» дон Хуан говорит о том, как глаза можно заставить смотреть на одно и то же независимо, и утверждает, что отсутствие фокусировки приводит к двойному восприятию мира. Это похоже на ваш рассказ о глазах, смотрящих в разные стороны.

Барбара: Похоже.

Ричард: Так может быть расфокусирование глаз совсем не является древней мезоамериканской мистической техникой?

Барбара: Может, и нет. У Уильяма Блейка есть стихотворение о двойном зрении. И персонажи «*Второго кольца*» совершенно не похожи на индейцев. В книгах Карлоса вообще трудно узнать типичных индейцев.

Ричард: Это относится даже к дону Хуану?

Барбара: В доне Хуане это наиболее заметно. Даже самые преданные читатели Карлоса признают, что дон Хуан эклектичен. Они считают, что он много путешествовал и

много видел.

Ричард: Рамон тоже много путешествовал и много видел, так в чем же разница?

Барбара: Ладно! Надеюсь, у вас осталось много времени. Индейцем является человек с определенной, богатой и согласованной системой верований. Дон Хуан не относится к индейской культуре. Рядом с ним мало, слишком мало других индейцев, он никогда не рассказывает традиционных историй и не соблюдает традиционных обычаев. И еще одно. Если уж Карлос настолько хорошо знаком с традициями мексиканских индейцев, то почему он берет две прелестные местные концепции *нагваля* и *тоналя* и выворачивает их наизнанку? Так, как будто они не имеют своего собственного значения в системе убеждений других людей? Это меня очень задевает. Действительно обижает.

Ричард: Он превратил их в дзэн-буддизм.

Барбара: Что бы он там с ними ни сделал. Вы знаете, что он одно время жил в Сан-Диего?

Ричард: Правда?

Барбара: Некоторое время. В полуподвальной комнате.

Ричард: Это он вам рассказывал?

Барбара: Да. Он жил в доме одного приятеля. Мне показалось, что это далекоовато для ежедневных поездок в Калифорнийский университет, но подобные вещи его никогда не волновали.

Ричард: Особенно, если при этом он мог смотаться в Мексику и назад в мгновение ока.

Барбара: Возможно, поэтому. Так или иначе, он рассказывал, как постепенно опустошил комнату. Сначала он избавился от кровати. Потом от книг. До тех пор, пока в ней не осталось ничего, кроме печатной машинки и самого Карлоса. И он начал бояться, что что-то попытается забраться в комнату — лисы, или луна, или что-то еще. Сквозь плотно закрытое окно мог просочиться луч света — и он уже беспокоился. Он боролся с этим. Но ему удалось победить все это, только бросив все свои обычные привычки. Он перестал есть. Он перестал спать. Он, так сказать, оттачивал себя. Я подумала, что все это просто ужасно. Но так он упражнялся в аскетизме. На нем появились глубокие следы истощения. Если бы мне пришлось давать ему психологическую характеристику, я бы сказала, что этот человек на долгое время изолировал себя, сражается за самодисциплину, подавлен собственной волей, совершенно одержим, боится любых проявлений чувств, стремится к безупречности и контролю над своими эмоциями. Истощение по собственной воле. Он был безжалостен к самому себе. Хотя с одной стороны он очень колебался, переходя к такой системе, но тем не менее сурово прервал все свои личные отношения. Возможно, он просто хотел их разорвать, но мне это казалось борьбой. Он заставил себя оставить своего маленького мальчика. Он заставил себя ежедневно ходить в библиотеку, одевать безукоризненный темный костюм, носить с собой чемоданчик, приводить все в порядок согласно жестким правилам и с неизменным качеством. Я подозреваю, что, взрослея, он становился сильнее и глубже. В то же время ему всегда хотелось убежать в мир веселых игр. Его воображение было настолько сильным, что ему нужен был всего лишь партнер, типа меня или Рамона, — и тогда он *входил* в этот иной мир счастья, по которому тосковал.

[Барбара зачитывает выдержку из книги, которую сейчас пишет, «*Сколько нам осталось дней*», о доме престарелых для евреев-иммигрантов в Венеции, штат Калифорния. Отрывок описывает ее сон, в котором к ней пришел Карлос Кастанеда и рассказал, как научиться понимать старых людей.]

Даже если модель полевых наблюдений Карлоса слишком идеальна, чтобы ее можно было применять в точности в таком виде, как он ее описывает, то даже просто найти кого-то, с кем можно беседовать на подобные темы — большая удача в антропологии. Одна из причин, по которой я ему благодарна, заключается в том, что он научил меня вкладывать себя в свои отчеты и помог мне осмелиться это делать. Раньше отчеты от первого лица считались в антропологии дурным тоном, но если вы не знаете, что происходит с самим человеком, проводящим наблюдения, вы упускаете половину

происходящего. Или даже большую его часть. Другим добрым делом, которое он сделал, является демонстрация того, как неприметный и на вид обычный человек может скрывать в себе огромную ценность для мира. Таким человеком был мой отец, такими людьми являются старики, о которых я расскажу в *«Сколько нам осталось дней»*.

Ричард: Никто не узнал бы об учении дона Хуана, если бы Карлос не отправился в пустыню и не выслушивал бы его в течение десяти лет.

Барбара: Совершенно верно.

Ричард: И тот факт, что книги о доне Хуане — явная подделка, не снижает ценности этой модели?

Барбара: Думаю, что нет. Модель остается верной, нам нужны знания подобных людей. Она говорит нам: «Посмотрите вокруг. Вокруг нас множество людей, которые могут вполне обычными словами рассказать нечто такое, что стоит послушать». Именно антропологи должны их выслушивать. Такие усилия глубоко человечны. Вот та причина, по которой все это мне нравится.

Ричард де Милль

Портрет аллегориста

Корреспондент журнала «*Тайм*» Сандра Бертон провела в беседах с Кастанедой много часов, и он казался ей привлекательным, стремящимся к сотрудничеству и убедительным — но лишь до определенного момента... В продолжение бесед Кастанеда предложил несколько версий своей жизни, которые непрестанно изменялись по мере того, как Бертон представляла ему факты того, что рассказываемое им не выдерживает проверки реальными данными...»

Я думаю, что когда-нибудь будет написана подробная биография Карлоса Кастанеды. Мне бы хотелось ее прочесть, но не хотелось бы ее писать. Биографу придется провести продолжительное время в Перу, пытаясь добиться отзывчивости от семейства Арана, которое пока что не проявило никаких ее признаков. Ему придется тщательно изучить архивные записи в Лиме и Кахамарке (Cajamarca) и переговорить со множеством местных жителей, знавших Кастанеду младенцем, ребенком, юношей и мужем. Учитывая обычную латиноамериканскую скрытность в отношении семейных и личных вопросов, неплохой биограф получился бы из перуанца, долгое время знакомого с этой семьей. Однако жизнь показывает, что самих перуанцев Кастанеда не очень-то интересуется, так что подобные надежды представляются тщетными.

Другим требованием к созданию удачной биографии являются санкции на ее написание. Не получившие подобных полномочий биографы сталкиваются с самыми разнообразными сложностями. Они не могут получить доступ к некоторым записям и интервью. Их издатели беспокоятся о правовой стороне дела. Результату не хватает тех признаков, которые придают покупателю уверенность в подлинности приобретаемого товара. Чье же согласие будет достаточным в данном случае? Очевидным ответом будет согласие со стороны Кастанеды, но это совершенно неверно. Полномочия, предоставленные Кастанедой, окажутся еще хуже, чем их полное отсутствие. Как может человек, построивший свою личную и общественную карьеру на искажении подлинных материалов и создании фальшивых записей, кого-нибудь уполномачивать? Разумеется, это невозможно. Кто же еще может дать такое согласие? Его наследники, но надеяться на их активность при его жизни бессмысленно из-за его неистощимой энергичности. К тому времени, как он покинет этот мир и присоединится к дону Хуану под пятидесятитысячечуфтовым куполом, доступность перуанских архивов и существование живых свидетелей его жизни станет совершенно сомнительной.

Я расписываю все это, чтобы объяснить, что эта статья не является биографией Карлоса Кастанеды. Это его портрет. Основная разница заключается в том, что приведенные здесь биографические данные неполны, никем не санкционированы и наверняка во многих случаях неточны. Я могу лишь заверить, что они более достоверны, чем любая версия, представленная самим Кастанедой, тем не менее во многих случаях остаются гипотетическими предположениями. Чтобы оградить вас от скуки во время чтения различных повторений типа «он рассказывает», «она вспоминает» и «наиболее вероятно, что», я собираюсь излагать все просто, на уровне заявлений, даже в тех случаях, когда свидетельские показания скудны или их можно по-разному интерпретировать. Это делается для облегчения чтения, но следует помнить, что многие из этих утверждений могут быть поправлены при дальнейших исследованиях и появлении более точных данных. Целью этой статьи, как и всех статей в этом сборнике, является представить подлинный образ Кастанеды, хотя иногда я не могу доказать, что какие-то его части действительно подлинны. Я расскажу то, в чем убежден, а вы сами будете решать, прав ли я. Чтобы помочь вам в этом, я продолжу свою практику дословного и насколько возможно полного цитирования, хотя некоторые источники моей информации пожелали

остаться анонимными, и я обязан соблюдать эти требования. Поскольку читатели не любят безымянных действующих лиц, иногда я буду использовать псевдонимы. Как и раньше в моих статьях, «Карлос» является героем историй, которые я считаю вымышленными, а «Арана» и «Кастанеда» — людьми, которых я считаю реально существующими.

Некоторые свидетельства относятся к до сей поры неосвещенным подробностям жизни Кастанеды. Является ли это вторжением в личную жизнь? Эго можно было бы так расценивать, если бы Кастанеда был замкнутым человеком, каким его часто описывают, но я думаю, что он совершенно не замкнутый человек, поскольку он обнародовал множество фактов своей личной жизни в своих книгах и интервью. Критик или биограф не обязан рассматривать все его противоречивые автобиографические утверждения действительно вымышленными или освобождаемыми от публичного обсуждения. Полная неуловимость не может стать основой для изложения фактов. Сделав общедоступным то, что, как предполагается, составляет сущность его жизни, Кастанеда уже не может требовать соблюдения тайн своей личной жизни от биографов или критиков. Все могут прочесть, например, как Карлос потерял очень дорогую ему блондинку из-за своей настойчивой привязанности к ней. Несмотря на то, что я сомневаюсь в существовании этой женщины, я вполне могу поверить, что Кастанеда разрушил свои отношения с какой-то реальной женщиной по причине своей ненадежности. Когда я пишу о подобных вещах, я являюсь критиком-эссеистом, откликающимся на автобиографическую инициативу самого Кастанеды. Если он не желает появления подобных откликов, он мог бы сохранить при себе подобные предположительно реальные истории о блондинках и их с ними. Всем известно о маленьком мальчике Кастанеды, о том как его забрали — или покинули, в зависимости от варианта изложения, — и как сильно в связи с этим страдал Карлос. Этот маленький мальчик уже стал молодым человеком, и вполне возможно и уместно попытаться прояснить их семейные отношения. *«Второе кольцо силы»* обнаруживает, что у Карлоса был «ребенок женского пола». В 1975 году Кастанеда представил множеству людей молодую женщину, называя ее своей дочерью. Описание отношений между Кастанедой и этой молодой женщиной поможет выявить некоторые поразительные черты его характера.

Так долго распространяясь обо всем этом, я, пожалуй, выражаю тот дискомфорт, который чувствую, копаясь в чужой личной жизни, какой бы открытой не сделал ее сам обладатель, поскольку эти свидетельства покажут его в менее благоприятном свете, чем его книги. Отсутствие необходимости проникать в подобные предметы является существенным преимуществом ученого-теоретика по сравнению с биографом-практиком. Описывая более достоверную историю жизни Кастанеды, чем та, которую рассказал он сам, я столкнулся со многими фактами и выводами, которые еще не были опубликованы, но я уверен, что разбираться с ними — моя обязанность.

Одна из наиболее интересных историй о нем была рассказана человеком, которого я посчитал ненадежным источником, поэтому я не привожу этот рассказ в статье. Показания, приведенные в этой работе, принадлежат людям, которым я доверяю, хотя никто из них не отличается идеальной точностью и нет ни одного отчета, который был бы совершенно ясен и полон. Естественно, у меня не было и неисчерпаемого запаса времени на исчерпывающее изучение Кастанеды. Эго лишь те подлинные данные о жизни Кастанеды, которые я успел собрать. В соединении с предыдущими 42 статьями этой книги, эта статья связана с тем, каким я его вижу.

Карлос Сесар Сальвадор Арана Кастанеда родился в день Рождества 1925 года в изолированном Андами городке Кахамарка, в котором за четыреста лет до этого солдаты Писарро задушили Короля Инков Атау Гуальпа. Сесар Арана Бурунгарай держал в этом городе ювелирную лавку. Хотя позже Кастанеда объявит кузину Люсию своей родной сестрой, малыш Арана был единственным ребенком в семье, что легко определяется по иллюстрации, на которой он прислонился к своей тетушке в окружении отца и матери. Из соображений внешнего сходства я заключил, что тетя является сестрой его отца.

В возрасте восьми месяцев Карлос произнес свое первое слово: «дьябло» — «дьявол». Это меня совсем не удивляет — разумеется, это был Карлос, описываемый Кастанедой своей жене Маргарет. Восемь месяцев от роду — довольно ранний срок для подобных слов, так что следует все-таки

заклЮчить, что младенец Арана начал говорить несколько позже и произнес нечто достаточно невинное — например, «мама». Мать Карлоса была «замкнутой, очень красивой и печальной, как декоративное украшение». Она непрерывно жалуется на то, что у нее нет бриллиантового кольца. Шестилетний Карлос отчаялся в своих попытках заставить ее говорить о чем-либо еще. В противоположность, мать маленького Араны выглядит не столь сложной личностью. Будучи замужем за владельцем ювелирной лавки, она наверняка могла позволить себе иметь кольцо с бриллиантами, если бы того захотела. Пока малыш Карлос катается на лодке в окрестной речушке, его печальная декоративная мамочка проводит тайные randevу с каким-то молодым человеком и, таким образом, становится архетипом обманщицы и предательницы и занимает первую позицию в списке неверных женщин Кастанеды. Мать маленького Араны, впрочем, не дает никаких оснований для подобных подозрений.

«Воспоминания о матери для меня мучительны, — признается Кастанеда, — но проанализировав их, я понял, что никогда не любил ее. Осознание этого было ошеломляющим». Можно усомниться в том, что маленький Арана никогда не любил свою мать, но раз Кастанеда утверждает это, пусть даже в псевдо-автобиографии, то наверное, его детские разочарования в матери временами оказывались достаточно сильными. Поэт Мендес из племени яки обвинил Кастанеду в «продаже собственной матери», однако за таким предательством, скорее всего, кроется желание наказать ее за ту недостаточную или неудовлетворительную любовь, которую он ощущал как «огромную тягость».

Образ отца Кастанеды меньше пострадал от искажений, чем портрет его матери. Отец Карлоса — профессор литературы, «не написавший ни строчки», ученый, «вообще не разговаривавший с теми, кто не читал Платона». Подобное писание кажется совершенно неуместным по отношению к ювелиру и мастеру золотых часов из отдаленного горного городка, но как оказалось, в свое время Сезар Арана с триумфом прошел экзамены по свободному искусству в Сан-Маркосе, старейшем университете Южной Америки. Он закончил жизнь ремесленником и владельцем магазина не из-за недостатка интеллектуальных способностей или интереса к умственной деятельности, но оттого, что не выдержал испытания соблазнами богемы и растерял свои научные перспективы в бурной столичной жизни в компании художников и тореадоров в Лиме. Таким образом, он вполне может заслуживать аллегории неудачливого профессора. Что же насчет Платона? Это деталь тоже лишь слегка искажена. Обосновавшись в Кахамарке, дон Сезар превратился в солидного семьянина, неутомимого шахматиста и верного поклонника Канта и Спинозы. Кабинетный мыслитель, он погряз в бесконечных рассуждениях об окончательном смысле жизни. Когда он не созерцал бесконечность и не трудился в своей угрюмой лавке, он обсуждал высокие материи со своими друзьями из интеллектуального общества, которые считали его образованным культурным джентльменом, хотя он действительно никогда ничего не написал. «*Тайм*» говорит, что Кастанеда рассказывает о своих родителях с нежностью, сочувствием и легким презрением. Хотя его постоянно тянуло к отцу, вряд ли шестилетний мальчик мог найти удовольствие от общения с таким величественным и отдаленным человеком. Амбициозный юноша научился глумиться над провалом своего талантливого отца и стремиться к более великим достижениям в огромном мире, простирающемся за пределами Кахамарки. Преуспевающий автор вполне мог оглядываться на неудачи отца с жалостью.

В видении, описанном в «*Учении дона Хуана*», Карлос обнимает отца, изливая признания в любви и извинения, невысказанные в детстве, а затем наблюдает, как тень отца растворяется, оставляя своего сына в печали и раскаянии. Тем не менее этот краткий приступ сыновней преданности, оставляющий мало сомнений в том, что Кастанеда все таки любил своего отца, сменяется тремя годами спустя «жалостью и презрением», упоминаемыми в «*Тайм*». Что же произошло с Сезаром Араной, что вызвало такие изменения в настроении его сына? В 1970 году, между «*Учениями дона Хуана*» и «*Отдельной реальностью*», Сезар Арана умер. Хотя Кастанеда никогда официально не рассказывал о его смерти, он немедленно начал наказывать покойного. Отец, которому не удалось стать идеальным родителем, предстал перед публикой, обвиненный в научной незначительности, в обитании в «скучном стерильном мире», в нерешительности, слабости, беспомощности и «непрерывном состоянии внутреннего отчаяния». В обычном мире именно его сын был беспомощен — раз уж он призывает на помощь тень своего умершего отца — и исполнен отчаянием безвозвратной потери того, кому он никогда не признавался в любви и от которого так и не получил

отзывов восхищения и гордости за своего сына. «На земле не было такой силы, которая могла бы заставить его изменить свое мнение», — написал Кастанеда о своем отце через год после его смерти.

Карлос Арана в детстве, со своими родителями (стоят) и тетей.

Покинувший отчий дом в 1950 году, эмигрировавший из Перу в 1951 году и отказавшийся от семейного имени, Кастанеда восстал против провинциальности и авторитета отца, демонстрируя свое низкое мнение о нем, однако он не оставил надежд когда-нибудь вернуться известным и возмужавшим, чтобы выразить ему свое уважение и восхищение. Эти мечты скончались вместе с отцом. Несколько авторов отмечали роль дона Хуана как приемного отца, и между первой и второй книгами дон Хуан превратился из холодного, угрюмого и зловещего отчима в теплого, игривого и относительно доброжелательного папочку — в такого, каким Кастанеда хотел бы видеть своего родного отца.

Карлос достаточно легко справлялся с игривостью дона Хуана, но вот его теплота повергала его в затруднения. Когда дон Хуан проявлял свою нежность, Карлоса это слишком отвлекало: «В его жесте проскользнули такие тепло и доброта, что мне показалось, он пытается восстановить мое доверие к нему. Я чувствовал себя полным идиотом и попытался скрыть свое смущение поисками своей ложки». Как мог отец оказаться настолько неосмотрительным, чтобы умереть, не восстановив веру в него со стороны своего сына?

Писатель стыдливо раскрывает перед нами случайные признаки отеческой нежности: «Впервые дон Хуан назвал меня *своим маленьким другом*. Это застало меня врасплох. Он заметил это и улыбнулся. В его голосе звучало огромное тепло, и это заставило меня опечалиться. Я сказал ему, что был легкомысленным и действовал неумело, потому что это свойства моего характера; я сказал, что никогда не пойму его мира. Я был в полном замешательстве. Он приободрил меня и заявил, что я сделал все хорошо и правильно». В своей сдержанной манере, Сесар Арана отвечал взаимностью на любовь сына.

Представим на мгновение младшего Арану, виновато стоящего перед старшим, который выговаривает ему за то, что он ведет себя совсем не как взрослый мальчик и занимается всякой чепухой, вместо того чтобы размышлять над шахматной доской или философским трудом, как пристало настоящему джентльмену. Стремящийся убежать, не решающийся прервать отца, он не

имеет возможности даже приблизиться к тому, чьей ласки ему хочется. Эта сцена переносится в пустыню дона Хуана, в которой учитель отчитывает ученика «мягкими, но убийственными словами» за то, что тот прилагает не все свои силы к овладению магией. Учитель, словно окаменевший, сидит в тени. Очевидно, что он способен сидеть там вечно. Пристыженный ученик не знает, что сказать в свое оправдание. Проходят часы. Наконец, ученик внутренне признает превосходство своего учителя, касается руки дона Хуана и его захлестывают рыдания. Если бы только маленький мальчик мог сделать то же самое!

Теперь представим малыша Арана на одной из редких прогулок вместе с отцом. Дон Сезар идет размашистым шагом, а ребенок носится вокруг него, исследуя красоту окружающей природы. Оглянувшись, он видит, что дон Сезар приостановился, ожидая его. Подбежав к отцу, он немедленно выслушивает нотацию о том, что нужно либо ходить, как все люди, либо вообще сидеть дома. В первые мгновения его душат слезы. Затем он овладевает собой и пытается поговорить с отцом. Дон Сезар ничего не отвечает, лишь улыбается сверху вниз, — и малыша Арану внезапно переполняет счастье.

«Мы ходили еще около часа, — пишет Кастанеда, — а потом направились, домой. В какой-то момент я оказался далеко позади, и дону Хуану пришлось дожидаться, пока я его догоню... Он жестко сказал мне, что когда я хожу с ним, я должен наблюдать и перенимать его стиль ходьбы или вообще не выходить с ним на пешие прогулки. «Я не могу дожидаться тебя, как ребенка». — недовольно сказал он. Это заявление пристыдило меня и повергло в глубокое смущение. Как могло случиться, что такой старый человек ходит намного быстрее меня? Я считал себя сильным и крепким, и тем не менее ему приходилось ждать, пока я его догоню». Карлос последовал инструкциям дона Хуана о правильном способе ходьбы и обнаружил, что теперь без труда идет в том же темпе. «Я чувствовал себя очень бодрым. Я был счастлив просто вот так бездумно шагать рядом с этим странным старым индейцем. Я попытался заговорить с ним и несколько раз спрашивал, покажет ли он мне растения пейота. Он только поглядывал на меня, но не сказал ни слова».

Позже в этой аллегории Кастанеда перешел к трагической потере: «Мы оба — существа, собравшиеся умирать, — мягко произнес дон Хуан. — У нас уже не осталось времени на то, чем мы занимались раньше». Он сжал мою руку; его касание было теплым и дружеским, он словно заверял меня, что беспокоится и заботится обо мне». Смерть Сезара Араны не означала, что он любил своего сына. Это было большим утешением.

В «Сказках о силе» дон Хуан кладет руку на плечо Карлоса, который чувствует при этом «непреодолимое желание расплакаться». Он признается, что боится того, что им придется расстаться навсегда. «Это наше последнее путешествие вместе». — говорит дон Хуан. Карлос ощутил, как что-то оборвалось у него внутри. «Есть много способов расставания, — рассказывает ему дон Хуан. — Самый лучший, пожалуй, — это сохранить отдельные радостные воспоминания. Например... ту теплоту, которую ты чувствовал, когда катал на плечах своего маленького мальчика...» Или, быть может, то счастье, которое иногда доводилось испытывать маленькому Аране, катаясь на плечах дона Сезара.

Эти отрывки рассказывают, — как мне представляется, очень правдиво, — о том, с какой тоской Кастанеда вспоминает счастливые мгновения раннего детства. В возрасте шести лет, однако, в нем произошли какие-то изменения, с которыми не мог справиться никто, даже его отец, и которые позже будут описаны им как «отстранение» матери. Когда ему исполнилось восемь лет, он заявил женщине, нянчившей его с младенчества, Марии Каруапоме [ее имя в переводе с языка Квехуа означает «рыжая львица»]: «Я хочу быть знаменитым. Я хочу знать много языков. Вот почему у меня такая большая голова». Разумеется, каждый восьмилетний мальчик мечтает о свершениях, которые заставили бы гордиться его отца, но где и как собирался достичь славы малыш Арана? В Соединенных Штатах, рассказывая изысканные сказки о самом себе. Он готовился к этому еще в детстве. Однажды утром он сказал донье Марии, что в США у него есть три сына. Она посчитала это очень смешным — маленький мальчик из Перу заявляет, что у него трое детей в Соединенных Штатах. У каждого из них было свое имя: одного звали Вилли. Имена остальных сыновей донья

Мария вспомнить не смогла.

Хотя культурная жизнь Кахамарки находилась, в основном, под влиянием Европы, ее оживляли окружающие индейские традиции. Маленький Арана жил в мире колдовства и духов. Курандеро лечили больных с помощью магии; один дом в Калль Дос де Майо был проклят полтергейстом; какого-то человека в одно и то же время видели и на площади, и возле моста. Малыш Арана слушал, как его отец дон Сезар обсуждает подобные загадочные случаи со своим другом доктором Теофилио Вера, членом суда Кахамарки. Годы спустя будет описан знахарь дон Висенте, дон Хуан расскажет об отвратительных духах, преследующих людей в их домах и пугающих их стуками, звоном и грохотом, а Карлоса и дона Хенаро увидят сразу в двух местах.

Молодой Арана ходил в начальную школу номер 91 и среднюю школу Сан-Рамон в Кахамарке. В 1948 году, когда ему исполнилось 22 года, он переехал в Лиму, завершил там среднее образование и поступил в Белляс Артес, национальную школу изящных искусств Перу. Мать перебралась вслед за ним в 1949 году, и по причине ее болезни отцу пришлось присоединиться к ней. Семья поселилась в трехэтажной квартире в районе Порвенир на окраине Лимы. В 1950 году Сусана Кастаньеда де Арана скончалась. Сын отказался идти на похороны, заперся в своей комнате, три дня ничего не ел, а когда вышел, объявил, что покидает дом. «Тягость» невыносимой любви больной матери была единственным, что удерживало его от этого шага.

Арана снял квартиру вместе с двумя приятелями-студентами. Карлос Релус рассказывает, что он «подстрекал всех к переезду в Бразилию», где впоследствии Релус стал знаменитостью. Хосе Бракамонте, в настоящее время известный иллюстратор, вспоминает Арану как «отъявленного лгуна и настоящего друга», остроумного парня, державшегося в стороне от карточных игр, скачек и игры в кости и «просто одержимого» мечтой уехать в Соединенные Штаты. Виктор Делфин, еще один его приятель студенческой поры, рассказал журналисту Сезару Левано:

Он был поразительным лжецом [el tipo mas fabuloso para mentir]. Очень способный, приятный и довольно загадочный. Первоклассный обольститель [un seductor de primera linea], Я помню, как девушки каждое утро подкарауливали его возле Белляс Артес. Мы называли его «Золотая Улыбка», потому что один зуб у него был золотой. Мне казалось, что в то время он тратил все свои силы на то, чтобы насмехаться и докучать другим [vagar y fregar la pita]. Иногда он отправлялся на Ля Парада [блошинный рынок в Лиме] с парой сломанных часов, — может, он их из дома таскал? — которые ему удавалось заставить работать всего на пару часов. Он продавал такие часы каким-нибудь мальчишкам, а потом надолго исчезал с рынка.

Хотя Бракамонте называет рисунки Араны странными, застывшими и уродливыми, Алехандро Гонсалес Апу-Римак, один из самых уважаемых преподавателей школы, защищает Арану, утверждая, что «в этом юноше было скрыто нечто грандиозное». Бракамонте рассказывает:

Он был великим авантюристом и собирался отправиться в США и зарабатывать ставками на пари — хотел разбогатеть. Он постоянно рассказывал совершенно неправдоподобные истории — поразительные, прекрасные сказки. Время от времени он продавал одеяла и пончо, привезенные с гор. Он часто рассказывал о Кахамарке, но было очень странным, что он никогда не упоминал о своей семье. Я только недавно узнал, что у него есть дядя, который живет недалеко от моей студии.

Уже тогда упражнявшийся в секретности, Арана не рассказывал своим соседям и то, что дом его отца расположен всего в нескольких кварталах от их квартиры на улице Хирон Гумбольдт. Несмотря на свои нестандартные шалости, он проявлял склонности к аскетизму, которые сохранялись в его последующей жизни. Во время студенческих ночных попоек и пирушек он был гораздо более воздержан, чем остальные, «участвуя во всеобщей эйфории без помощи выпивки и курева». Левано воспринял эту скромность как признак страха Араны потерять свои блестящие перспективы в объятиях богемы, как это случилось с его отцом. «Я сам себе отец», — скажет Кастанеда Сандре Бертон.

Карлос Арана в юношеские годы.

Примерно через год после смерти матери Арана исчез. Никто не имел представления, куда он уехал. Через несколько лет несколько писем пришло из Лос-Анжелеса. Написавший своей «родной сестре» Люсии, пропавший расписывал воображаемую военную карьеру и намекал на умственные или физические раны. Одно из писем, тонко посмеивающееся над занимавшими дона Сезара вечными истинами, состояло из одной единственной строки: «Дорогой папа: что есть Бог?» В другом письме было сказано: «Я отправляюсь в очень долгое путешествие. Не удивляйся, если больше обо мне никогда не услышишь». По злой иронии судьбы, в дальний путь отправился его отец, и от него уже никогда не придет никаких известий. Сесар Арана умер, не имея весточек от сына уже несколько лет; он так ничего и не узнал о новом американском писателе по имени Карлос Кастанеда и о бестселлерах, посвященных волшебнику дону Хуану, который принял на себя бремя родительской заботы о Карлосе, освободив от этой ноши дона Сезара.

Что происходило в период между иммиграцией Араны в Сан-Франциско в 1951 году и возникновением Карлоса Кастанеды в Лос-Анжелесе в 1955 году, остается полной тайной. Совершенно неизвестно, где он жил и чем занимался. В своих предыдущих работах я уже описывал некоторые предположения о его вероятных видах деятельности. Водитель такси, поставщик спиртного, рабочий фабрики, счетовод в магазине женского платья, игрок фондовой биржи — эти варианты можно немедленно исключить, поскольку о них рассказывал сам Кастанеда. В «Путешествии Кастанеды-» я предположил, что он был санитаром в доме призрения, поскольку в «Отдельной реальности» приводится продолжительный разговор с дряхлым стариком, жившим в доме для престарелых. Его склонность к авантюрам позволяет предполагать, что его вполне можно было часто встретить в покерных залах Гардены, чуть южнее Лос-Анжелеса. Свидетельства о продаже одеял, пончо и сломанных часов указывают на неплохую подготовку к распространению газетных подписок или продаже пылесосов. Маргарет сказала, что он прекрасно готовил и отлично шил. Однако любимая моя гипотеза возникла, когда две женщины независимо друг от друга сообщили, что он превосходно умел стричь самого себя. Многие парикмахеры умеют это делать, и

лишь редкие не-парикмахеры способны подстричь самих себя. Воображаемый иммигрант, работающий в парикмахерской, способен быстро и в совершенстве изучить английский язык и американский стиль жизни, выслушивая длинные рассказы и постигая местные обычаи, — и при этом довольно прилично зарабатывать себе на жизнь. Поиски по записям о трудовой занятости вполне могли бы обнаружить парикмахера по имени Сезар Арана, или Карлос Аранха, или даже Сальвадор Кастанеда, чей портрет, приведенный во второй части этой книги, может быть узнан одним из его коллег-парикмахеров.

В декабре 1955 года дочь испаноязычной швеи, одевавшей Маргарет Руньян, принесла на квартиру Маргарет два новых платья. Она явилась в сопровождении молодого человека, которого Маргарет посчитала очень привлекательным. В свой следующий визит к портнихе Маргарет оставила для него экземпляр «Поиска» Невилла Гаддарда, книги на метафизическую тематику, в которой она пометила свое имя и номер телефона. Через полгода он позвонил ей.

— Со 2 июня 1956 года по 1966 год, когда я уехала из Калифорнии, мы виделись ежедневно, — рассказала мне Маргарет.

— *Каждый* день? — переспросил я.

— Ну, может и не *каждый* день, но я не припомню, чтобы мы разлучались на более или менее продолжительный срок.

Конечно, память играет с нами самые странные шутки, но если бы Кастанеда отправлялся вместе с Карлосом в путешествия в пустыню к дону Хуану, Маргарет наверняка бы обратила внимание на его отсутствие.

— Вы беседовали о мистицизме и метафизике? — спросил я.

— Мы только на эти темы и разговаривали, — ответила Маргарет.

Подразумевается, пожалуй, что говорила в основном она, а он слушал. Кастанеда вскоре заявит, что у него никогда не было особого интереса к мистике и метафизике. Почему же он практически каждый день в течение десяти лет навещал женщину, чье первое свидание было назначено с помощью метафизического тома и которая постоянно говорила о подобных вещах? Они любили смотреть фильмы Ингмара Бергмана, а потом обсуждали их.

— Смотрели ли вы «Седьмую печать»? — спросил я.

— Об этом фильме мы говорили больше, чем о любом другом, — ответила Маргарет.

Когда Сэм Кин отметил, что дон Хуан, как эхо, повторяет идею Платона о том, что философ должен постигать смерть, Кастанеда выиграл схватку, уточнив, что дон Хуан добавляет «странную деталь», описывая смерть «как физическое присутствие, которое можно ощутить и увидеть». В «Седьмой печати» удивительно похожая на Дуайта Эйзенхауэра Смерть играет с главным героем в шахматы.

— *А как насчет «Лесной земляники»?* —

— Этот фильм нам тоже очень понравился, — сказала Маргарет.

В «Лесной землянике» к старику приходит видение прекрасной и печальной юной матери, встречающейся с незнакомцем среди деревьев горной долины — точная копия неприличного поведения, приписанного без сомнения нравственно безупречной Сусане де Арана.

Я рассказал Маргарет о китайско-корейской пуле, кастрировавшей Карлоса.

— Это преувеличение, — сказала она. — Хотя у него действительно есть большой шрам в нижней части живота.

— Как он возник?

— Карлос сказал, что его подвесили за ноги и пытали. Я уже была сыта всякими его историями, так что даже не поинтересовалась, кто это сделал?

Маргарет не столько влюбилась в Кастанеду, сколько попала под власть его необычности. Его внешность была экзотична, его загадочность интриговала, истории восхищали, стихи завораживали, а рисунки впечатляли. Однажды он преподнес ей прелестную скульптурку, изображавшую беременную женщину. По его настоянию Маргарет поступила в Лос-Анжелес Сити Колледж, где он изучал творческое сочинительство у преподавателя по имени Вернон Кинг, который впоследствии получит экземпляр *«Учения дона Хуана»* с дарственной надписью: «Великому учителю... от одного из учеников, Карлоса Кастанеды».

«Нас связывали стремление и любовь к знаниям, — пишет Маргарет. — Наш брак был духовным — и несмотря на развод, мы остаемся духовными супругами». Этот духовный брак испытал несколько серьезных потрясений. Они поженились в Тихуане 27 января 1960 года — через четыре года знакомства и дружбы. Еще через шесть месяцев Кастанеда покинул дом Маргарет. Это объяснялось тем, что он познакомился с доном Хуаном и в целях обучения должен проводить с ним целые недели; такой напряженный режим, впрочем, не помешал Кастанеде видеться с Маргарет «ежедневно». Раздельная жизнь продолжалась 13 лет; в 1973 году Маргарет подала на развод.

Кастанеда уделял много внимания сыну Маргарет и в конце концов настоял на его усыновлении. Перед усыновлением Маргарет на некоторое время переселилась в Западную Вирджинию, чтобы позаботиться о наследственном бизнесе. Кастанеда был чрезвычайно опечален этой разлукой, благодаря чему появились многочисленные истории о потере его маленького мальчика. Хотя Маргарет всегда хватало собственных средств, после своего успеха на литературном поприще Кастанеда вложил деньги в ее телефонную службу и время от времени предоставлял материальную поддержку ребенку. Когда она продала свое агентство, Кастанеда даже не потребовал деньги назад. Таким образом, было бы несправедливым сказать, что он отказывался заботиться о семье. Когда он хотел помочь, он помогал. Проблема заключалась только в том, что никто не знал, когда ему этого захочется. Единственной вещью, на которую можно было твердо полагаться в отношениях с ним, был тот факт, что на него совершенно нельзя было полагаться. Он обещал приехать, но не приезжал. Он появлялся, когда его совсем не ждали. Как только вы привыкали к его присутствию, он испарялся. Если чек был отправлен почтой, он обязательно терялся. Если что-то планировалось, это непременно срывалось, дон Хуан называет подобные приемы прерыванием привычек жизни и рекомендует в качестве магической техники, хотя обычные люди рассматривают это как небрежную безответственность и считают антисоциальным поведением. Мир магов и мир социума действительно подчиняются разным законам.

Друзья Кастанеды обычно не встречались и часто даже не подозревали о существовании друг друга. Каждый считал себя его единственным и лучшим другом. Иногда их даже настраивали друг против друга. Когда я впервые встретился с Маргарет, я составил список людей, которых считал сыгравшими роль в его научной карьере, и расспросил Маргарет о каждом из них. Она ничего не слышала ни об одном человеке из списка. У них двоих было очень мало общих друзей, и она никогда не встречалась ни с одним из его приятелей по университету. Когда маленький мальчик подрос, Кастанеда посоветовал ему ни в коем случае не обращаться к матери, если ему понадобится помощь с учебой в колледже. «Для меня твоя мать не существует», — сказал он. Мальчик обратился за советом к матери, и мгновенно лишился денег от отца. Наверное, это звучит более причудливо, чем могло произойти на самом деле, ибо я подозреваю, что сам Кастанеда вряд ли рассчитывал, что мальчик последует его требованию. В любом случае, нарушение правила стало прекрасным извинением за прекращение финансирования учебы. Когда мальчик собирался поступать в колледж в штате Аризона, Кастанеда объявил, что уже подал его документы в Калифорнийский университет в

Лос-Анжелесе. Мальчик предпочел Аризону и был обвинен в отсутствии благодарности и послушания. Кастанеда сказал, что если бы у мальчика был заграничный паспорт, он мог бы отправить его учиться в Англию, но когда паспорт был получен, этот план расстроился. Тем не менее, мальчик вспоминает множество счастливых мгновений своей жизни, связанных с Кастанедой — совместные прогулки, катания на плечах, посещение волшебного круга камней в горах Санта-Моника. Он не припоминает, чтобы когда-либо встречался с доном Хуаном, хотя Кастанеда сказал ему, что они вместе виделись с ним, когда мальчик был еще маленьким.

Каков же результат такого запуганного и непоследовательного отношения к этому малышу? Мальчик стоически утверждает, что может как принять Кастанеду, так и обойтись без него. Я подозреваю, что он не способен ни на то, ни на другое. В статье 38 этой книги я защищал Кастанеду от обвинений в антиобщественном поведении, усомнившись в существовании его невольных жертв, однако я упустил из виду вопрос жен и детей. Несмотря на кротость и очарование этого Обманщика, ему не удалось выиграть ни единого раунда на ринге супруга и родителя. Прочитав слезливые пассажи Кастанеды о маленьком мальчике, Мендес, поэт племени яки, наверняка сказал бы, что Кастанеда продал не только мать, но и своего сына.

«У Карлоса есть дочь», — сказала Маргарет. Я попросил рассказать о ней поподробнее. Судя по всему, девочку зовут Карлоттой. Карлос называет ее Тоти. Ее мать — американка с типично британской фамилией, но Тоти жила с отцом Карлоса в Бразилии. Маргарет видела фотографию очаровательной пятилетней малышки, очень похожей на Карлоса, но с легкими восточными чертами лица. Поскольку она была его сводной сестрой, маленькому мальчику было предложено сделать ей подарок, каковой он и сделал, отправив его по какому-то адресу в Лос-Анжелесе. Ответа не последовало. Карлос не имел связей с матерью очень давно, потому что однажды, неожиданно вернувшись домой, застал ее в постели с незнакомым мужчиной. Архетипы предательства, таким образом, развешаны в его жизни повсюду.

Бразильская Тоти совсем не является той дочерью, о которой говорю я; не является ею и дитя, которое предположительно было оставлено им в Аргентине. Той, кого я имею в виду, является Эсперанса, двадцатитрехлетняя девушка, появившаяся в мае 1975 года в Беркли вместе с Кастанедой, который представил ее как свою дочь. Разумеется, я тут же заподозрил обман. Маг изобретает свой собственный необычный мир, в котором вдруг возникают самые обычные люди, играющие по правилам мага. Двум дамам, связанным с книжным бизнесом в Сакраменто, Кастанеда рассказывает об отце-военном, переезжавшем с места на место, так что у маленького Кастанеды никогда не было настоящего дома. Маргарет он говорит, что его свадьба с девушкой-цыганкой сопровождалась кровавым ритуалом. Подобные истории очень трудно проверить, впрочем, от слушателей и не требовалось им сопереживать; однако другие рассказы могли превратиться в реальной жизни в настоящие ловушки для слушателей. Кастанеда получил свою ученую степень доктора за беседы с доном Хуаном, и когда *«Путешествия Кастанеды»* заявили, что дон Хуан — выдуманный персонаж, администрация Калифорнийского университета оказалась в западне полевых заметок Карлоса. В феврале 1973 года Кастанеда встретился в Нью-Йорке с Маргарет, и они вместе поселились в отеле «Дрейк». Всю ночь он разговаривал по телефону с какими-то людьми в Сан-Франциско и — разумеется! — в «Мексике». Ожидавшая от него внимательности и ласки Маргарет была разочарована и чувствовала себя довольно глупо. На следующий день она переехала в другую гостиницу, посвятила несколько дней посещению магазинов с приятельницей, а потом отправилась домой в Западную Вирджинию. В следующий раз, когда Кастанеда позвонил ей, она упрекнула его в странном поведении в Нью-Йорке. Он сказал, что не понимает, о чем она говорит. Она описала его холодность в отеле. Он сказал, что не видел ее уже несколько месяцев и уж наверняка не останавливался вместе с ней в нью-йоркском отеле. Маргарет попала в западню. Она не могла поверить в то, что он может так себя вести. Физическая отдаленность не мешала им всегда оставаться духовно близкими. Она никогда не чувствовала его таким далеким, как в вот раз.

На следующий год, когда были изданы *«Сказки о силе»*, Маргарет начала понимать, что произошло в Нью-Йорке. Оказалось, что у магов есть двойники. Правда, маги не знают, где они находятся и чем занимаются. Более того, магу очень опасно узнать об этом; если он встретится со своим двойником,

то может умереть. Маргарет не хотела, чтобы Кастанеда умер, и посему простила ему как прохладное отношение его двойника, так и незнание того, как этот двойник с ней обошелся. В ее ночных кошмарах он приказывал грибам забираться в гробы; грибочки выглядели точно такими, какие были вышиты на блузке Маргарет, в которой она была тогда в отеле «Дрейк», но к тому же у них были огромные черные глаза, словно дыры. Маргарет довольно долго выбиралась из этой западни. Она описывает испытанное так:

Меня волновала моя жизнь с Карлосом и беспокоило осознание того, что спустя двадцать пять лет я все еще знаю о многих вещах в нем не больше, чем любой читатель его книг. Я провела с ним больше времени, чем с каким-либо еще человеком в моей жизни. В течение многих лет не было ни единого дня, когда бы мы не виделись. Тем не менее он остается для меня такой же загадкой, как и для всех остальных. Иногда я спрашиваю себя, действительно ли я провела с ним все эти годы? Символизм его книг мне вполне ясен, и я встречалась с ним много раз после опубликования его первой книги, но он ни разу не обсуждал ни одну из них со мной. Его книги — диалоги, которые он ведет сам с собой.

В ловушки Кастанеды попадали не только жены-перепелки и дети-кролики. Когда он поймал в них несколько молодых львиц, охота обернулась взаимной, а вся история — достаточно смешной. Весной 1972 года, за четыре года до того, как Карлос услышал о них от доньи Соледад, Кастанеда рассказывает о «четырех ветрах» на встрече со студентами Ирвина. Дон Хуан говорил, что маг проходит свое решающее испытание, отправляясь в определенное место Мексики и сражаясь со своим союзником. Поскольку это столкновение и опасно, и ужасно, магу стоит взять с собой команду помощников — четырех преданных женщин, которые окружают его в направлениях четырех сторон света и примут на себя тяжесть натиска союзника, добровольно жертвуя собой во имя совершенствования мага. (Если бы меня слышала Мария-Луиза фон Франц, она бы наверняка подумала, что Кастанеда слишком уж беззастенчиво использует заботящихся о нем женщин, заставляя их сражаться за него с демоническими силами, хотя это нужно ему одному.)

Маг не может выбрать этих четырех женщин-ветров произвольно — они должны прийти к нему по собственному желанию. Карлос нашел один ветер, но дон Хуан сказал, что она слишком зависима от Карлоса и недостаточно сильна, чтобы противостоять его союзнику. Еще более обаятельный, чем Карлос, Паблито нашел три ветра — хотя, разумеется, привлекательность для ветров относится не к вопросам секса, а к накопленной силе. Несмотря на ужасную опасность, ходят слухи, что Карлос собрал лишь двух ветров. Я считаю все это лишь выдумкой, так как один из его ветров написал мне письмо.

Рамона Дю Вент — индейка с равнин и ученица шамана, преподающего в крупном университете. Во время выступлений Кастанеды в Ирвине она и ее подруга Марджори Дилл были студентками-выпускницами. Обе как раз проходили стадию интереса к оккультизму и были совершенно покорены открытиями Кастанеды в области шаманских познаний в магии. Дю Вент с удивлением обнаружила в них сходство с дзэн и работами Фредерика Перлса — элементы, которых она никогда раньше не замечала в исконных индейских традициях «Как же я могу такое упустить?» — спросила она себя.

Дилл получила от Кастанеды особые инструкции. Она представила ему Дю Вент и они втроем отправились обедать. Дю Вент очень быстро произвела на Кастанеду впечатление прекрасного кандидата в магические сферы. Он договорился с ней еще об одном обеде, но, по своему обычаю, не явился на него. Дилл защищала его перед Дю Вент, объясняя, что у него масса забот, гораздо более важных, чем свидания с кандидатками в ученицы. Вскоре, однако, Дилл сообщила Дю Вент, что они вдвоем были избраны ветрами Карлоса. Дю Вент была счастлива узнать, что стала такой избранницей, поскольку посвящение в качестве ветра сразу даровало бы ей высокий статус в магии, который иначе можно было бы обрести лишь долгими и упорными упражнениями. По крайней мере, она узнает, является Кастанеда настоящим магом или всего лишь обманщиком. Дю Вент очень надеялась на первое, поскольку учеба в университете к тому времени изрядно ей надоела.

Чтобы подготовить Дилл к посвящению, Кастанеда поставил перед ней задачу видения, привел ее на

место силы в Малибу, выстроил там шалашик и оставил ее там медитировать. Он сказал, что она должна оборвать свои связи с друзьями, на которые только бессмысленно тратится время, избавиться от собаки, которой тоже уделяется слишком много внимания, и воздерживаться от секса с кем-либо, кто не является магом или, по крайней мере, учеником мага. Он сказал, что беспорядочные половые связи растративают силу мага. Дю Вент это показалось не очень-то индейской идеей, но в бой она вступила, услышав о необходимости расстаться с собакой, поскольку у нее их было три. Она потребовала доказательств недопустимости собак, описанных в полевых журналах Карлоса, но он тогда жил в прицепе грузовика, мылся в душевых ближайшего гимнастического зала и оставил все свои записи в Лос-Анжелесе. Дилл хотела узнать, когда именно произойдет посвящение. Кастанеда сказал, что выяснит это в Мексике, после того, как они с доном Хуаном закончат последние приготовления.

На следующей встрече Кастанеда сказал, что *курил* их обеих вместе с доном Хуаном, который *увидел*, что они подходят в качестве ветров, однако момент посвящения в подробности и срок самого ритуала инициации еще не определился. Ветерками начало овладевать раздражение. Кастанеда признался, что предстоящее до безумия пугает его и что он сам не знает, сможет ли решиться на все это. Ветры начали успокаивать его. Примерно неделю спустя он рассказал, что только что вернулся из Мексики и что дон Хуан приказал приступить к посвящению ветров без промедления, пока имеют силу благоприятствующие этому знаки. Ветры сказали, что ко всему готовы. Кастанеда пришел в возбуждение. Ветры спросили, что с ним. Кастанеда сказал, что ритуал оказался еще более ужасным, чем он ожидал. Ветры спросили, что именно в нем такого ужасного. Кастанеда сказал, что он включает ритуальные совокупления. Дилл спросила, когда это должно произойти. Дю Вент подумала: «Почему бы и нет? — Мне это никак не повредит, но я либо сразу же стану шаманом, либо покончу со всем этим».

Дилл спросила, означает ли это групповой секс? Кастанеда сказал, что, конечно, нет и инициация будет проходить с каждой по отдельности, в том порядке, в каком он нашел их, то есть первой будет Дилл, а второй — Дю Вент. Дилл сказала: «Я готова», Дю Вент: «А у меня будет время подумать». Кастанеда сказал, что после этой новости вся его решительность исчезла. Дилл ответила, что как раз в этом нет ничего особо страшного. В один прекрасный день он позвонил ей и сказал, что время пришло. Дилл спрятала своего пса в задней комнате. Кастанеда нерешительно вошел. Дилл попыталась привести его в чувства. Он сказал, что чувствует, что что-то не так. Она сказала: «Ну, давай, проинициируй меня». В этот момент собака залаяла. Кастанеда с упреком посмотрел на Дилл и заявил, что ей никогда не пройти посвящения, если она не будет соблюдать простейшие правила магии. После этого он вышел. Дилл была просто в бешенстве.

В следующую встречу она издевалась над противоречиями его замечаний. Он сказал, что многие люди проявляют к нему чрезмерную требовательность. «Ты не поверишь, но позавчера в мой офис ввалилась толпа хиппи. Они привели девушку в белом одеянии, с цветами в волосах, и хотели, чтобы я сорвал цветок ее девственности». Дилл заявила, что нет никаких доказательств подлинности ни одной его истории и она считает, что он их просто выдумал, включая и самого дона Хуана. С этой минуты ей необходимы доказательства каждого его слова. И с той поры она никогда его не видела. Он испарился.

«Почему же он не провел обряд посвящения? — спросил я Дю Вент. — Мне он не казался особо трудным».

«Марджори слишком энергична, — ответила Дю Вент. — Я думаю, его интересуют более пассивные женщины». Возможно, это так и есть, однако нам следует вспомнить, что привлечение ветров не подразумевает сексуального подхода — это вопрос накопления силы. Мне кажется, Кастанеда проверял, достаточно ли силы накопил он, пытаясь заставить двух разумных и трезвомыслящих женщин, с которыми у него не было любовных отношений, поверить в эту абсурдную историю и выполнить его самые нелепые требования.

Кастанеда поступил в Калифорнийский университет в Лос-Анжелесе в 1959 году, в тот же год, когда

стал гражданином США. Свою докторскую степень он получил в 1973 году. За исключением его романа-диссертации и одной статьи, прочитанной на профессиональной конференции, у него не было никаких научных публикаций. Если не считать непродолжительной работы помощником преподавателя в университете Лос-Анжелеса, его единственной преподавательской деятельностью был трехмесячный курс лекций в университете в Ирвине весной 1972 года. Можно вполне обоснованно утверждать, что в 1972 году сочинительство стало его единственным занятием и это стало его карьерой на всю оставшуюся жизнь. Поскольку его литературная деятельность совмещает сочинительство и фальсификацию, его герой несколько напоминает о двух других достаточно известных мистификациях, которые, как я подозреваю, он старательно изучил. Вышедшая в 1959 году книга *«Великий самозванец»* могла научить его, как следует избегать возможных ловушек, а образцами для подражания могли стать материалы статей о романисте Б.Трэйвене. Кроме того, довольно популярная в 1959 году среди студентов-антропологов книга Вейнера *«Незаметный подлог»* показала, каких успехов способны достигать целеустремленные научные фальсификаторы. Четырнадцать лет безукоризненного исполнения роли, которую Кастанеда играл в Калифорнийском университете, являются серьезным возражением против идеи о том, что его нечаянно затянуло в мошенничество с доном Хуаном. Я уверен, что уже к 1960 году он прекрасно осознавал, что собирается сделать, и выстроил четкий стратегический план, требовавший лишь тактических поправок по ходу дела.

Решающим отличием Кастанеды от Б.Трэйвена является то, что Трэйвен признавал свои приключенческие истории художественной литературой, тогда как Кастанеда стал называть свои сказки о феях отчетами о полевых наблюдениях. Тем не менее у них много общего. Оба использовали псевдонимы и стирали свои личные истории; жизнь Кастанеды еще вполне возможно восстановить в подлинном свете, но в отношении Трэйвена это вряд ли когда-либо удастся. Оба избегали фотокамер, имели неясные брачные связи и неопределенные места жительства, чрезвычайно много читали, и прочитанное оказывало большое влияние на их творчество. Каждому из них пришлось тяжело трудиться, чтобы из неизвестного писателя превратиться в автора бестселлеров. Оба писали как на английском, так и на иностранном языке, что вызвало значительную путаницу различающихся версий их произведений. Оба создавали стремительные сериалы, правда, Трэйвен был более плодовит и скор, чем Кастанеда. Оба писали о Мексике и смешивали индейские и европейские культурные традиции. Каждый сталкивался с кинорежиссерами; Трэйвен — с Джоном Хастоном, экранизовавшим *«Сокровища Сьерра-Мадре»*, а Кастанеда — со Стерлингом Силлифантом, который хотел снять фильм по *«Учению дона Хуана»*. Английский язык у обоих отмечен странностями стиля иностранцев, что иногда приводит к непредумышленному юмору; Трэйвен был старше и писал смешнее, чем Кастанеда: «заткни челюсти», «дать в почки», «что за тысячу чертей ты делаешь?». Кастанеда был хитрым и уклончивым уже в Перу, поэтому очевидно, что он не унаследовал эти черты от Трэйвена, но сам пример Трэйвена мог вдохновить его.

Фердинанд Демара пытался подвизаться на многих поприщах: школьный учитель, монах, тюремщик, декан колледжа и морской хирург. Он не закончил даже среднюю школу, но подделывал свои документы об образовании, вступал в конфликт с законом, и каждый раз (по крайней мере, насколько это известно) его разоблачали и изгоняли с позором. Единственным, чего он добился, стала известность. О нем написали книгу, и сняли фильм по мотивам его жизни. Любому молодому начинающему мистификатору просто необходимо прочитать о Демаре, у которого можно научиться множеству трюков и приобрести опыт его разнообразных ошибок. Одной из основных ошибок были попытки заняться деятельностью, для которой у него не хватало мастерства. Другой — то, что он не смог стать самому себе хозяином. Третьей — нарушения закона. Кастанеда удачно избежал подобных оплошностей. Он стал самостоятельным автором и ведущим в мире специалистом по этнометодологической аллегории, к которой невозможно применить никакое законодательство. Ниже приведены несколько строк из *«Великого самозванца»* Роберта Кричтона, которые вполне могли послужить одним из руководств к действию для Кастанеды:

Чтобы преуспеть, любому самозванцу необходимо побыстрее понять и полностью положиться на то, что бремя доказательств всегда ложится на обвинителя [стр. 66]. «Я стану величайшим лжецом. Я никому никогда не скажу ни слова правды — и тогда все мои

отдельные выдумки обретут единство, структурную целостность и станут звучать более похожими на правду, чем сама правда», [стр. 142] «Я называю это законом мимолетности Демары, или невидимым прошлым», [стр. 86] Чем сильнее в это вовлечены какие-либо организации, тем больше им приходится волноваться об общественном мнении в случае обнаружения обмана. На самом деле, первым о случившемся забывает общественное мнение, [стр. 167]

Изучал ли Кастанеда *«Великого самозванца»*? Думаю, что да. Ниже следуют три пары цитат; мне кажется, что эти места он извлек из книги Кричтона и переделал на свой лад:

«Я испорчен... Каждая частичка моего тела... Я прогнил насквозь... Я совершенно низкий человек». [Демара] «Я уже понял, что ты считаешь себя испорченным... думаешь, что ты низкий, уродливый и ненормальный». [Дон Хуан]

В школе его поведение отпугивало других детей, и они держались в стороне от него. [Кричтон] Взрослея, ему пришлось соперничать с двадцатью двумя братьями и сестрами, и он сражался с ними, пока они не оставили его в покое. [Крэйвене]

Он считал себя бесцельным и неспособным управлять и направлять течение своей жизни — его, словно листок, нес ветер событий. [Кричтон] «Ты чувствуешь себя, как желтый лист, кружащийся по прихоти ветра...» [Дон Хуан]

Демара страдал от скуки и непрерывно стремился к новым удовольствиям. Дон Хуан посоветовал Карлосу избавиться от скуки уверенности и перейти к наслаждению неопределенностью. Демара охотился за властью, выискивая слабости в организационных структурах; Карлос охотился на метафизическую силу в пустыне дона Хуана; Кастанеда — на силу общественного мнения в университете. Демара, казалось, всегда посмеивается над своими жертвами, в одиночестве наслаждаясь своим большим секретом; у Кастанеды было «сардоническое чувство юмора, очень похожее на юмор дона Хуана», говорит Майкл Харнер; «он насмехался над каждым, с кем сталкивался», добавляет Альберта Гринфилд. «Мы, самозванцы, — необъяснимые люди», — гордо заявлял Демара, а Кастанеда говорил, что его реальная жизнь еще более странная, чем кажется со стороны. «Это — не рядовой аферист», — писал Роберт Кричтон о Демаре; по словам антрополога Жака Менье, Кастанеда — «блистательный аферист».

В 1978 году предметом международного литературного обсуждения стал австралийский поэт-абориген Б. Уонгар — приставка «Б», возможно, пародирует имя «Б. Трэйвен». Уонгар (этот псевдоним означает «мечтатель») был сыном аборигенки и европейца и учился в Европе. Его книга *«По следам Бралгу»* состоит из двенадцати фантастических рассказов о конфликте между аборигенами, пытающимися сохранить свои земли, и европейцами, которые эти земли разрабатывают. Эти истории были приветственно приняты в Австралии, Великобритании и США как первоклассные произведения литературы, написанные человеком, обитающим в мифологической среде коренных австралийских племен, которому вследствие этого не приходилось ее каким-либо образом интерпретировать или искажать; его творения впервые показали миру, каково это — *быть аборигеном*. Ни один европейский автор не смог бы даже претендовать на подобное описание изнутри.

Не напоминает ли это чего-то знакомого? Того, кто склонен к критичности, вряд ли поразит то, что нашелся лишь единственный человек, заявляющий, что лично знаком с Уонгаром, — югославский эмигрант, антрополог и писатель Стретен Божик, живущий в Мельбурне; он говорит, что познакомился с Уонгаром в Париже. Божик — единственный белый человек, связывающий Уонгара с внешним миром. Более того, Божик является агентом, редактором и спонсором Уонгара. Он подписывает за него контракты, оплачивает его счета и, когда это необходимо, вносит поправки в рассказы Уонгара. Разумеется, это случается крайне редко, потому что Уонгар — прекрасный писатель, заслуживший гораздо больше литературных премий, чем Божик, у которого их лишь несколько. Когда его попросили вывести Уонгара в свет, Божик заявил, что этого загадочного

писателя нужно защищать от сетей бюрократии, от горнодобывающих компаний и от мести соплеменников, возмущенных тем, что он выдал секреты их племени. Когда его спросили, не он ли на самом деле является Уонгаром, Божик ответил: «Вы поставили меня в очень сложное положение. Наши пути просто пересеклись, но это иная личность и другой писатель». Не другое *лицо*, но другая *личность*. Выявление ее как принадлежащей Божiku «могло повредить работе Уонгара», поэтому литературные агенты согласились на дальнейшее сокрытие личности Уонгара.

Относительно очевидной поддельности Уонгара меня интересовали две вещи: вопрос его происхождения и реакция его поклонников. Австралийский романист и любитель Уонгара Том Кенилли заявил, что если Божик — Уонгар, то он, по каким-то мистическим причинам, оказался скорее аборигеном, чем белым. Лондонский издатель Уонгара сказал, что если книга «*По следам Бралгу*» написана не Уонгаром, то «ее автор в определенном смысле гений». Джозеф Чилтон Пирс сказал, что если дон Хуан — литературный вымысел, то Кастанеда просто гениален. Вокруг литературных подделок почему-то всегда появляются рассуждения о «гениальности», которые никогда не возникают по отношению к признанным работам художественной литературы, исполненным на том же уровне мастерства и глубины проникновения. Почему же? Неужели гениальность неизбежно подразумевает ложь? Или такие суждения исходят от тех людей, которые считают, что обмануть их способен лишь гений?

Люди со сходными стилями работы часто подражают друг другу? Мог ли Кастанеда подражать Божiku? Очевидно, последний возник слишком поздно по времени, так, быть может, произошло обратное? Мог ли Божик имитировать Кастанеду? Я задал этот вопрос аспирантам Мельбурнского университета. Если Божик сам получил литературное признание, то зачем ему понадобился Уонгар? Каковы вообще мотивы фальсификаторов? И в частности, каковы мотивы обмана с доном Хуаном? Превратив свою жизнь в аллегорию, Кастанеда рассказал нам о ней очень многое, хотя не каждый сообразил, о чем именно он пишет. Журнал «*Тайм*», к примеру, так и не смог найти побудительных причин аферы с доном Хуаном. Живет себе несколько странный студент, достаточно разумный, чтобы добиться докторской степени обычным способом, который зачем-то тратит на это в два раза больше времени и которому приходится написать три бестселлера, чтобы добиться ученой степени совершенно необычным путем, пребывая все это время под угрозой разоблачения и полного краха. Для «*Тайм*» это совершенно бессмысленно. Что ж, это действительно не имеет смысла, если считать, что мистификаторы нацелены исключительно на научное признание или большие деньги; но чаще всего их целью является то возбуждение, которое они ощущают, когда доказывают себе свое превосходство над остальными, обманывая их. Не-мистификаторам довольно сложно это понять. Джойс Кэрл Оутс, писавший о мистицизме, был убежден, что Кастанеда действительно испытал *некий* мистический опыт, потому что «мистический опыт невозможно симулировать». Вряд ли это справедливо. Бхарати написал целую книгу о подлинной и фальшивой мистике. Весь путь от мадам Блаватской до Йога Рамачараки и Лобсанга Рампы наполнен симулянтами. Оутс имеет в виду лишь то, что такие люди, как *Оутс*, неспособны подделать мистический опыт, но люди, подобные Оутсу, не объявляют о существовании троих сыновей в возрасте восьми лет, не продают сломанные часы, а их двойники не регистрируются в гостиницах. «Я не хочу быть профессором», — сказал Кастанеда под конец обучения в аспирантуре. «Я люблю писать, но не могу представить себя ученым или мыслителем-интеллектуалом». Фальсификация и рассказывания историй — призвания Кастанеды. Мистическая псевдоантропология была средством свести эти два призвания воедино; теперь в ней уже нет необходимости.

Романист Рональд Сукеник не верит, что Кастанеда — автор художественных произведений, потому что Карлос-Ученый представляется слишком лишенным воображения и потому что истории Кастанеды о доне Хуане обладают «ароматом накопленного опыта, а не воображения». Сукеник сравнивал Кастанеду с другими известными ему писателями, которые не пребывали в своих историях *непрерывно*, соответственно, их произведения нельзя было назвать ядром всей их жизни. Окружение собственных героев было необходимо Кастанеде гораздо больше, чем обычным писателям, потому что это его единственные близкие и доверительные друзья. И перед остальными литераторами у него действительно есть некоторое преимущество, потому что он смело может заявить, что все его персонажи описывают реальных людей его жизни.

Искусство дона Хуана, как сказал Кастанеда, заключается в «метафорическом образе его жизни». Это неплохо звучит, но вряд ли является правдой. Образ жизни дона Хуан не метафорический, а буквальный. В мире дона Хуана вещи таковы, каковы они есть; ничто не принимается за что-то другое; в нем нет ни символов, ни метафор. Животные разговаривают, люди летают, растениям нравится, когда их срывают с уважением. Подобные события не нуждаются в интерпретациях или объяснениях, их следует просто излагать. Если кто-то и живет в метафорическом мире, то это Кастанеда, постоянно выстраивающий отдельную реальность, преднамеренно превращая общепринятые явления в необычные — перемещаясь в Мексику в мгновение ока, рассказывая что он *сейчас* в Мексике, когда встретился с вами на улице Лос-Анжелеса, приглашая вас в путешествие в Сонору, чтобы познакомиться с доном Хуаном, напоминая о том, что вы уже встречались с ним, когда были маленьким. От безумия эта метафоричность отличается тем, что Кастанеда прекрасно понимает, какая реальность реальна, а какая — необычна, хотя окружающие могут в них запутаться. В противоположность ему, дон Хуан никогда не притворяется. «Его внутреннее напряжение всегда превышало внешние проявления в действиях; это было какое-то глубочайшее состояние убежденности», дон Хуан представляет собой такую подлинную и искреннюю личность, какой мог бы стать Кастанеда, если бы отдельная реальность была чем-то большим, чем воображение, а дон Сезар проявлял к нему больше уважения. Дон Хуан способен легко покинуть этот злой мир — в котором наши друзья являются «черными магами», пытающимися поработить нас, — и перейти в мир поприятнее; у него не было никакой необходимости сочинять об этом истории. «Он живет в волшебном времени, и лишь иногда возвращается в наше обычное время. Я пребываю в обычном времени, и лишь изредка погружаюсь в магическое». Счастливчик дон Хуан — и несчастный Кастанеда... Во «*Втором кольце силы*» Кастанеда сражается с целью превратить «туманные метафоры в реальные возможности». У него это не получилось. Результатом стали скверные истории, потеря читателей и тщетность усилий.

Когда Арана не получил того, чего желал, от родителей, учителей, церкви и Бога, Кастанеда решил поквитаться за это. Раз Сусана де Арана эмоционально покинула сына, когда ему было шесть лет, то мать Карлоса должна была стать морально уродливой, а Кастанеда обязан был отомстить каждой женщине, которая попыталась бы полюбить его. Поскольку Сезар Арана был отдаленным и равнодушным к сыну, отец Карлоса должен был стать скучным и слабовольным. Если школы Кахамарки казались мальчику-фантазеру тюрьмой, то взрослый мужчина должен называть учителей педантами и устроить диверсию в науке. Так как Церковь предлагала ему только бессмысленные ритуалы, Карлосу необходимо было вообразить, что она рушится. Если Бог для него был лишь еще одним далеким и строгим отцом, то дон Хуан должен был заменить его внеморальным, безличным и доступным *нагвалем*.

Повстанческий дух наполняет человека энергией, но ее трудно сдерживать. Когда это не удастся, следует опасаться депрессии и отвращения к себе. Карлос признался, что он никогда никого не уважал и не любил, даже самого себя, но он всегда чувствовал себя злым от рождения. (Судя по всему, у его матери вполне могли быть причины покинуть его.) Дон Хуан соглашается: «Ты совсем себя не любишь». Чтобы нейтрализовать привычное мнение Карлоса — он «уродливый, испорченный и ненормальный», — дон Хуан приказывает ему воображать противоположное и таким образом убедиться, что ложными являются оба представления. Но если любое мнение о самом себе ложно, как человек может быть уверен, что он заслуживал той любви, которую у него отобрали? Таким образом, депрессии нужно нанести смертельный удар, постоянно поддерживая в себе настроение воина: «Я могу любить своих приятелей [вполне можно добавить: и самого себя], только тогда, когда я наполнен жизненными силами и не подвержен депрессии».

Скука, симптом депрессии, является извечным врагом Кастанеды. Чтобы отогнать ее, он разыскивает источники возбуждения. Шумные вечеринки и празднества приедаются очень быстро, зато неизменный источник острых ощущений всегда под рукой. «Ты хочешь сохранить в том, что делаешь, свежесть и новизну, — объясняет дон Хуан. — Ты лжешь, чтобы продолжать движение». По словам дона Хуана, достоверная информация тосклива, а ненадежная — интересна. Как наркоман делает центром своей жизни героин, так человек, испытывающий душевные страдания и

получающий облегчение, когда лжет, выстраивает свою жизнь на основе лжи. Каждый из нас — раб своих привычек. Кастанеда находит свое величайшее отдохновение в жизни Карлоса. Карлос — человек особенный, избранный, он безупречный воин, он человек знания. Он демонстрирует свою храбрость, попав под перекрестный огонь. Он безропотно выносит любые умственные и физические испытания, никогда не умоляя о снисхождении. Он твердо движется к лучшему миру. Эти идеи вновь и вновь возникают в книгах о доне Хуане, но написания книг Кастанеде недостаточно. Фантазиями необходимо делиться лицом к лицу, как это случилось с Марией Каруапомой. В ноябре 1970 года повествования Кастанеды, к примеру, дон Хуан инструктирует Карлоса о том, как напугать маленького мальчика, который плохо себя ведет. В ноябре 1970 года обычного календаря Кастанеда рассказывает Барбаре Майерхофф, что он уже осуществил над своим маленьким мальчиком магическую версию «напуганного до смерти» в зоопарке Сан-Диего. В 1970 году мальчик жил в Западной Вирджинии; в 1979 году он не смог припомнить, чтобы Кастанеда когда-нибудь водил его в зоопарк. В этом примере мы обнаруживаем расширение правила, сформулированного в статье 39 этой книги: Кастанеда пишет то, о чем только что прочитал. Помимо этого он еще и немедленно пересказывает то, что написал. Читаемое превращается в написанное, а написанное — в рассказываемое. Так в мир фантазий втягиваются обычные люди, придавая ему временную теплоту и остроту.

Критиков тоже можно затянуть в отдельную реальность. За исключением письма Уоссону, мне неизвестны примеры того, чтобы Кастанеда ответил на критику непосредственно и прямо; он отвечает на нее с безопасного расстояния, посредством тайных бесед с самим собой, описываемых в его историях. Через три года после того, как Джозеф Чилтон Пирс, что изоляция является пороком дона Хуана, дон Хуан возражает, утверждая, что воин никогда не одинок, потому что живет в биосфере. Когда дон Хуана упрекнули в поощрении иррационализма, он ответил: «Никто не желает и не стремится к избавлению от рациональности *тоналя*. Но этот страх безоснователен». После того как Вине Делория спросил Кастанеду, почему нет никаких описаний лечения, Ла Горда решила рассказать, что дон Хуан курил грибы не только, чтобы *видеть*, но и чтобы лечить, хотя она немедленно добавляет, что лечение других ослабляет мага, и именно поэтому дон Хуан не упоминал о нем в своем учении. Через тринадцать месяцев после того, как я спросил, где же прятался друг Карлоса Билл, Кастанеда ретроспективно избавляется от него. Через шестнадцать месяцев после того, как Мэри Дуглас поинтересовалась, действительно ли дон Хуан боялся Ла Каталины, дон Хуан ответил, что конечно же, нет; Каталина просто была его сообщником. Стоило Дуглас отметить сходство дон Хуана с Сан-Хуаном де Ла Крусом, как этот святой возникает на переднем плане «Сказок *о силе*». После того как Карлоса-Ученика раскритиковали за использование дон Хуана в своих целях и разглашение его секретов всему миру, Карлос заколебался. «Может быть, я рассказываю им то, что не следовало бы?» — задумывается он. Дон Хуан успокаивает его словами: «Нет никакого значения в том, что рассказывается и что остается скрытым». В своем письме в октябре 1968 года Уоссон утверждает, что воображаемые грибы не могут расти в Соноре или Чиуауа; ответ Кастанеды обнаруживает, что Карлос и дон Хуан ежегодно отправлялись «по грибы» в Оаксаку, а его следующая книга начинается с того, что Карлос (впервые) встречается с доном Хуаном в Оаксаке.

Мир фантазии предлагает массу развлечений и множество удовольствий, хотя и не освобождает от бремени детских разочарований и не подавляет эмоциональных вспышек, выражающих младенческие горести и печали. Многие из мистических техник дон Хуана направлены на удерживание мага от жизненных неприятностей и на его защиту от ощущений собственной несчастья. «Когда я становлюсь свидетелем чего-либо, что способно меня огорчить, — откровенничает дон Хуан, — я просто смещаю глаза и *вижу* это, вместо того чтобы смотреть. Но когда я сталкиваюсь с чем-то смешным, я смотрю и смеюсь». Для подавления эмоциональных взрывов необходим строгий контроль над собой. Карлос останавливает внутреннюю борьбу, следуя суровому пути воина, подчиняя каждый импульс своей воле и упражняясь в безжалостном самовоспитании. «Чтобы стать человеком знания, — говорит дон Хуан, — человек должен быть воином, а не хныкающим ребенком». Непрерывные «индальгирования» Карлоса являются склонностью тесно связывать себя со своими чувствами — той слабостью, которой сочувствует и над которой издевается дон Хуан, заявляя: «Ты индальгуешь, как сукин сын».

Воздержанность Кастанеды выдерживает яростную осаду его чувств путем непрерывной и сложной интеллектуальной деятельности. Возможно, так называемый внутренний диалог является препятствием Карлоса на пути к *видению*, но для Кастанеды это щит от переполнения эмоциями. Пока Карлос упражняется в своем «единственном магическом умении» — записывании, Кастанеда подкрепляет свой сбивчивый аскетический образ жизни обитанием в спартанской обстановке (по крайней мере, до его финансового успеха), никогда не принимает ЛСД, выпивая не больше стакана вина за вечер, поддерживая хорошую физическую форму и признавая, что «чтобы стать великим художником», ему недостает «чувствительности и открытости». «Чувствительность почти не играет роли», — объявляет дон Хуан. Безупречная замена чувств волей — вот что на самом деле важно. В молодости гнев дона Хуана почти уничтожил его, но он сумел одолеть свою ненависть. Карлос, напоминая дону Хуану его самого, перенес свое гневное разочарование с родителей на неудачливого директора средней школы и жалкую шестилетнюю девочку из Бразилии с испанским именем Хоакин; разорвав ошейник детства, Карлос отрекся от какого-либо насилия. Ненависть Кастанеды составила из бесчисленных мелких оскорблений и глупых шуток над своими коллегами, друзьями и семьей.

Хотя Карлос страстно жаждет любви, его, судя по всему, не любит никто. Самым тяжелым чувством никем не любимого человека является беспомощность. «Мы растрчиваем вечность, как беспомощные младенцы», — говорит дон Хуан. Когда Карлос поймал кролика, дон Хуан сказал, что этому кролику пришла пора умереть. Наблюдая за пойманным кроликом, Карлос чувствовал кроликом *себя*. «Этому кролику повезет», — заявляет он. Пытаясь открыть клетку, он сворачивает кролику шею. «Я же сказал тебе, что его время истекло», — прошептал дон Хуан. Точно таким образом взрослый Кастанеда убил маленького Арану, пытаясь освободить его от цепей прошлого. С этого времени и другие жертвы будут находить свой конец в этой ловушке; дон Хуан называет это силой охоты. Карлос использует ловушки и голые руки для охоты на кроликов; Кастанеда использует истории и красивые жесты для охоты на людей. Его обаяние чрезвычайно характерно. Он привлекает своей слабостью, смущением и наивностью. Он умеет льстить, особенно женщинам; скрутив Калифорнийский университет в бараний рог, он тем не менее восхваляет выдающиеся способности Майерхофф, проявляющиеся в борьбе с холодным, пугающим академическим миром: «Я на подобное не способен», — скорбит он, извращая истину ровно настолько, чтобы показать свою беспомощность. Лишь незначительное извращение вещей представляет собой одну из основных его методик: ловец душ становится ловцом духов, недумание превращается в неделание и так далее.

Кастанеда отражает содержание ума своего собеседника. Прочитав где-то о том, что индейцы яки используют дурман для полетов, Майкл Харнер рассказал об этом Кастанеде. Довольно скоро летные уроки с помощью дурмана преподает Карлосу дон Хуан.оборот, типичный для Кастанеды, но когда Харнер начал восхвалять такое совпадение, он не смог найти источника, из которого впервые узнал об этом факте. Обратив внимание на то, что он перечислил 37 прочих источников и лишь упомянул об утверждениях этнографов о том, что индейцы яки не болевают, используя дурман, я обвинил Харнера в сговоре с главным обманщиком. Студент-антрополог Дэвид Кристи упорно требовал от Харнера ссылки на его источник, и Харнер обещал предоставить ее, когда найдет. Ссылка так и не появилась, и Харнер выглядел еще более подозрительно, чем раньше. Наконец, эту ссылку нашел — и прислал мне — Ханс Питер Дуерр из Германии; это оказался туманный, непроверенный и опосредованный слух, опубликованный в Мадриде за шесть лет до полетов Карлоса. Харнер был вызволен из зеркального лабиринта, и с него было снято подозрение в заговоре.

Кастанеда достаточно самоуверен. Он размашисто шагает по узкому лезвию, отделяющему правдоподобное от абсурдного, — заставляя читателя, идущего вслед за ним, крениться в один или другой бок. Почитайте приведенную ниже беседу с Теодором Рожак, которая транслировалась по радио в 1968 году.

Рожак: Мне бы хотелось внести ясность в один момент, который удивил меня, когда я читал [в «Учении дона Хуана»] о вашем личном опыте в использовании трав и грибов и о ваших разговорах с доном Хуаном. Как вам удалось — чисто с технической точки зрения, — как вам

удалось так хорошо запомнить происходившее в тех состояниях, которые занимали столь продолжительное время? Как вам удалось записать все это? [К его чести, Рожак только что наткнулся на одну из самых вопиющих недостоверностей полевых заметок Карлоса, но теперь обратите внимание, как искусно и ловко отвечает на вопрос наш мистификатор — в прямом эфире, в студии радиостанции, без возможности подготовить ответ и воспользоваться услугами монтажа. Я намеренно оставил в тексте все его запинки, чтобы вы могли представить себе звучание его ответа и отметили задержки для обдумывания.]

Кастанеда: Ну, это -э- только представляется сложным -э- поскольку одним из -э- элементов -э- процесса обучения [первая зацепка появляется, и он уже готов продолжать] является воспоминание всего, что ты когда-либо испытывал, с целью как можно более полных воспоминаний о происшедшем... ну, я -э- [Он раздумывает, стоит ли набираться наглости и сделать еще один шаг; в результате он решает рискнуть] мне приходилось делать *умственные* заметки [его ударение] всех этапов, всего, что я видел, -э- всех событий, которые происходили во время этих состояний, скажем, расширенного сознания, или как еще назвать... и -э- потом мне было довольно легко перенести все это на бумагу, -э- поскольку все они были -э-э- тщательно -э-*рассортированы*, что-то вроде этого -э-э-э- у меня в *голове*. [Эта идея приходит ему в голову впервые; выдумка, родившаяся на лету.] То есть -э- я отмечал все это, пока -э- этот опыт -э- протекал сам по себе, но потом во время вопросов и ответов [между Карлосом и доном Хуаном], -э- я просто *записывал* их в блокнот. Во время беседы...

Рожак: О, так вы делали пометки прямо во время беседы...

Кастанеда: Ну, не с самого начала. В начале нашего знакомства я не делал заметок на ходу [он передумал] и записывал только украдкой. [Кастанеда переходит к пространному описанию того, как этнографы делают пометки на блокнотах, укрытых в кармане.]

К этому времени Рожак уже был достаточно отвлечен от своего основного вопроса и от несообразного отвеса Кастанеды о том, что под воздействием наркотиков — которое временами тянулось по три дня — Карлос составлял нечто, именуемое умственными заметками и тщательно упорядочивал их в голове, пока у него не появлялась возможность извлечь их из памяти и перенести в свой блокнот. Рожак похвалил красноречие дона Хуана. Кастанеда согласился, сказав, что дон Хуан «чрезвычайно *творчески* подходит к использованию слов». Он добавил, что ему посчастливилось встретить учителя с такой же, как у него самого, склонностью к артистическим беседам. Тут Кастанеда уже начинает откровенно издеваться над Рожак. «Дон Хуан, — заявляет он, — сделал свою жизнь стратегической игрой. Он извлекает прок из всего, из чего только возможно».

Магнитозапись беседы с Рожак.ом очень ярко демонстрирует мягкую гипнотичность рассуждений Кастанеды. «*Тайм*» назвала его устную речь «месмерической». Он переключается от таинственности к откровенности в мгновение ока. Описывая свои отважные приключения, Кастанеда вызывает восхищение у молодежи. Добрые рассказы о развлечениях с сыном и младшим братом вызывают приятные впечатления у пожилых людей. Интересно, что хотя Кастанеда был старше пятерых из восьми его покровителей в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе, он притворялся, что на три года моложе самого младшего из них; впрочем, какой ученый муж почувствует угрозу со стороны забавного парня, называющего Виттгенштейна «Бикерстейном»? Эмоции разыгрываются Кастанедой чрезвычайно умело; Бракамонте вспоминает, как достоверно Арана умел изображать гнев, когда это было необходимо. Манипулирование применяется по мере необходимости; сам Кастанеда писал: «При необходимости я вполне способен на лесть... на уступки, упрямство и гнев, а если все это не помогает, я начинаю хныкать и жаловаться». Симпатия женщин вызывается рассказами о страданиях, горестях и беспомощности; ему удалось убедить Анаис Нин в том, что то, что она забрала рукопись «*Учения дона Хуана*» в Нью-Йорк, «взволновало» Калифорнийский университет настолько, что ускорило издание книги; этот благородный поступок вызвал столь неправдоподобный результат.

Но самым основным и далеко идущим расчетом Кастанеды является пробуждение присущей всем нам тяги к мифам и волшебству. Подобно спиритисту, передающему понесшему тяжелую утрату родственнику сообщения от усопшего, Кастанеда передает нам добрые вести из идеального мира, который каждый хоть когда-нибудь мечтал посетить, пусть даже только в детстве. «Я не могу описать то волнение, которое охватило меня, когда я читал его рукопись, — рассказывает антрополог Эдмунд Карпентер. — Каждые пять минут мне приходилось откладывать ее и прохаживаться по комнате, чтобы успокоиться». Переноса Карпентера в мир поразительных полевых наблюдений, выстраивая шалаш для Марджори Дилл, показывая Глории Гарвин рисунки сновидящего и снящегося, сделанные доном Хуаном, Кастанеда конструирует антураж своих иллюзий, которые ныне начинают таять, но в то время были захватывающими.

Иметь дело с обычными людьми и в то же время жить в сказочном мире — очень странная и остроумная форма изоляции от общества. Правда, игры с живыми людьми придают ей зловещий оттенок. Самыми частыми куклами становятся женщины, а самыми хрупкими — дети. Перед тем как его унесли неподвластные Кастанеде силы, его маленький мальчик был ему «прежде всего» другом. Это чрезвычайно трогательное проявление тоски, но что это за отец, если он способен рассматривать сына в первую очередь как друга, а уж потом — как ребенка? Превращение своего сына в воображаемого партнера по играм вряд ли означает серьезное отношение к родительскому долгу. Хотя сам Кастанеда настоял на его усыновлении, он не сдержал ни одного своего обещания, данного маленькому мальчику. Человек, неосознанно заставляющий своего сына переживать свое собственное несчастливое детство, обрекает себя на роль разочаровывающего отца.

Женщины в мире Кастанеды требовательны, переменчивы и ненадежны; они «заставляют страдать самыми невероятными способами». Они иногда бывают полезными и приятными, но это никогда не длится долго; их присутствие нельзя выносить сколько-нибудь продолжительное время, и уж определенно, с ними невозможно делить крышу. Они становятся беременными, пухнут от этого, выглядят смехотворно толстыми и получают имя Ла Горда. Когда ребенок рождается, он опустошает родителей. Дети отнимают у родителей их острое, высасывают из них энергию и разрушают иллюзии. Чтобы оставаться свободным и полным, нужно научиться не беспокоиться о них. Дон Хуан рассказал Ла Горде, что у Карлоса был маленький мальчик, которого он очень любил, и дочь, которую он никогда не видел; эти дети и были препятствием на его пути к спасению. Поскольку он «сделал» ребенка женского пола, в Карлосе появилась дыра, и ему нужно было восстановить свою целостность. Методика абсолютно прозрачна. Соледад была счастливой, потому что ее дочь умерла, и мать получила часть себя назад без каких-либо усилий; чтобы заполнить оставшуюся дыру, ей нужно было всего-то убить своего сына Паблито. До тех пор пока она вновь не станет полной, она не сможет войти в мир, в который уходят маги вместо того, чтобы умереть.

В 1976 году повествования Кастанеды Ла Горда говорит, что Карлосу будет очень трудно расстаться со своей «бессмысленной привязанностью» к маленькому мальчику (который, кстати, всегда остается маленьким, несмотря на то, как стремительно текут года), а вот подрастающую дочь Карлоса, которую он ни разу не видел, отстранить очень легко. Однако в календарном 1975 году Кастанеда уже успел представить многим друзьям Эсперансу, называя ее своей дочерью. Когда Рамона Дю Вент рассказала мне об этой смуглой испаноязычной девушке, я подумал, что все началось сначала: какая-то девочка из племени Чикано стала жертвой его очередной проказы и сейчас разыгрывает роль его дочери. Я спросил: «Она из племени Чикано?» — «Нет, она из Перу». Это было уже слишком. Дочь в Перу непременно была бы обнаружена «Тайм», или по крайней мере, журналом «Каретас». «В это трудно поверить», — сказал я. «Можете проверить мои слова. Поговорите с Райтом Деннисоном. Его друг знает эту девушку и ее мать, живущих в Лиме».

Да уж, подумал я, Кастанеда просто неисчерпаем. Если Дю Вент решила, что я поверю в этот абсурд, она просто не знает Пути Белого Автора. В тот же день я долго беседовал с Деннисоном и его другом, Элинором Витт. Вот история, которую они рассказали:

В 1951 году, в бытность студентом Белляс Артес, Карлос Арана познакомился с Долорес, наполовину китайкой, наполовину перуанкой, которая была на несколько лет моложе него.

Совершенно невинная, она была настоящим кладом для юного сердцееда, которого Виктор Делфин будет вспоминать через 23 года как «первоклассного соблазнителя». Когда Арана объявил о своих романтических чувствах, в Долорес всколыхнулись моральные принципы, но после того, как предложил ей руку и сердце, она успокоилась. Вскоре она сообщила ему о предстоящем рождении ребенка. Примерно через месяц после этого Арана покинул страну. Из далекого Лос-Анжелеса он сообщил дражайшей супруге, что собирается учиться в Соединенных Штатах и не вернется в Перу, пока не закончит университет. Зарабатывая более чем достаточно, он не смог изыскать денег, чтобы поддержать Долорес, однако его письма к ней выражали бессмертную любовь и обещали, что очень скоро она сможет к нему присоединиться. Писал он до 1955 года. Поскольку латиноамериканская традиция считает женщину, даже бывшую замужем, неизбежно «попорченной», если ее бросили, то жизнь Долорес была совершенно безрадостной, а ее дочь, Эсперанса, выросла в монастыре. В 1973 году «Тайм» объявил, что один очень популярный североамериканский писатель на самом деле был Карлосом Араной из Перу. Мать и дочь прочитали эту историю, посмотрели на фотографии и поняли, что все это правда.

Так, через 18 лет, нашелся пропавший отец Эсперансы. В мае 1975 года, переполненная надеждами, Эсперанса прилетает в Калифорнию, чтобы воссоединиться с драгоценным папашей. Встреча была счастливой. Он был очарователен, она — чрезвычайно взволнована. Он льстил ей, а она радовалась. Он предложил помощь, она приняла ее. Он заявил, что ей необходимо учиться в колледже в QUA; она ответила, что это было бы просто замечательно. Когда она получила вызов из одного из западноамериканских колледжей, он настоял, чтобы она предпочла более близкий университет в Редлэндз; Эсперанса подчинилась. Он запретил ей рассказывать о нем для средств массовой информации; она дала такое обещание. В промежутке между ликованием и счастьем она поинтересовалась, почему он никогда не испытывал желания ее увидеть. Он запротестовал, уверяя, что *ужасно* хотел ее увидеть, очень-очень сильно, что он только об этом и думал, и на самом деле — может, ей трудно будет в это поверить — он даже однажды приехал в Перу, чтобы повидаться с ней — она тогда была еще совсем ребенком, — и совершенно неожиданно увидел ее и маму гуляющими по рынку, и тогда его захлестнуло страшное чувство вины за то, что он оставил их, и он не смог заставить себя подойти к ним. Тогда он начал красться за ними по рынку, скорбно наблюдая за ними на расстоянии, а потом улетел назад в Лос-Анжелес, потеряв все надежды когда-либо увидеть их вновь. Со слезами на глазах, Эсперанса рассказала отцу, как сильно она его любит; но про себя она подумала, что ее отец — довольно странный человек. Через две недели экстатического счастья в Калифорнии Эсперанса полетела назад в Перу, где ее ожидало горькое разочарование. От Кастанеды пришло письмо. План с колледжем рухнул. Последующие письма Эсперансы остались без ответа. Она прекратила разговоры о своем отце, наказала Элинор Витт забыть, что когда-то ездила в Соединенные Штаты, вышла замуж за европейца и переехала в Европу. Долорес все еще живет в Перу и так никогда больше и не была замужем.

Правдива ли эта печальная история? К несчастью, она представляется вполне достоверной. Дю Вент, Деннисон и Витт — надежные и ответственные люди. Их свидетельства ни в чем не противоречат другим известным фактам. Официальные архивы Перу удостоверяют и этот брак, и его расторжение. Отца и дочь видели вместе в Беркли и Лос-Анжелесе.

В своей неподражаемой, опосредованной манере историю подтверждает и сам Кастанеда, ретроспективно рассказывающий, что у Карлоса была взрослая дочь, которую он ни разу не видел, и таким образом волшебным образом возвращающий дочь, которую Кастанеда все-таки *видел*, к ее прежнему состоянию загадочности и недоступности. Хотя Карлос был шокирован концепцией Ла Горды о том, что маг должен убивать своих детей, чтобы вернуть себе полноту, Кастанеда достаточно много распространяется об этой жуткой необходимости. Дочь, несуществующая для Кастанеды, могла удержать Карлоса от перехода в иной мир, где пребывают бессмертные маги. Необходимо было сделать выбор между мирами, и Кастанеда сделал этот выбор. Если он и чувствовал какие-то угрызения совести от того, как непринужденно расправился со своим ребенком, то вполне мог

утешаться афоризмом дона Хуана: «Когда человек выходит на путь знания, он уже не несет ответственности за то, что может случиться с его близкими».

Когда я спросил Барбару Майерхофф, что Кастанеда и Рамон *увидели* друг в друге, она ответила: «Себе подобного». Она имела в виду, тех, кто смеется над нелепостями этого мира с некоего возвышенного положения в ином мире, однако между этими двумя людьми существует также и решающее различие. Шаманы охотятся на силу, чтобы направлять свое племя, лечить своих близких и кормить свои семьи; маги, подобные дону Хуану и Карлосу, не имеют ни племени, ни близких, ни семьи. На этой земле Кастанеда не принадлежит никакому сообществу. Как выразился фон Франц, «он одинокий внесоциальный охотник за загадочностью». С восьмилетнего возраста он пробивал себе дорогу к благосостоянию и известности, рассказывая выдуманные истории и отрезая себя от окружающих человеческих существ. Теперь он достиг своих целей, и пришла пора попытаться восполнить тот ущерб, который он нанес другим, устремившись к успеху, но он уже не в состоянии изменить своим привычкам. Насколько просто было бы обеспечить надежную помощь и бескорыстную любовь своему приемному сыну, который был не только ребенком, но и его другом! Но он этого не делает. Как приятно было бы осчастливить умную, прилежную и обожающую его девушку, всего лишь исполнив несколько скромных обещаний и оставаясь более или менее доступным. Оказалось, что это тоже невозможно. Неординарный ум отца занимают совершенно иные проблемы, такие, как возвращение целостности за счет детей, которые ее похитили; как восхищенное созерцание (в то время как одинокий ребенок рассматривает насекомых, ползающих по траве) «самого прекрасного и совершенного творения, какое только можно себе представить», — маленького гнезда красных муравьев дона Хуана.

Творящий свою карьеру мистификатор обладает всеми способностями, необходимыми для традиционных способов продвижения, но он не желает подчиняться общественным законам и неспособен общаться с друзьями в каком-либо стиле, отличном от насмешек. В его репертуаре напрочь отсутствуют социальные обязательства и взаимное доверие между людьми. Любовь и самопожертвование ему непонятны. Их отсутствие означает, что он всегда остается посторонним, бессовестно манипулирует людьми и событиями, искажает и скрывает любую информацию. Наградой ему служат гордость своим тонким умом и ощущение личной власти. Побочными эффектами становятся изоляция, холод и необходимость быть всегда начеку. Предлагая тем, кто считал его самым близким в жизни человеком, слишком мало правды и слишком много лжи, охотник за личной силой с паразитическим мастерством и безупречным намерением выстраивает вокруг себя ловушку — настолько прочную, что ему не вырваться из нее уже никогда. Изредка в нее попадают кролики и некоторое время корчатся в ее сетях, но бенефактор, способный открыть ее снаружи, никак не появляется. Впрочем, это не совсем верно. 24 февраля 1977 года я направил Кастанеде письмо с предложением сотрудничества в написании книги о нем. При всех обстоятельствах, это был совершенно наивный поступок, поскольку Кастанеда никогда не сотрудничает с учеными, желающими писать о нем, а я являюсь последним из тех, кто может претендовать на подобное сотрудничество. В 1974 году, будучи в то время горячим поклонником Кастанеды, Дэниел Ноэл написал работу, анализирующую его вклад в литературу, которая совершенно не касалась вопроса, являются его книги документальными или художественными. «*Уорнер Пэйнбэк Лайбрири*» приняла рукопись Ноэла для публикации, но когда из «*Уорнера*» обратились к издательству «*Саймон энд Шустер*» за разрешением на цитирование отрывков из книг о доне Хуане, оттуда ответили, что Кастанеда вообще запретил какое-либо цитирование. Исследовательское эссе Ноэла, которое ни подменяло труды Кастанеды, ни пыталось отхватить часть его популярности на рынке, было вполне допустимо по меркам закона об авторских правах. Любой сомневающийся может убедиться в этом, рассмотрев последствия того, что любой автор способен остановить публикацию обычной научной и литературной критики, просто запретив цитировать свои работы, — подобный иммунитет к критике никогда не мог бы стать предметом закона Конгресса. Большинство издательств, однако, придерживаются сверхзаконной джентльменской порядочности, всегда официально испрашивая подобного разрешения. Разумеется, в большинстве случаев такое согласие следует без каких-либо сложностей, однако личность вроде Кастанеды способна манипулировать им, чтобы воспрепятствовать обычному критическому процессу. Ноэл написал Кастанеде с уверенностью в скором разрешении неожиданного конфликта. Кастанеда позвонил ему и сообщил, что в

возникновении проблемы виноват не он, а «Саймон энд Шустер». «Саймон энд Шустер» заявило: «Решение доктора Кастанеды не было отменено». В четырех последующих сводящих с ума телефонных разговорах Кастанеда рассказал, что попытается ходатайствовать о разрешении в «Саймон энд Шустер», однако объяснил, что контракт с этим издательством предоставляет ему слишком слабое право голоса — это утверждение Ноэл нашел совершенно неудобоваримым. В конце концов, Ноэл просто забросил свой проект, так и не дознавшись, кто же именно отказал его прошению.

М. Д. Фабер тоже написал книгу о Кастанеде. Когда исполнительный издатель Фабера обратился в «Саймон энд Шустер», он получил тот же самый отказ. Поскольку Фабер и Кастанеда были приятелями по Калифорнийскому университету в Лос-Анжелесе, Фабер черкнул старому другу письмо, в котором описал содержание своей книги — это было психологическое исследование отношений учителя и ученика, — и попросил его снять свой запрет. В то время Фабер считал, что маг был реальной фигурой, и совершенно не понимал, с какой неохотой лже-ученик пойдет на любой критический психоанализ. Кастанеда не ответил на письмо. Фабер отправил еще несколько, на сей раз заказных, писем. Фабер писал телеграммы. В результате Фаберу пришлось разделить свою книгу на три статьи (описание которых приведено в статье 38 этой книги), которые были последовательно опубликованы в 1977 году в журнале, редакторы которого оказались более простыми в отношении джентльменских правил честной игры книгоиздателей. Лишь присущая Фаберу деликатность не позволила ему распространить свое исследование на отказ Кастанеды как признака запуганности и анти-общественности его характера.

Обладая предупреждениями опыта Ноэля, я начал свое наступление на Кастанеду, заранее представляя, что на первые попытки вряд ли последует какая-либо реакция, не то что согласие, но кто-то должен был добиться такого разрешения, и мое положение было ненамного худшим, чем у другим. Основная часть моего письма звучала следующим образом:

Будучи в своем роде преданным поклонником дон Хуана, я тем не менее нахожу Вашу личность более интересной. Несомненно, Вы являетесь одним из самых интригующих людей, которые когда-либо возникали на литературной сцене — и особенно, в академической среде. Я бы поставил Вас даже впереди Б.Трэйвена, который тоже представляет собой захватывающий предмет для исследования. Я убежден, что можно написать поразительную книгу, описывающую Вас с самых обычных точек зрения. Я подозреваю, что сами Вы вряд ли когда-то ее напишите, поскольку Вы слишком погружены в необычную реальность. Однако, Ваш вклад в подобную книгу стал бы неоценимым, учитывая, что полная ответственность за разделение этих реальностей лежала бы на ее авторе. Заголовок «Разговоры с Кастанедой» мог быть стать прекрасным названием для такой книги. Вы уже видели, на что я способен в отсутствие какой-либо помощи с Вашей стороны. Мне кажется, мы смогли бы продолжить работать вместе — при условии, что я не позволю Вам ускользнуть в щель между мирами.

Десять месяцев спустя вышло «Второе Кольцо Силы». Уже знакомый с привычками Кастанеды, я старательно искал в ней ответ на свое письмо. Возможно, я его нашел:

«Маги никогда не помогают друг другу, как ты помог Паблито... [дон Хуан] говорил, что у воина ни к кому нет сочувствия. Для него обладать состраданием означало, что ты втайне желаешь, чтобы люди становились подобными тебе, становились на твое место; рука помощи протягивается только с этой целью... Самым тяжелым для воина является позволить остальным быть, какие они есть... Безупречность воина заключается в том, чтобы позволить им это и поддерживать их такими, каковы они есть. Конечно же, это означает, что ты позволяешь им тоже быть безупречными воинами».

Мне следовало сразу это сообразить. «Воин не ищет утешений» и не желает спасения от трудностей пути знания, даже если этот путь проложен по кругу вдоль стен ловушки. Маг есть мир в себе. Никто, даже другой маг, не способен ему помочь.

Пять лет Кастанеда и я вместе путешествовали по пути его аллегорий, хотя мы с ним никогда лично не встречались. Пора прощаться настала прежде, чем мы успели поздороваться. Я вступил на этот путь позже и схожу с него раньше. Карлосу предстоит еще долгое путешествие на пути к подлинному нагвализму; для окончательного оформления своего культа числом 13, Кастанеда напишет, по моей оценке, еще восемь книг; Арана исчезнет и никогда не возникнет вновь — этого мальчика окончательно скроет мужчина, которым он стал. Из троих заброшенных детей, лишь маленький Арана обречен на полное забвение. Все эти грустные истории наиболее печальны именно по отношению к Кастанеде. Разумеется, он сам их себе рассказывает, ведь это единственное, что он умеет. Временами он сам рассуждает о бестелесности своих воображаемых попутчиков: «Мне показалось, что центром отдаления становлюсь я сам; я чувствовал себя так, словно дон Хуана никогда не существовало; и когда я смотрел на него, он становился таким, каким на самом деле был, — неясной тенью, промелькнувшей над холмами». Временами он жалуется на свое одиночество: «Дон Хуан не был в полном смысле сострадательным ко мне. Он уделял мне внимание, вот и все. Он просто не мог выразить какие-либо чувства, ибо мог лишь изображать обычные человеческие эмоции». Тем не менее он никогда не вырвется из своего крошечного особенного мира в большой мир с живыми людьми. Как сказал дон Хуан, *«Видящий уже не испытывает интереса к своим собратьям»*.

Учитель и бенефактор дон Хуана были людьми огромной личной силы, никогда не выходившими за пределы своих ограниченных взглядов на жизнь и так никогда и не добившимися полной целостности личности. Им было известно, что нужно делать, но они не смогли это совершить. Они понимали, что их лодка уже ушла. Они знали, что лишь смерть внесет в их жизнь существенное изменение.

«— Я все еще выгляжу как яйцо? — спросил Карлос.

— Нет, — сказала Ла Горда. — Ты выглядишь как надгробие».

Воин всегда считает себя мертвым, поэтому ему нечего терять. Маги обеспечивают впечатление цели, но никогда не указывают на средства ее достижения. Судьба, постигшая учителя и бенефактора дон Хуана, свалилась тяжким грузом на плечи самого создателя дон Хуана. Очевидно, что ни он, ни кто-то другой не сможет ее изменить. Жизнь уже окончательно превратилась в аллегорию, и «нет никакого иного образа жизни».

Часть VI

ПРИЛОЖЕНИЯ

Аллегорический глоссарий

В английском языке слово *gloss* обозначает пояснение к незнакомому термину, встречающемуся в тексте; следовательно, *глоссарий* представляет собой перечень глоссов. Здесь я использую термин «глоссарий» в его прямом смысле. Правда, в этнометодологии под глоссированием понимают описание или объяснение того, что подразумевается в ходе беседы или другой формы непосредственного социального взаимодействия. Кастанеда превратил этнометодологическое глоссирование в метафору восприятия: согласно его теории, глосс — это восприятие, поддерживаемое языковыми средствами, способ видеть или слышать, происходящий в физическом мире (см. также статью **Глосс**).

Под *аллегорией* подразумевают описание одного объекта через характеристики другого; в основном это относится к описанию в процессе рассказа. Книги Кастанеды являются аллегориями. В его произведениях слова и события (которые, кроме всего прочего, являются непосредственными элементами повествования, воспринимаемыми буквально) обладают дополнительной смысловой нагрузкой с точки зрения расширенного понимания социально-научной методологии и различных вариантов метафизики.

Таким образом, «Аллегорический глоссарий» (ссылки на него имеют пометку «АГ») представляет собой перечень пояснений к используемым Кастанедой аллегорическим терминам. Каждый из упомянутых терминов представляет собой слово или идею, которые содержатся в одной из книг Кастанеды и обозначают нечто совершенно отличное от своего действительного значения; пояснения к каждому термину содержат наглядные иллюстрации его несомненного (или весьма вероятного) использования в более ранних произведениях другого автора, где значение термина совершенно не совпадало со значением, предложенным Кастанедой. Большинство оригинальных идей и терминов подверглись трансформации или переопределению до степени, достаточной, чтобы считать их чем-то оригинальным (правда не на столько, чтобы невозможно было определить их изначальное происхождение). Аллегория подразумевает не только необходимость скрывать, но и требует сохранения первоначальной формы, позволяющей распознать истинное значение слова.

Этнометодологи и собственно Кастанеда затрепали понятие *глосса* до такой степени, что вывели его за пределы простого словесного пояснения незнакомому слову. В творениях Кастанеды собственно понятие *глосса* выродилось до фактической интерпретации. С точки зрения этнометодологов, *глосс* представляет собой утверждение, которое максимально близко передает смысл невыразимого на данном языке значения, используемого двумя людьми, которые разговаривают и понимают друг друга. Люди используют глоссы, чтобы указать (в направлении) смысл подразумеваемого на самом деле — того, что в действительности не называется конкретным словом или не может быть полностью описано даже большим количеством слов. Если бы нам удалось разобраться в бесконечно дремучем языке, на котором Гарфинкель, как правило, излагает свои идеи (скрывая таким образом от себя и от страдающего аспиранта полное отсутствие глубины и содержательности), то мы бы обнаружили, что значение понятия *глосс* было просто произвольным образом расширено от обозначения продукта текстового пояснения до собственно процесса диалогового понимания. Кастанеда пошел дальше, от такого переопределения к метафоризации. Таким образом, глоссирование превратилось в восприятие, видение физического мира, хотя само понятие никогда не имело (и надеюсь, никогда не будет иметь в дальнейшем) подобного значения. Говоря «комната — это глосс», Кастанеда использовал средства повествования для изложения социальной науки.

Уолтер Голдшмидт, через три года после того, как я в первый раз задал ему этот вопрос (ПК:82н),

наконец-то дошел до объяснения своего неправильного толкования «Учения дона Хуана», поместив в начале написанного им вступления ставшую знаменитой фразу: «Эта книга является одновременно этнографической и аллегорической» (К68:vii). Поскольку предполагается, что этнография зиждется на фактах, а аллегория — на вымысле, утверждение Голдшмидта, с моей точки зрения, звучит совершенной бессмыслицей. Он должен был, насколько я понимаю, назвать книгу *частично* аллегорической; Колин Уилсон предполагал то же самое, когда писал: «В самом начале... Уолтер Голдшмидт допускает, что книга носит частично аллегорический характер» (Уилсон 1975:13). Однако и Уилсон, и я попали пальцем в небо. Когда я в своем письме к Голдшмидту (ПК:82н) предложил ему свою интерпретацию его фразы, он спросил меня, можно ли всерьез воспринимать ученого, не понимающего, что произведение может одновременно носить этнографический и аллегорический характер. Судя по его тону, вопрос был слишком банальным и простым, чтобы вдаваться в пояснения; тем не менее я был вынужден настоять на своем желании получить подробный ответ, выступая от имени тех читателей, которые могли оказаться такими же простаками и невеждами, как и я сам. Итак, я вновь написал профессору, убедительно прося его разъяснить, каким образом отчет о полевых исследованиях может оказаться одновременно этнографическим и аллегорическим. На этот раз Голдшмидт вовсе не ответил мне.

Три года спустя он прокомментировал свою глубокую мысль следующим образом: «Я имел в виду, что в книге есть мораль. Она переносит нас туда, где мы живем» (Прейс 1978:56). По крайней мере из этого объяснения стало хотя бы отчасти понятно, почему он назвал книгу «одновременно этнографической и аллегорической» (однако данное утверждение все равно неверно характеризует «Учение дона Хуана», которое так или иначе не является этнографией). Для этнографии свойственна привязка к культуре и фактам, тогда как фольклор дона Хуана возник из культуры неизвестного происхождения — но определенно не принадлежащей индейцам яки, — а сам старик, из каких бы соображений ни исходить, является не фактом, а чистым вымыслом. Отыскав в «Учении дона Хуана» мораль, Голдшмидт *наделил* книгу чертами аллегории — точно так же, как в гибели «Титаника» при желании можно найти аллегорическое отражение человеческой судьбы. Это была бы *аллегория читателя*, из которой не следует ни то, что сам «Титаник» был воображаемым кораблем, ни то, что сообщения о его гибели были написаны лишь для целей морализации. Сообщения, написанные во имя морали, скорее всего должны основываться на фактической точности, поскольку намеренная аллегоризация входит в явное противоречие как с целью, так и с техникой изложения фактов. Неприкрыто используя термин «аллегория», который скорее передает намерение писателя, чем истолкование читателя, Голдшмидт ненамеренно и абсолютно верно сообщил читателям, что «Учение дона Хуана» — это *аллегория писателя*, намеренно выдуманный образчик писательского мастерства, замаскированный под отчет о полевых исследованиях, просто красивая сказка о мнимой работе. Данное Голдшмидтом невольное точное определение *Учения дона Хуана* как сказки в течение десяти лет входило в противоречие с его же обескураживающим утверждением, что книга является отчетом о полевых исследованиях; в результате этого фраза о этнографичности и аллегоричности звучит как нонсенс.

В «Аллегорическом глоссарии» приведены далеко не все идеи и аллегорические термины Кастанеды. Смысл глоссария лишь в том, чтобы представить лучшие образцы подобных терминов, определить их точное или вероятное происхождение и показать, каким образом Кастанеда использует слова и идеи других писателей для создания собственной аллегории. Каждый из приведенных здесь терминов призван служить этой цели; кроме того, многие из них доказывают, что Кастанеда писал скорее художественный вымысел, а не фактическое изложение.

Исходя из того, что далеко не все термины могут служить стопроцентным доказательством вымышленного характера «Учения дона Хуана», фанатики дона Хуана и профессиональные мракобесы получают возможность сыграть на слабости отдельных доказательств, полностью игнорируя неопровержимые факты. Годы наблюдений за подобными извращениями убеждают меня в том, что при желании любой может избежать обвинений на основе самых серьезных аргументов. Я не могу даже надеяться на то, что мне удастся предотвратить такую попытку ускользнуть в случае с книгой Кастанеды. Более того, я даже облегчу эту задачу, перечислив те глоссы, которые могут быть однозначно отброшены сторонником подлинности дона Хуана: **Союзник, Лай, Коллапс, Перелом-**

б, Описание, Сновидение, Яйцо, Походка, Ящерица, Пирс, Пейот, Красный, Я, Водопад. Все эти слова говорят мне, что Кастанеда не только определенно приспосабливал слова и мысли других писателей, но и дразнил нас возможностью поймать его за руку, что мы и сделали.

Теперь, после четырех лет «раскопок», возникает вопрос: сколько же названных Кастанедой источников оказались погребенными среди отвалов ненужной породы? Думаю, что много, поскольку мне кажется, что любой настойчивый аспирант с десятилетней стипендией может проследить происхождение *каждого* элемента учения дона Хуана до естественного истока — какой-нибудь более ранней публикации. Парапсихолог Стюарт Холройд выдвинул предположение, что все идеи Кастанеды были взяты из написанного Элиаде «Шаманизма»; но при этом в настоящем «Аллегорическом глоссарии» Элиаде упоминается лишь восемь раз. Правда, здесь также приводятся ссылки и на сотни других авторов, языковая связь с которыми оказалась более очевидной, чем с Элиаде. Предложение Холройда не более чем риторика, поскольку дальше он говорит: «Скорее всего, эти книги являются тем, чем их стремится подать автор, — работой по антропологии, написанной с точки зрения *особого состояния* (1977:154). Недостаток этой гипотезы в том, что если бы она оказалась правдой, Кастанеде пришлось бы провести в состоянии транса четырнадцать лет, включая посещения дона Хуана, период работы над его полевыми заметками и время написания его рассказов, — а это во многом противоречит обычной реальности.

Я благодарен Холройду за то, что он ненамеренно указал мне (1977:156) на факт адаптации Кастанедой предложений Виттгенштейна относительно пояснений. При этом «целая современная концепция мира» Виттгенштейна превратилась в «целый мир» дона Хуана; а фраза Виттгенштейна «как если бы все получило свое объяснение» выродилась до «объяснения всего» у дона Хуана. Точно также «современная концепция» Виттгенштейна стала «твоей тропой», «древние верующие» у Виттгенштейна трансформировались в «глупых колдунов» у дона Хуана; виттгенштейновские «Бог и Рок» у дона Хуана звучат как «колдовство», а фраза Виттгенштейна «оба не правы» в устах дона Хуана звучит как «ты не лучше» (АГ:Пояснения). Лишь один пример подобной парадигмы недвусмысленно показывает, каким образом Кастанеда переделывает труды по философии, мистицизму и этнографии в диалоги с доном Хуаном.

Большинство пунктов этого списка представлены словами, обозначающими идеи; в тех случаях, когда Кастанеда попадает на золотую жилу, глоссом может служить имя автора. Кроме того, различные варианты идей можно отличить по дополнительным индексам: а, б, в и т. д. Кроме того, имена авторов упоминаются в статьях глоссария в случае, если сами авторы являются источником данного термина. Как и везде в книге «Записки о доне Хуане» (ЗДХ), пять книг о доне Хуане помечены соответственно как: К68, К71, К72, К74 и К77. Диссертация Кастанеды фигурирует под индексом К73, книга «Путешествие Кастанеды» — под индексами ПК и ПК2 (в зависимости от издания). В некоторых случаях я был вынужден пересказывать параграфы в более сжатом виде своими словами; такие параграфы, естественно, кавычками не выделяются. За несколькими исключениями, цитата из первоисточника предшествует цитате, взятой у Кастанеды.

Несмотря на то что о читательских вкусах Кастанеды известно весьма немного, существуют неоспоримые документальные доказательства его осведомленности о работах следующих авторов: Лейтон, Петрульо, Посас, Стюард и Андерхил, работы которых он рецензировал для «антропологии» Уэнделла Освальта (250, Калифорнийский университет в Лос-Анжелесе, осень 1962 г.). Кроме того, есть фотография Кастанеды, держащего в руках экземпляр диссертации, написанной Ороной. Он утверждает, что читал Виттгенштейна; в этом случае совершенным парадоксом звучит его же фраза о том, что он читал Виттгенштейна вслух дону Хуану (АГ:Петля). Кастанеда утверждает, что прочел всю существующую литературу по пейоту (К72:19), особенно упоминая в связи с этим ла Барра (Кин, 1972:92), фамилия которого в этом списке не упоминается. Правда, он никогда не произносил имени Петрульо, который тем не менее обширно представлен здесь.

Пропась. «Казалось, будто выступ высокой скалы нависает над ущельем немыслимой глубины» (Клювер, 1928:24). «Человек, облаченный в зеленоватый бархат... прыгал в разверстую пасть бездонного обрыва» (28). + Дон Хенаро «вместе со мной прыгнул в пропасть» (K74:253). См. также: **Я-б.**

Объяснение. «С помощью объяснения член сообщества делает знакомые и привычные действия повседневной жизни распознаваемыми *именно как* знакомые и привычные действия» (Гарфинкель 1967:9). «Что есть такого в естественном языке, что делает эти явления... *поддающимися объяснению?*» (Гарфинкель и Сакс, 1970:342). + «Из поколения в поколение используя растения силы, маги научились по-своему объяснять все окружающее, которое подлежало этому объяснению» (K74:239).

Соглашение. «Все члены определенного сообщества соглашаются о способе расположения букв в алфавите, [но] находится человек... который берет на себя смелость поменять местами А и Я... Если мы [подобно ему] сможем согласиться с тем, что А и Я меняются местами, — возникнет то, что мы называем новой традицией... Явление, возникающее под видом отклонения от нормы, на первый взгляд обладает силой с помощью некоторой «социальной заразительности» терять собственную индивидуальность... и даже прекращать «существование»; но в мире обобществленного поведения такое явление представляет собой не более чем консенсус мнений» (Эдвард Сепир, цитируется по книге Мандельбаума, 1949:571—572). Далее Сепир утверждает, что хотя социальный мир создается на основе консенсуса, физический мир менее подвержен изменениям с помощью языка или соглашения между индивидуумами. + В противоположность этому дон Хуан, говорит: «Мы создаем эту комнату. Наши кольца силы в этот самый момент заставляют эту комнату существовать... Каждый из нас знает, как *делать* комнаты... Всех нас учили соглашаться по поводу *делания*... Разве ты не понимаешь, какую силу несет в себе подобное соглашение» (K72:252—253). В выдержке из диссертации Кастанеды (1973:vi) позиция дона Хуана пересматривается с точки зрения феноменологии: «С точки зрения мага весь окружающий мир, или физические объекты вокруг нас, которые на первый взгляд несомненно обладают независимой и трансцендентальной объективностью, на самом деле являются лишь продуктом соглашения воспринимающих сторон относительно природы того, что они воспринимают. Другими словами, мы, как воспринимающие стороны, являемся динамической частью мира, поскольку наполняем его как значением, так и «формой». Следовательно, воспринимаемая реальность окружающего мира объясняется социальным консенсусом, а не объективной природой этого мира». Уилбер (1977:133, 230—231) называет дона Хуана источником сапировского определения реальности, построенной на соглашении. См. также: **Глосс, Пирс-м.**

Союзник. «Триумфатор оказывается закрытым в темной комнате, в которой лежит бездыханное тело. Чтобы оживить труп, он ложится на него и прижимается ртом к его рту... удерживая труп в руках... Через определенный промежуток времени труп приходит в движение. Он поднимается и пытается ускользнуть, но маг, крепко прижимаясь к телу, не дает ему освободиться. Тогда мертвое тело начинает сопротивляться с большей силой. Оно совершает броски и прыжки на немыслимую высоту, увлекая за собой крепко прижавшегося к нему человека... Наконец изо рта у трупа появляется язык. Наступает критический момент: захватив язык собственными зубами, маг откусывает его. Оживший покойник моментально падает без движения. Неспособность управлять телом покойника после его оживления в определенном смысле несет магу смерть. Тщательно высушенный после этой процедуры язык становится мощным магическим оружием, которое *нгагсна* ценят на вес золота. Чтобы удержать ожившего покойника, тибетцу потребовалась вся его сила... Если бы тибетцу не удалось совладать с ним, ужасное создание убило бы его» (Дэвид-Ноэль, 1932:135); полное изложение можно найти у Мэда и Каласа (1953). + «Когда человек сталкивается с союзником, [он] должен силой побороть духа, прижав его к земле, и держать его до тех пор, пока дух не отдаст ему свою силу» (K71:282—283; см. также K71:303, K72:246). «Когда я схватил его... союзник попытался вывернуться, но я не позволил ему сделать это. Мы завертелись в воздухе... Вдруг я почувствовал, что вновь стою на земле... Союзник не убил меня... Я победил... Я буквально запрыгал от радости» (K72:306). «Рывок, который испытываешь, хватая союзника, настолько силен, что впору откусить собственный язык» (K72:305). См. также: **Костер, Вращение.**

Альперт. см.: Коблер.

Анайя. см.: Горда.

Древние. см.: Толтеки.

Животное. «Животное странного вида превращается в кусок древесного ствола, лежащий горизонтально» (Клювер, 1928:28). + «На земле виднелось нечто... Определенно то было какое-то животное... Судя по очертаниям тела, животное было млекопитающим, но также имело клюв, как у птицы... тут нечто изменило мир и я мгновенно понял, что это было за животное... Это была большая ветка куста» (K72:130—132).

Размахивание руками. «У чирикауа есть одна церемония... которую они называют «Тем, что заставляет руки двигаться вокруг». Она используется... для определения местонахождения врага... через все его тело — начиная с пальцев на ногах, оттуда вверх к коленям и так до макушки — прошло «ощущение»... Ему пришлось взобраться на вершину холма. Он стоял под деревом лицом к северу» (Лейтон, 1949:158,160; было упомянуто в рецензии Кастанеды, опубликованной осенью 1962). + «Он сказал, что, как только я достигну вершины холма, я должен буду протянуть правую руку перед собой... когда я почувствовал, что но моей левой ноге распространяется тепло, мне пришлось медленно размахивать рукой от севера к югу и обратно к северу... «Если рука ощущает тепло в направлении на север, тебя сильно избыют... если же она будет направлена на юг — тебе предстоит тяжелый бой» (K71:276—277).

Арто. Коллеги указывают на поразительное сходство между мемуарами Антонена Арто об индейцах тараумара и идеями, содержащимися в книгах о доне Хуане. Однако я предполагаю, что Кастанеда не знает французского, а переводы Арто на испанском или английском языках либо были опубликованы гораздо позже, либо не были доступны в то время. Из этого я делаю заключение, что сходство возникает на основе общего для обоих авторов интереса к американо-индейскому фольклору и восточному мистицизму.

Аткинсон. см.: Яйцо.

Внимание. «"Внимание" имеет значение "внимать", то есть слушать, слышать, видеть всем своим существом... Находясь в таком полном внимании (которое не делится на составные части), ты можешь делать абсолютно все» (Кришнамурти, 1871:43). + «Наша ошибка заключается в том, что мы верим, будто единственной формой восприятия, которая достойна признания, является та, которая проходит через наш *рассудок*» (K74:249). «Для него рассудок обозначал внимание... «внимание тоналя»... Второй областью было «внимание нагваля»... Я расположил собственное внимание в обеих областях» (K77:266—267; см. также: 270, 271). См. также:

Пирс-д,ж.

Осознание. «Он представляет собой пять бестелесных чувств, каждое из которых направлено к вершинам чувствительности и осознания, причем все они самым странным образом смешиваются друг с другом — так, что он, став до крайней степени пассивным, превращается в чистый приемник бесконечно тонких ощущений» (Р.Г. Уоссон, цитируется по книге Фюрста, 1972:198). + «Эти кусочки осознания были разбросаны, и каждый из них осознавал именно себя, и ни один не был значимее другого. Затем... всех их пришлось объединить в один комок — «меня», [который], насколько я знаю, должен был засвидетельствовать сцену объединения» (K74:262—263). См. также: **Я.**

Лай. «Древние ритуалы происходят и сегодня... вдалеке от оживленных автострад, высоко в горах Мексики, в тихой неподвижности ночи, нарушаемые лишь далеким лаем собак или криком осла» (Уоссон, 1961:158 или Фюрст, 1972:200). + На далеком плато, высоко в горах Мексики, Карлос проводит ритуал прощания со всеми, кто присутствует или остался позади (K74:280). «Тишина вокруг нас была просто пугающей, лишь мягко шелестел ветер; затем я услышал доносившийся издали лай одинокой собаки... Этот лай был настолько грустным, а неподвижность окружающего — настолько совершенной, что я ощутил внутреннее страдание... «Этот собачий лай — голос человека в ночи», — произнес дон Хуан» (K74:285). О лае шамана и собачьем вое — см. Фюрст, 1966:346—347).

Ванна. «В сновидении я видел ствол дерева, катящийся с горы, и нечто черное... Я поднялся и обратился к своей силе, прося у нее защиты... Затем я принял холодную ванну в озере». «Несколько информаторов сообщили мне, что холодные ванны помогают уничтожить зло, предсказанное в плохом сне» (Стюард, 1934:431, в рецензии Кастанеды, которая вышла осенью 1962 года). + «Дон Хуан потащил меня к оросительному каналу, вырытому позади

дома, и толкнул меня туда прямо в одежде» (K71:151). «Когда магу доводится встречаться с какой-нибудь из этих необъяснимых и нестигаемых сил, [это делает его] более подверженным смерти... Когда я столкнул тебя в воду... это защитило тебя» (K71:261; см. также K71:145,193).

Бауман. Между «Сказками о силе» (K74) и написанной Ц. Бауманом (1973) статьей о Гуссерле и этнометодологии существуют определенные сходства. *Нагваль* соотносится с описанными у Баумана «трансцендентальной интерсубъективностью» (6), «чистым Разумом, урезанным до основания всех остаточных проявлений мира объектов... [который] служит основой нашего знания» (7), «свободой как от “эмпирических”, так и от “умозрительных фактов”» (10). Сравним *тональ* с положениями Баумана о том, что «индивидуум не может быть глубоко погружен в мир объектов» (7) и что «индивидуум может принести собственную субъективность в жертву объектам, «которые там», по это неизбежно будет обозначать предательство его фактически субъективного существования» (8). Дон Хуан описывает объекты, расположенные на столе, в полном соответствии со словами Баумана: «Даже наиболее тщательное исследование мира объектов не откроет нам природу субъективного» (9). Пузырек восприятия у дон Хуана соответствует у Баумана миру субъективности, «который можно исследовать лишь изнутри» (9). См. также **Нагваль, Тональ, Стол, Пузырек.**

Бин. Каждый термин этой группы цитируется по изданию «Темальпах» (Бин и Саубель, 1972); но как же могли открытия, сделанные в 1972 году, повлиять на «Путешествие в Икстлан» (K72), не говоря уже об «Учении дон Хуана» (K68)? Бин начал свои полевые исследования в 1960 году (3) — в тот самый год, когда Карлос встретился с доном Хуаном. Вскоре Бин предложил Калифорнийскому университету в Лос-Анжелесе цикл своих лекций (Билз, 1978:359), а три его предварительных доклада были опубликованы в 1963 (211 — 212).

Бин-а. «Дурман... — непредсказуемое [и может причинить] серьезное умственное расстройство... психозы» (60). + «У нее есть серьезный недостаток... Она извращает человека... делая его... непредсказуемым... цветы [в наше время] используются, чтобы сводить людей с ума» (K68:35).

Бин-б. «Танцоры пользовались этим, чтобы обрести большую силу и выносливость... Певцы... принимали дурман, чтобы голос стал более сильным... Он дает большую силу» (65). + «Я чувствую, как во мне кипит странная сила» (K68:42). «Я тоже почувствовал, как это нарастает во мне... но теперь оно было сильнее в 500 раз... Однажды я подпрыгнул так высоко, что мне удалось сорвать листья с вершины самых высоких деревьев» (K68:44).

Бин-в. «На конце каждого листа агавы торчит твердый, напоминающий иглу шип; если этот шип аккуратно отделить от листа, то за ним тянутся растительные волокна длиной в несколько футов, образуя природную комбинацию из нитки и иголки» (36). + «Шип [агавы] вышел из мясистого листа, вытягивая за собой пучок длинных нитевидных волокон, напоминавших нечто вроде белого хвоста. Волокна были длиной в два фута... дон Хуан скрутил волокна вместе между ладонями, сделав подобие струны» (K68:50).

Бин-г. «Растения... рассматривались... как живые существа, с которыми можно общаться и взаимодействовать... Создатель населил землю растениями, чтобы они служили человеку; но при этом не предполагалось, что сотрудничество будет исключительно односторонним... Все части этой системы должны были взаимодействовать в обоих направлениях... Следовательно... к растениям нужно было относиться с уважением. Человек, собирающий растения, должен был поблагодарить их за возможность использования, извиниться... за причиненный ущерб... и одновременно признать, что для растения совершенно естественно подчиняться предопределенности применения» (15). + «Неважно, что ты говоришь растению... важно... относиться к нему, как к равному». Дон Хуан говорил, что собиратель растений должен убедить их в том, «что однажды его собственное тело послужит для них пищей» (K72:43). См. также: **Растения, Примирение.**

Бин-д. «Такие труды, как «Культе пейота» Уэстона ла Барра (1959), а также «Учение дон Хуана» (1968) и «Отдельная реальность» (1971) Карлоса Кастанеды... являются отличным вступлением к способам применения галлюциногенных растений и к тому, как эти растения применялись философскими и космологическими структурами общества» (60; см. также 62).

Бин-е. см. ЗДХ; глава 5; Примечание: заряд пумы.

Чудовище. «Гигантский, покрытый розетками пятен ягуар... Грандиозный зверь мчался вперед, пригнув голову к земле: открытая пасть, язык свешивается наружу. Жуткие, громадные клыки

выглядывали из пасти» (Кордова-Риос и Лэмб, 1971:157). + «Громадный койот или волк, от одного вида которого тошнота подступала к горлу... Клыки сверкали, из пасти летели клочья слюны и пены... громадная кошка мелькнула перед нами» (K74:259).

Жук. «Как-то я обнаружил способ избавиться от проблем. Во сне мне привиделось, будто моя душа сидит в каком-то доме; вдруг рядом со мной я увидел маленького, кругленького жучка. Взглянув на него, я сказал: «Эй, маленький жук! Я думаю, ты можешь прыгнуть прямо оттуда, где сидишь, в дымоход и таким образом спастись. Если ты сможешь это сделать, значит, и мне удастся избежать неприятностей, если я с ними встречу». При этих словах жук поднялся в воздух и исчез из виду; с тех пор мне всегда удается избегать неприятностей» (Стюарт, 1934:430—431, использовано Кастанедой осенью 1962 г.). + «Я долго наблюдал за насекомым, пока не обратил внимание на царившую вокруг меня тишину... У меня в голове мелькнула мысль, что смерть наблюдает за мной и этим жучком... Меня пробрала дрожь... В конце концов, я и этот жук ничем не отличались друг от друга. Смерть, подобно тени, использовала против нас обоих stalking... В это мгновение у меня возникло неопишное ощущение возвышенности. Жучок и я — мы были наравне. Ни один из нас не был лучше другого. Смерть поставила знак равенства между нами» (K72:294—295).

Вне пределов. «Конечная Реальность... в действительности является чем-то или ничем, при этом оба они находятся вне пределов мыслительного центра, который только можно себе представить. В то же время эта Реальность вполне ощутима как таковая и как находящаяся вне пределов наших органов чувств, так что при нашем утверждении чего-либо положительного или отрицательного о ней она вынужденно попадает в рамки человеческого понимания» (Судзуки, 1972:10—11; также замечено соответствие у Фориши, 1978:30). + «Если бы я сказал, что Ничто [это то, что можно обнаружить за пределами *тоналя*], то я лишь сделал бы *нагваль* частью *тоналя*. Все, что я могу сказать, — это то, что там, вне пределов острова можно найти *нагваль*». — «Но если ты называешь это *нагвалем*, разве это не значит, что ты тут же помещаешь его на остров?» — «Нет. Я назвал его лишь из желания, чтобы ты осознал его» (K74:128—129). «Я не читаю мистических книг», — сообщает Кастанеда Крейвейсу (1973б:174).

Билл-а. «Поскольку Грегорио, как и большинство остальных индейцев региона, не говорил по-английски, мы общались с ним исключительно через нашего переводчика Билла... Ранее мы сообщили Биллу и Карлосу, что горим желанием узнать, как живут индейцы навахо» (Лейтон, 1949:8; также в рецензии Кастанеды, которая вышла осенью 1962г.). + «Я сидел со своим другом Биллом на автобусной остановке в городке, что на границе Аризоны... Билл был моим провожатым в путешествии по юго-западу, когда я собирал данные и образцы [сравн. ЗДХ:глава 40] лекарственных растений, которые применяют индейские аборигены... Билл знает лишь несколько слов по-испански...» (K71:9—10). «Я сидел на автобусной остановке в Аризоне; вместе со мной был мой друг, студент университета» (Кин, 1972:92; 1976:77).

Билл-б. Когда я потребовал у Кастанеды дополнительной информации про Билла (ПК:91), он в ответ решил просто «убить» его: «Нагваль *увидел*, что над его головой витала смерть» (K77:52).

Птица. «Антропоморфная птица напоминает прекрасную статуэтку... возможно, символизируя перевоплощение шамана в птицу» (Фюрст, 1966:330). На блюде (1965:39; 1966:331) изображена голова человека, но бокам которой руки, превращающиеся в крылья; остальное тело выглядит совсем маленьким. + «Потом он сказал мне, что мое тело совершенно исчезло и что от меня осталась только голова. Он сказал, что голова никогда не исчезает, потому что именно она превращается в ворона... Он рассказал о крыльях ворона и сообщил, что они должны были появиться из моих скул» (K68:121—122).

Тело. «Я узнал, что человеческое тело может действовать как личность, наделенная самосознанием, без всякого участия вспоминающего разума» (ван Иден, 1969:147). «Мудрость тела, действующего во сне... заключается в реорганизации накопленного опыта... организующая мудрость тела» (Стюарт, 1969:165). + «Твое тело научилось... твоё тело знает... Я сообщаю твоему телу... Я хотел бы показать твоему телу... твоё тело возвращается, чтобы встретиться со мной, потому что я — его друг» (K72:216—217). «Именно тело выполняет [*не-делание*]» (K72:226). «Позволяя твоему телу узнать» (K72:233). «Мое тело знало гораздо больше, чем я подозревал» (K72:238). «Каким-то образом мое тело осознало» (K72:276). «Пусть твоё тело само решит что почем» (K72:292). «Мое тело ощутило» (K72:297). «По-настоящему все

происходит тогда, когда тело начинает понимать, что оно *может видеть*» (К72:302). «Опыт телесного, а не интеллектуального восприятия» (К74:45). «Его *воля*, исходящая из средней части его тела» (К74:178). «Тело обладает своей собственной волей; можно даже сказать, что воля — это голос тела» — Кастанеда — Кину (1972:100; 1975:89—90).

Границы. «Следовательно, ограничение может быть установлено лишь в языке, а то, что лежит по другую сторону границы, — просто чепуха» (Виттгенштейн, «Трактат», Предисловие автора). + «Мы находим смысл в речи лишь потому, что остаемся в пределах определенных границ, по эти границы неприменимы для *нагваля*» (К74:190).

Пузырек. «Это выглядит так, будто череп человека неожиданно начинает раздуваться, подобно воздушному шару, образуя большую сферическую полость, которая в дальнейшем превратится в сцену зрительной драмы. Теперь кажется, что глаза уже не смотрят изнутри черепа на окружающий мир — они, скорее, развернуты внутрь и смотрят в глубину самих себя, прижимаясь к стенам полой сферы, разглядывая все внутри и свободно перемещаясь в замкнутом пространстве сферы; при этом открываются все новые перспективы, а события проходят перед этим взором в тысячах различных проявлений и с фантастической скоростью» (Суэйн и другие, 1963:234). + «Мы — внутри пузырька... Этот пузырек является нашим восприятием... И все, что мы наблюдаем на внутренней поверхности круглых стен, является нашим собственным отражением... Отраженным является наш взгляд на мир» (К74:246—247). См. также: **Бауман**.

Погребение. «Шаманы кладут новичка на землю, накрывая его листьями и ветками» (Элиаде, 1964:343). + «Я... спросил, как он собирается хоронить меня. Он... принялся собирать сухие ветки... листья были положены так искусно, что внутрь не проникало никакой пыли» (К72:136—137).

Костер. Оплер (1941:203) рассказывает о человеке, «сидящем у костра; рядом с ним сидело нечто». То был Канюк, который предложил человеку «такую силу, что с ее помощью он смог бы видеть то, что обычно не видит». Человек отказался принять эту силу, говоря: «Теперь твоя сила для меня бесполезна». + В «Задаче *видения*» Карлос сидит у костра, разложенного доном Хуаном. Неожиданно свет заслоняет дух, напоминающий большое насекомое. Дон Хуан при этом говорит, что у духа нет секретов силы, которыми он мог бы поделиться, что это «бесполезно» (К71:279—284,280). См. также **Союзник**.

Кэрролл. см.: Коллапс.

Резьба. «Грегорио на протяжении двух дней наблюдал за работой деда. Вначале тот взял корень какого-то растения и вырезал из него фигурку змеи... Раздвоенный язык был сделан из клочка белого хлопка» (Лейтон 1949:10; упоминание у Кастанеды в рецензии осенью 1962 г.). + Во время двухдневного ритуала дон Хуан «взял длинный кусок корня, раздвоенный в форме буквы Y... Раздвоенные концы он раздвинул еще сильнее... медленно, не торопясь, он вырезал фигурку человека» (К68:49).

Каталина. см. ЗДХ:глава 39.

Кресло. Кресло шамана служит шаманам племени уичолей «священным местом», на котором шаман исполняет свои песнопения во время церемоний. В походе шаман несет кресло на спине (Майерхофф, 1968:129; 1974:110). + «Через минуту Паблито вернулся, неся на плече необычного вида кресло. Спинка кресла повторяла изгибы спины Паблито, так что, когда он нес кресло на плечах, перевернув его, оно выглядело, как станковый рюкзак» (К77:173). «Наверное, я совсем осел, если постоянно таскаю за собой это проклятое кресло» — «Зачем ты носишь его, Паблито?» — «Я должен сохранять свою силу... Я не могу сидеть на чем попало. Кто знает, что за болван сидел там до меня?» (К77:311; см. также К77:201,216).

Городской житель. «Он сказал, что *мара 'акаме* должен учиться читать и писать, чтобы защищать народ от «захватчиков- испанцев с их географическими картами и титулами». Он должен изучать городскую жизнь, он должен научиться легко общаться с властями» (Майерхофф, 1968:95; 1974:47). + «Он выглядел, как старый мексиканский джентльмен, напоминая горожанина в безупречно подогнанном костюме» (К74:106). «Необходимость носить костюм — это вызов для меня... Вызов настолько же трудный, как для тебя носить сандалии и пончо» (К74:109). «Мой костюм... представляет собой... одну из двух частей моей целостности» (К74:119). «Я — держатель акций» (К74:162). Один из приверженцев Кастанеды в Калифорнийском университете Лос-Анжелеса как-то сказал Майерхофф и Фюрсту, что

Рамон, в отличие от дона Хуана, был не настоящим шаманом, потому что знал городскую жизнь.

Коллапс. «Удивительно... что делает... лингвистическую относительность столь привлекательной... Возможно, дело в предположении, что на протяжении всей своей жизни человек, не подозревая того, становится жертвой обмана со стороны структуры языка, которая навязывает ему определенный способ восприятия реальности; из этого следует вывод, что осознание самого обмана позволяет человеку заново открыть для себя мир» (Кэрролл, 1956:27). «То, что мы называем «миром», в действительности является концептуальной структурой времени и пространства, в которой происходят события» (Лэнгер, 1962:148). «Понятие природы в гораздо большей степени сформировано средствами языка, чем это обычно представляют себе люди. Это сделано не только во имя смысла, но и во имя понимания; но в хаосе идеологемных провалов это понятие обречено на коллапс» (Лэнгер, 1962:150; цитируется Пирсом, 1971:50, 159; 1973:51,168). + «К земной тверди нас привязывает внутренний диалог. Мир является таким или иным лишь потому, что мы сами себе говорим: этот мир выглядит так или иначе» (К74:22). «Как только прекращается диалог, мир коллапсирует» (К74:40; см. также К72:14,133,168,299). См. также **Глосс**.

Завершенность. «Если он не обладает этими качествами, он никогда не «завершит себя»... он должен «видеть» внутренним зрением... «завершение себя» — это действительно прогрессивная минимизация материи при максимизации духа... то, что учили называют “равновесием”» (Фюрст, 1972:152; лекция в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе, весна 1970). + «Я говорю о том, что ты еще не пришел к завершению» (К71:13). «С момента, когда мы все превращаемся в *тональ*... это старое чувство незавершенности... постоянно твердит нам, что есть еще одна часть, которая придаст нам эту завершенность» (К74:128). «Как только маг восстановит свою завершенность, он достиг равновесия» (К77:136). «Есть много хороших магов, которые могут *видеть*, но при этом не являются завершенными. Обрести завершенность можем лишь мы, толтеки» (К77:234; см. также К74:174,284; К77:55, 95, 118, 130—135).

Доверие. «Лишь проработав с ним более года, мы добились от него [Рамона] согласия поведать нам истории о *кьер* [человеке, употребляющем дурман]» (Фюрст и Майерхофф, 1966:7). + «Я общался с доном Хуаном целый год, прежде чем он почтил меня своим доверием» (К68:2).

Беседы. *Беседы с Оготеммели* «должны были смениться... дальнейшими беседами» (Гриоль, 1965/1970:220). Книга Кастанеды, выпущенная в 1971 году, имела подзаголовок «Дальнейшие беседы».

Кордова-Риос. см.: Чудовище, Свисг.

Койот. «Мой муж был Тем-Кто-Встречается-С-Койотами... На песке он увидел мертвого койота... Этот койот поднялся и сказал: «Хочешь, я покажу тебе кое-что?» — «Да». И в ту же секунду мой муж умер, а койот унес его куда-то... На следующее утро муж очнулся и увидел, что лежит рядом с мертвым койотом... Койоты убили его и, пока он был мертвым, научили» (Андерхил, 1936:47—48; упоминается в рецензии Кастанеды осенью 1962 г.). + «Он убивает человека на месте и, пока тот мертв, учит его» (К68:138). «Койот воскликнул на испанском: «Отлично!» И тогда я понял, что этот койот разговаривал на двух языках... Когда я вновь осознал себя, я обнаружил, что лежу среди скал» (К72:297—298).

Трещина-а. «Кандидаты в шаманы... должны подняться в небеса через проход, открывающийся лишь на какое-то мгновение» (Элиаде, 1964:485). + «Он открывается и закрывается, подобно двери, хлопающей на ветру... Это плоскость над землей» (К68:137—138).

Трещина-б. После того как его дважды стошнило, Уоссон увидел «темные ворота, вершина которых скрывалась далеко вверху, куда не достигал человеческий глаз, [которые] должны были распахнуться; нам же нужно было найти себя в присутствии Последней... ворота собирались распахнуться перед нами... В присутствии невыразимого, причем... мы не должны были возвратиться, потому что чувствовали, что в глубине божественного свечения нас ожидает добровольная погибель» (Уоссон и Уоссон, 1957:293,295; ПК:145). + «О приходе этого момента свидетельствует длительное дрожание конечностей и страшная тошнота... Трещина между мирами возникает прямо перед глазами в виде монументальной двери. Эта трещина расширяется кверху и книзу. Когда она полностью раскроется, человек должен проскользнуть внутрь» (К68:138). «Он должен иметь намерение и волю к возвращению — иначе дым

[грибов] не позволит ему вернуться обратно» (K68:56). «Ты должен решить, возвращаться или нет» (K74:276). См. также: **Дверь, Мерцание.**

Сантиметр кубический. см.: Дон Ку.

Лечение. «С медицинской точки зрения, дурман вонючий использовался для лечения болезней... Применялись его листья или корневища» (Хилл, 1938:20). + «Трава дябла имеет четыре головы... Ее стебель и листья — голова, излечивающая хвори» (K68:35). «Они используют листья и цветы для других целей. Они даже говорят, что это излечивает фурункулы» (K68:44).

Опасность. «Теперь, когда он обнаружил нас, нам нужно убраться отсюда как можно быстрее... ибо «здесь оставаться очень опасно». Нас озадачило то, что в конце последовательности мы попали каждый на свое собственное место; мы почувствовали, что едва можем держаться на ногах, потому что земля буквально уходила из-под них... мы в прямом смысле слова мчались прочь, как будто опасность гналась за нами по пятам» (Майерхофф, 1968:172; 1974:157—158,245—246). + «"Пошли отсюда", — сказал он и пустился бежать... Я высказал предположение, что нам следовало бы остаться... весьма драматическим тоном он возразил, что оставаться здесь — сущее самоубийство... Он убедил меня, что постарается идти как можно медленнее... но как бы там ни было, я никак не мог догнать его» (K72:208—209).

Дэвид-Ноэль, см.: Союзник, Походка, Я.

Смерть. «Также и во время смерти мир не изменяется — он просто подходит к концу. Смерть не является событием жизни: пока мы живем, мы не испытываем смерти» (Виттгенштейн, Трактат, 6431,64311). + «Не понимаю, отчего люди говорят о смерти так, будто она подобна жизни... Я не думаю, что смерть вообще на что-нибудь похожа... Смерть — это ничто. Ничто! Она есть и одновременно ее вообще не существует... Я не могу сказать тебе, на что похожа смерть... она растворяет наши жизни, превращая их в ничто... Смерть всегда была ничем. Ничем!» (K71:235—239). См. также **Вечность, Харнер-д, Тибетская книга.**

Олень-а. «У уичолей олень почитается священным и магическим животным» (Майерхофф, 1968:238; 1974:199). + «У них нет повседневности... Именно это делает их магическими» (K72:101).

Олень-б. «Когда появился олень, я поднял ружье... Он остановился и уставился на меня. Он глядел так долго, что я устал ждать; выстрелив, я убил его... Через пару дней ночью мне приснился сон: поющий олень... он издавал какие-то гудящие звуки. Я слушал очень внимательно, но не мог понять, что именно хочет сказать животное. Олень пытался дать мне силу врачавателя, но я отказался, потому что не хотел превращаться во врача» (Стюард, 194:430; упоминается в рецензии Кастанеды осенью 1962 г.). + «Легко представить, как поступил бы среднестатистический человек в подобной ситуации... Если бы он был вооружен, то немедленно взял бы оружие наизготовку... Я быстро встал на голову и нежно замычал... Олень посмотрел на меня, и я сказал ему, что не причиню ему вреда. Тогда олень... сказал мне также внятно, как говорю я сейчас: "Не грусти"». «Дон Хуан посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде мелькали искорки хигрости» (K72:102—103).

Описание. «Мы без возражений принимаем существенно отличные способы интерпретации, постоянно навязываемые нам социальной традицией с самого момента нашего рождения» (Сепир в книге Мандельбаума, 1949:546). + «Он сказал, что... мир, который мы знаем, является лишь описанием... описанием, обрушившимся на меня в тот самый момент, когда я родился» (K72:8—9). «Со времени нашего рождения люди говорят нам, что мир является таким-то и таким-то» (K72:299). «Описание, которое дается нам с момента нашего рождения» (K74:247).

Ясновидение. «Индейцы навахо... использовали вонючий дурман... для определения местонахождения грабителей, а также утерянного или украденного имущества. В зрительном плане человек видел место, где сейчас находится имущество, или определял, как выглядит вор... Обладавших острым слухом голоса направляли туда, где было спрятано награбленное» (Хилл, 1938:19—20). + «Какое-то время назад из читального зала было украдено довольно много книг... Потерев ящерицами виски, я спросил их, кто украл книги» (K68:79). «Вглядевшись получше в новое видение, я увидел молодого человека: он выходил из комнаты, неся за плечами большой рюкзак» (K68:83). «После я услышал «голос», на-шептывавший мне на ухо обо всем, что происходило... И я «услышал-увидел» всю последовательность действий молодого человека» (K68:115).

Делание. «Впервые этнометодология видит себя явно занимающейся [делающей] социологией» (Мак-Кинни и Тиракян, 1970:18). «"Делание" обозначает работу» или действия по игре в шахматы или управлению данными» (Гарфинкель и Сакс, 1970:352); «В чем же заключается собственно «механизм» способа делания [беседы]?» (355); «"Механизм" делания [разумных действий]» (358). + «Все, что мы делаем, относится к деланию... деланию мира... деланию в пределах этой комнаты... деланию комнат» (K72:251—252). См. также: **Механика.**

Дон Хенаро. В повествовании Хенаро был псевдонимом (K71:115), но также и добрым именем благодетеля, открывающего пузырек-дверь в иной мир (поскольку Хенаро соответствует январю, а январь, или по-римски Януарий, открывает дверь в наступающий год). Хенаро, бывший братом Казтано, участвовал в употреблении галлюциногенных грибов Уоссоном (Уоссон и Уоссон 1957; ПК:45). Кажется, Кастанеду несколько волнует это имя: в первых двух книгах появляются два вскользь упоминаемых Хенаро (ПК:53н — Три Хенаро); в книге «Второе кольцо силы» под именем Хенаро выступают уже несколько учеников. Готовя к предварительной публикации часть «Второго кольца силы», Кастанеда (1978б) в конце концов дал Хенаро фамилию «Флорес» — очевидно для того, чтобы уравновесить упоминаемого в том же предложении дона Хуана, который уже имел свою фамилию «Матус». Учитывая этот последний штрих описательного краснобайства, антрополог Рой Вагнер (1978:267) сказал, что согласен признать достоверность «Второго кольца силы», поскольку выявление фактических соответствий было бы «чертовски утомительным занятием».

Дон Хуан Матус. В повествовании Кастанеды «Хуан Матус» является псевдонимом (K71:115; сравн. ЗДХ:глава 40, вопрос 5). Военным героем индейцев племени яки был Луис Матус (ПК:96). В оригинальном виде миф о испаноговорящем доне Хуане встречается в пьесе Тирсо де Молины «Насмешник из Севильи» (Д. Г. Винтер, «"Легенда о доне Хуане" Отто Ранка», Принстон, 1975). См. также: ПК:154н — более опытные люди. Р. де М. увязывает дона Хуана с Сан-Хуаном де Ла Крусом (John of the Cross) (ПК:146—152). См. также: Хуан де Ла Крус (испанский вариант: Juan de la Cruz).

Дон Ку. Хосе Лопес Портильо-и-Пачеко, который в 1976 году собирался стать президентом Мексики, написал последнюю строчку своего философского сатирического произведения «Дон Ку» в 2 часа 55 минут дня, 31 октября 1967 года (Лопес, 1969:181), когда издательство Калифорнийского университета еще рассматривало вопрос о публикации «Учения дона Хуана»; в данном случае одновременность событий позволяет ответить отрицательно на вопрос о литературном влиянии «Дона Ку» на «Учение дона Хуана» (хотя и не исключает возможности такого влияния на дальнейшие книги о доне Хуане). Когда «Дон Ку» был опубликован в английском переводе (1976), оригинальной датой получения авторских прав был указан 1965 год (1976:iv). Это дало Стивену Рено повод прийти к неверному заключению, будто Кастанеда воспринял прообраз дона Хуана, читая книгу «Дон Ку». На самом же деле, Кастанеда продемонстрировал свою рукопись еще около 1962 года (Прейс, 1978:55). «Дон Ку» (1969) имеет подзаголовок (который в переводе звучит как) «Беседы о Йети [то есть о Эгоцентричности] и других трансцендентальностях». В произведении косноязычный университетский преподаватель юриспруденции Пене Секо (Сухой, или Лишенный Сочности Джо) сталкивается с доном Ку, философом из мексиканских индейцев; оба персонажа участвуют в серии квазисократовских диалогов, «изображая взаимосвязь между современностью и древностью, между жестким интеллектуализмом и мудростью коренного населения», — говорит Рено (1978:590). Правда, с моей точки зрения, дон Ку, как и дон Хуан, далек от мудрости аборигенов. И Лопес, и Кастанеда противопоставляют стереотипу академического рационалиста европеизированный образ псевдопримитивиста. «Буклист» (1 января 1977 г., 73:651) назвала «Дона Ку» «колким примером, напоминающим... риторические туманности дона Хуана. Длинная диалектика, наполненная пространными отступлениями, паузами и испуганными штрихами повествующего к философскому синтезу глубокомысленного и бессодержательного». «Чойс» (май, 1977, 14:382) писал: «Читателя смущает множество парадоксов, которые излагает дон Ку. Временами даже сам дон Ку не способен разобраться в собственных словах». Читатели Кастанеды также испытывают смущение от противоречивых парадоксов, но я верю, что парадоксы дона Хуана прозрачны для того, кто рассматривает их, вооружившись очками этнометодологии, феноменологии и этнологии; вместе с тем кажется, что большинство парадоксов дона Ку созданы не ради того,

чтобы искать в них смысл. Действительно, «Дон Ку» выглядит злой пародией на «Сказки о силе». В «Путешествии в Икстлан» я нашел абзац, который предполагает литературное влияние «Дона Ку». У Лопеса-Портильо мы находим такие строки: «Я знал, что если встречу с ним взглядом, мы будем драться; но я не хотел доходить до такой крайности» (1976:82); и еще: «Мой дорогой бакалавр! Проблема в том, что вы страдаете от мнимоторжественного схоластицизма в своей плохой и агрессивной тенденции к установлению различий крупных и помельче, которые вы, не будучи в состоянии полностью объяснить, раскладываете на составные части в кавычках — потому что (и это самое худшее, что может произойти с мнимым ученым) ваше состояние, не имеющее ни системы, ни трансцендентальности, является весьма и весьма неустойчивым, так что вы вынуждены довольствоваться субпродуктами моей речи. Иными словами — позвольте мне заявить вам это со всем презрением эрудиции — вы со всей очевидностью являетесь именно дремучим толкователем юридических манускриптов» (1976:33); «Послушайте, дон Ку! Мне кажется, что ваши слова слишком поработили вас. Они являются слишком несовершенными инструментами; они — источник всех ваших противоречий» (1976:41). Очевидно, впечатления от приведенных трех абзацев вдохновили Кастанеду на следующие строки: «Утверждения дона Хуана повергли меня в воинственное настроение. Я не видел никакого смысла в том, что он говорил. Я сказал ему, что все это чепуха; он посмеялся надо мной, заметив, что я не обладаю безгрешностью духа даже в том, что мне нравится более всего, — в болтовне. Фактически, он поиздевался над моей способностью словесно объясняться, найдя его неправильным и неадекватным» (K72:230). Демонстрируя «вселенское наполнение бесконечностей», дон Ку рисует каббалистическую фигуру — цифру 8, лежащую на боку (1969:21; 1976:16). Очевидно, это подвигло дона Хуана нарисовать восемь точек на волокнах светящегося существа (K74:98,270). Дон Ку обсуждает «удельный вес несовершенства» (1976:16); но поскольку удельный вес коррелирует с относительной плотностью, а плотность измеряется в граммах на кубический сантиметр, то легко обнаруживается переход отсюда к «кубическим сантиметрам вероятности» у дона Хуана (K72:278). Оба — и дон Ку, и дон Хуан — много рассуждают об ответственности и воле.

Дверь. «Но человек, который возвращается через Дверь в Стене, никогда не будет совершенно похож на того, кто вышел» (Хаксли, 1954; 1963:79). + «После возвращения ты уже не будешь напоминать себя прежнего» (K68:138). «Но... как только дверь откроется, закрыть ее обратно будет уже невозможно» (K74:227—228). «Как только печать будет сломана, воин становится уже другим» (K74:248). См.: **Трещина, Мерцание.**

Двойник-а. «Определенно существует двойное воспоминание о двух телах... оно ведет... к концепции *тела сновидения*» (ван Иден, 1969:151). + «Двойник возникает в *сновидении*» (K74:67).

Двойник-б. «Двойник, увидевший самого себя, должен погибнуть в течение года» (Отто Ранк, «Двойник», университет Северной Каролины, 1971:50; ПК:127н двойник; вероятно, Кастанеда слышал о Ранке от Анаис Нин). + «Маг, столкнувшийся лицом к лицу с самим собой, — мертвый маг» (K74:52).

Дуглас. см.: Хуан де ла Крус

Сновидение-а. «Образ мышления, который возникает у нас, западных людей, во время сна, обычно остается на неясном, детском, психотическом уровне» (Стюарт, 1969:167). *Обычное сновидение* — как правило, хорошо известный тип, к которому принадлежит большинство вариантов сновидений... они абсурдны и смешаны» (ван Иден, 1969:148). + «У тебя всегда были странные сновидения... Не переживай... Подобно мечтам обыкновенного мечтателя, они не имеют силы» (K72:118).

Сновидение-б. «Каждый человек должен быть высшим правителем и господином своих собственных сновидений, или духовной вселенной» (Стюарт, 1969:162). + «Теперь тебе пора открыться для силы; ты начнешь с овладения *сновидением*» (K72:118).

Сновидение-в. «В этих светящихся сновидениях... спящий вспоминает дневную жизнь и свое собственное состояние, достигает совершенного осознания, а также обретает способность направлять свое внимание и намеренно совершать различные акты свободного волеизъявления» (ван Иден, 1969:150). «Каждая сила сновидения... может и должна быть раскрыта, подчинена, направлена па внесение общественно значимого вклада» (Стюарт,

1969:165). + «Сновидение является реальностью для воина, поскольку именно в *сновидении* он может действовать произвольно, выбирать и отвергать; он может выбирать из множества вещей, ведущих к обретению силы, а затем он может манипулировать этими вещами, пользоваться ими» (K72:119—120).

Сновидение-г. «Когда вам снится сон о падении... вы ощущаете, что стремитесь к источнику силы, который и вынудил вас упасть» (Стюарт, 1969:162); «Сила, которой он может управлять с помощью... возможностей разума...» (164); «Сон, который начинается со страха упасть, вскоре сменяется наслаждением от ощущения полета... когда летишь, нужно достигнуть какой-нибудь цели (163). + «Следующий шаг в *постановке сновидения* заключается в том, чтобы научиться путешествовать... ты должен усилием воли направить себя в определенное место» (K72:142—143).

Сновидение-д. «Во сне я пришел к заключению, что моя способность к вымыслу никогда не сможет изобрести или создать столь изящный образ, как объемное движение крошечных веток, проплывающих мимо» (ван Иден, 1969:150). + «Сновидение реально тогда, когда... отсутствует разница между тем, что ты делаешь во сне, и тем, что ты делаешь, когда не спишь» (K72:127).

Сновидение-е. «Я подготовился к осторожному наблюдению, надеясь продлить и усилить это свечение» (ван Иден, 1969:151). + «В *постановке сновидения* есть один маленький секрет: он очевидно заключается в том, чтобы не просто смотреть на предметы, но и удерживать их образы» (K72:127).

Сновидение-ж. «Я проделал следующий эксперимент: смочив палец слюной, я начертил на ладони левой руки крест... Затем я погрузился в *сновидение*, проснувшись в нем, ощутил влажный крест на левой ладони, коснувшись ею собственной щеки» (ван Иден, 1969:151). + «Сегодня во сне вы должны смотреть на собственные руки» (K72:126).

Сновидение-з. см.: Человек Знания.

Наркотики. «Наркотики служат лишь вульгарным заменителем «чистого» транса... Они дают *имитацию* состояния, которого шаман более не может достигнуть никаким иным способом» (Элиаде, 1964:401). + «Я понял, что наиболее значимые трансформации и открытия всегда совершаются магами в состоянии трезвого сознания» (K74:238).

Пыль. «Они пускают ему в глаза золотую пыль, чтобы он обрел остроту и силу зрения, достаточную, чтобы увидеть душу, куда бы она ни забрела» (Элиаде, 1964:57). + «Знание приходит потоком, напоминаям блестящие золотой пыли... знание напоминает душ или прогулку под дождем, когда вместо капель на тебя опускаются пылинки цвета старого золота» (K74:36).

Ухо. «Лама, брат по вере или близкий друг должен прочесть погребальный текст на ухо умершему» (Элиаде, 1964:438). + «Дон Хуан и дон Хенаро подошли ко мне сбоку и, присев, начали шептать мне что-то на ухо» (K74:261; сравн. 183,184,191).

Яйцо. «Человеческая Аура... воспринимается психическим наблюдателем как светящееся облако... в каждом человеке доминируют определенные цвета... «Яйцо Ауры»... овальной или яйцевидной формы... для психического зрения оно кажется «пронизанным» многочисленными тонкими линиями, которые напоминают густую щетину, торчащую из тела... несколько волокон, вытягивающихся во всех направлениях» (Аткинсон, 1909:62,63,58). + «Человеческие качества проявились в виде светящихся волокон, собранных в плотное образование яйцеобразной формы» (K74:39). «То, что я назвал окраской, представляло собой не оттенки, а свечение различной интенсивности» (K74:41). «Легкий дымок поможет тебе *видеть* людей в виде светящихся волокон... Очень тонкие волокна, идущие по кругу от головы до пупка. Поэтому человек выглядит как яйцо из круговых волокон. Его руки и ноги напоминают светящиеся отростки, торчащие во всех направлениях» (K71:33). Соответствие отмечено Рюгером (1973:76); сравн. ПК:94—95. См. также ЗДХ:глава 2.

Восемь точек. см.: Дон Ку.

Элиаде. см.: Погребение, Трещина, Наркотики, Пыль, Ухо, Враги-в, Человек, Мерцание.

Окончание. «Я уже начал волноваться. Неужели это никогда не кончится? Я определенно не хотел оставаться здесь навсегда» (Суэйн, 1963:22). + «Я начал терять терпение: мне хотелось все прекратить. Я подумал: “Могу ли я остановить это?”» (K68:115—116).

Враги-а. «Ко мне подошел человек... который хотел передать мне свою силу. «Нет, я боюсь этого!»

— ответил ему я» (Оплер, 1941:211). + «Итак, он столкнулся с первым из естественных врагов — страхом!» (K68:57).

Враги-б. «Все, что мешает чистоте помыслов шамана, тяжело отражается на культе» (Оплер, 1941:209). + «Эта ясность ума, которой так тяжело добиться, рассеивает страх — по также и ослепляет. Она вынуждает человека никогда не сомневаться в себе» (K68:58).

Враги-в. «"Силы" [и]... вызываемое ими... магическое чувство безграничности собственных возможностей... могут заставить його забыть о своей истинной цели» (Элиаде, 1964:416—417). + «Он может делать... все, что пожелает...» — «Но что произойдет, если он, находясь во временном ослеплении Силой, откажется от нее?» — «Это значит, что он все еще пытается стать человеком знания» (K69:59).

Враги-г. «Власть не всегда бывает нейтральной; сила также не всегда готова действовать по приказу шамана» (Оплер, 1941:255). + «Власть, которую он (как ему кажется) завоевал, — на самом деле никогда не принадлежит ему» (K68:60).

Враги-д. «Сила (власть), которая до сего момента казалась действующей во благо, в конце концов может потребовать, чтобы шаман отдал ей свою жизнь» (Оплер, 1941:255). + «Человек... в конце концов начинает придумывать правила, потому что он становится хозяином... Его враг превратит его в жестокого, капризного человека» (K68:59).

Враги-е. «Чем старше ты становишься, тем больше слабеет твоя способность проводить церемонию. Твой разум ослабел. Ты путаешь слова молитвы... Твой голос старческий дрожит... Ты больше не можешь хорошо и достойно разговаривать со своей силой» (Оплер, 1941:209). + «Его враг рубанет с плеча, превратив его в дряхлого, немощного старика. Его стремление спастись пересилит всю его ясность, силу и знание» (K68:60).

Равный. «Все предложения имеют равную ценность» (Виттгенштейн, «Трактат», 6.4). + «Все вещи равны, а следовательно — не имеют никакого значения» (K71:104). «Не было ни печали, ни каких-либо чувств вообще. Его смерть была равна всему остальному» (K71:113).

Стирание. «Он отказывается от своего прошлого, и, когда через много лет он возникнет из своего кокона, ничто из его бывшей личности не сохранится и никто не узнает, что это за человек» (Говинда, 1971:84). + «Никто не знает моей собственной истории. Никто не знает, кто я и что я делаю, — даже я не знаю этого» (K72:32).

Вечность. «Если мы примем, что вечность обозначает не бесконечное течение времени, а безвременье, то в этом случае вечная жизнь принадлежит тем, кто живет в настоящем. Наша жизнь бесконечна точно так же, как поле зрения не имеет границ» (Виттгенштейн, «Трактат», 6.4311). + «А знаешь ли ты, что как раз в этот момент тебя окружает вечность?.. Знаешь ли ты, что ты можешь простираť самого себя бесконечно, в любом направлении, которое я указал?.. Знаешь ли ты, что один-единственный момент может быть вечность?» (K74:17). «Будущее — лишь одна из форм нашей речи; для мага все происходит «здесь» и «сейчас»» (K74:206). См.: **Смерть.**

Пояснение. «Вся современная концепция мира основывается на иллюзии, что так называемые законы природы поясняют природные явления. Именно поэтому сегодня человек останавливается перед этими законами природы, воспринимая их как нечто нерушимое — подобно тому, как в древности воспринимали Бога или неумолимый рок судьбы. В принципе, обе точки зрения являются одновременно правильными и неправильными. Точка зрения древних была более ясной в том смысле, что она имела четкие и признанные рамки, тогда как современная система пытается доказать, будто все уже нашло свое объяснение» (Виттгенштейн, «Трактат», 6.371 — 6.372). + «Ты настаиваешь на объяснении всего с той точки зрения, будто весь мир состоит из вещей, которые можно объяснить... Тебе никогда не приходило в голову, что в этом мире по-твоему можно объяснить совсем немного?.. Глупый маг пытается объяснить все существующее в мире с помощью пояснений, в которых он сам не уверен; так получается убеждение, что все вокруг — колдовство. В этом смысле и ты ничем не лучше: ты тоже хочешь по-своему объяснить все, точно так же не будучи уверен в собственных пояснениях» (K71:155; см. также K74:270).

Лицо. «Этой ночью мне приснился сон. Я видел приближающегося ко мне человека, но не знал, кто он, — может быть, он был Богом, но выглядел при этом вполне как [деревенский старик]. Он приблизился ко мне и произнес что-то мне на ухо» (Посас, 1962:96; упоминается в рецензии Кастанеды осенью 1962г.). + «Я видел того же человека. Однако в этот раз он почти касался

меня. Я видел его лицо — в нем было нечто знакомое. Я почти знал, кто он» (K71:229).

Бой. «Действуя против мага, шаман из племени учичолей также принимает особую — абсолютно секретную — защитную позицию... детали которой мой информатор [Рамон Медина. — Р. де М.] отказался мне рассказывать» (Фюрст, 1965:68). + «Затем он дал мне точные инструкции относительно «боевой формы», или особого положения тела... которое следовало принять, когда меня намереваются атаковать» (K68:132). См. также: **Воин**.

Метеоризм. «Легкое послабление, допущенное в случае подобных утверждений [что горы, земля и воздух дают шаманам силу, общаясь с ними], напоминает человека, который, понюхав газы из собственного кишечника, объявил, что получил знание особого рода» (Оплер, 1941:206). + «"Свидетель! Сожми, пожалуйста, своего ловца духов!" — сказал дон Хенаро Нестору. Я услышал громкий звук, наиболее смехотворный из когда-либо слышанных... потом почувствовал вполне определенный запах и понял тогда, что Нестор испортил воздух... Он сделал это не в шутку, а потому, что у него не было при себе ловца духов» (K74:282).

Туман. После того как Лоуренс Ватсон помог Кастанеде внести ясность в «Структурный анализ» (K68:ix), он начал преподавать антропологию в университете в Сан-Диего; вскоре к нему присоединился Филип Стэнифорд, который впоследствии заявил (Письмо от 11 апреля 1978 г.; см. также Стэнифорд, 1977б:53): «Ларри Ватсон рассказал Карлосу идею о зеленом тумане; к немалому удивлению Ватсона, его мысль объявилась в «Отдельной реальности» [K71:199]».

Безумие. «Этнометодологические исследования... описывают отчеты членов... воздерживаясь от всяких суждений относительно адекватности, ценности, значения, необходимости, практической применимости, успешности или последовательности этих самых отчетов. К подобной процедурной политике мы относимся как к «этнометодологическому безразличию»» (Гарфинкель и Сакс, 1970:345). + «Вначале мы должны знать, что наши действия бесполезны; и тем не менее мы должны двигаться вперед, как будто не знаем этого. В этом и заключается управляемое безумие мага» (K71:97). «Все, что я делаю в отношении себя и моих соплеменников, является безумием, поскольку все это не имеет значения» (K71:01). «Все является равным, а следовательно, не имеет значения» (K74:104). «Независимо от того, хорошими или плохими являются его действия, достигли они цели или нет — это в любом случае не должно его волновать» (K71:107). «Еще одно качество, необходимое воину: непривязанность. Идея неминуемой смерти... теряет смысл» (K71:183). См. также: **Равный**.

Фюрст. см.: Лай, Птица, Завершенность, Доверие, Бой, Тыква, Икстлан, Слева, Умеренность, Растение, Защищенный, Щиты, Душа, Ловец Духов, Щекотка, Воин, Водопад, Женщины Ветра.

Походка. Для текстовых сравнений см. главу 6: походка (Дэвид-Ноэль, 1972:201; K72:204); закат солнца (1932:213; K72:205); ступни (Говинда, 1971:80 (см. также 78—83); K72:207); опасность (1971:81; K72:207). На эти соответствия мое внимание обратил Юджин Г. Уайтхед; они также были обнаружены Маттиессеном (1978:151,328).

Гарфинкель. см.: Объяснение, Делание, Безумие, Глосс, Механизм.

Жест. «Независимо от того, насколько человек стремится участвовать в церемонии, первый жест всегда приписывается силе, поскольку сила... постоянно ищет человеческие существа, через которые она может «работать»» (Оплер, 1941:202). + «Зачем ты рассказываешь мне все это, дон Хуан?» — «Тебя привели ко мне. И я сделал жест» (K72:66; см. также: K72:80,183,188).

Глосс. см. первый и четвертый абзацы «Аллегорического глоссария». О значении термина *Глосс* в этнометодологии — см. Гарфинкель и Сакс (1970:342—344). Сформулированный Сепиром «Способ [социального] понимания» (Мандельбаум, 1949:547) Кастанеда превратил в способ физического восприятия: «Маг должен действовать посредством *Глоссов* культуры, относящихся к восприятию... Чтобы разрушить мои глоссы, дону Хуана понадобилось использовать *три* психотропных растения» (Уоллес, 1972:139); «Глосс — это целая система восприятия и языка. Например, эта комната является глоссом. Чтобы образовать целостное единство, мы слепили вместе ряд изолированных восприятий — пол, потолок, окно, лампа, половик и т. д и т. п. Но нам пришлось учиться собирать мир таким вот образом... Мы подвержены синтаксису языка и содержащемуся в нем способу восприятия» (Кин, 1972:95; 1976:78—79); в свою очередь, Кастанеда приписывает свою концепцию глосса Тэлкотту Парсонсу, который никогда не писал на эту тему. См. также: **Соглашение**, **Коллапс**.

Москит. В фантастическом рассказе Эдгара Аллана По «Сфинкс» (1938) описывается гигантский

монстр жуткого вида; но при ближайшем рассмотрении перед глазами насмерть перепуганного наблюдателя оказывается слишком близко сидящая мушка. Если читать о встречах Карлоса с гигантским гнусом (K71:143—162) после ознакомления с этим рассказом По, возникает серьезное подозрение, что либо По читал Кастанеду, либо наоборот. Я благодарен Скотту Грехему за то, что он отыскал первоисточник, так как я, помня этот рассказ с 1939 года, ошибочно приписывал его перу Эмброуза Пирса.

Голдшмидт. см.: Реальность.

Горда Ультима. (Анайя, 1972) — старая *знахарка*, несколько зловещая с виду; ее подозревали в ведьмовстве. Она научила магии мальчика, который во взрослом состоянии описал свою жизнь от первого лица. Свое знание целительница получила от великого врачевателя, которого называли «Летающим человеком». Когда убили ее соратницу-сову (*тональ*), Горда умерла. Всю ночь вокруг ее дома рыскали животные, которые стремились разрушить целительные чары; с крыши доносилось тяжелое уханье. Несмотря на то что ее настоящее имя было Ультима, Горду называли «ла Гранде» — «Великая», что свидетельствовало об уважении. + Прекрасная собой юная ведьма по имени Елена (K77) обучила магии подростка-Карлоса, который выступает рассказчиком от первого лица. Она получила свое знание от великого колдуна, который умел летать. Елена рассказала Карлосу, что лечение ослабляет знахаря (K77:218) и что маги не умирают (K77:281). Что-то вокруг дома издавало звуки и ломилось в дверь (K77:163); на крыше слышалось постукивание (K77:242). Несмотря на ее имя, ведьму называли «ла Горда» — «Толстуха» — этим когда-то презрительным прозвищем ее называли, когда она весила двести двадцать фунтов (K77:54,121).

Голднер. см.: Остановка.

Тыква. «Кроме того, оленью мошонку используют для того, чтобы прикрывать сделанную из высушенной тыквы табакерку, которую носят на поясе старые, более опытные пейотерос... Использование... священного табака... очевидно, является исключительной прерогативой мужчин... Женщины не охотятся и не используют предметы, сделанные из оленя» (Майерхофф, 1968:244; 1974:204). «У Рамона не было табакерки из сушеного плода тыквы, поэтому свой запас табака он носил на шее в маленьком шерстяном мешочке, таком же, как те, которые носят на поясе... только гораздо меньшего размера» (Майерхофф, 1968:147; Майерхофф, 1974:126; см. также Фюрст, 1972:176—177). + Донья Соледад рассказывает Карлосу о том, как дон Хуан попытался воспользоваться своим *гуахе*, или табакеркой из высушенного плода тыквы, чтобы представить ее Мескалито (который являлся табакеркой для дона Хуана), однако Мескалито отверг донью Соледад, поскольку она была пустой женщиной (K77:41—42); она также говорит, что табакерка из тыквы висит на поясе у дона Хуана и в ней находятся его союзники, которых «выкуривают» оттуда (K77:55); эта тыквенная табакерка «действует» на женщин, пугая их до тех пор, пока они не подчинятся (K77:55). От ла Горды Карлос узнает, что для управления сверхъестественными силами «нам нужен особый сосуд — нечто вроде высушенной тыквы, наподобие тех, которые я [Карлос] видел на поясах у дона Хуана и дона Хенаро» (K77:144). Ла Горда рассказывает, что маги держат своих союзников в крошечных тыквенных сосудах. У дона Хуана была крошечная бутылочка из сушеной тыквы размером с большой палец; у нее даже было горлышко. Сама ла Горда никогда не видела ее, потому что «к поясу обычно прикреплено множество таких бутылочек. Но даже если ты будешь специально всматриваться, собираясь отыскать бутылочку, ты ничего не увидишь» (K77:149—150). Я даже затрудняюсь сказать, какие выводы сделали бы на основе этого сторонники Фрейда. На мексиканском сленге *гуахе* обозначает глупого человека, «тыквенную голову»; вероятно, Мескалито (который «был» для дона Хуана табакеркой из тыквы) теперь всего лишь глупый пейотеро, которого Кастанеда со своим гораздо более тонким оккультизмом оставил далеко позади.

Говинда. см.: Стирание, Походка.

Стражник. «Сила испытывает веру новичка и определяет, тот ли он человек, через которого она может работать. Ужасные животные стерегут врата, через которые проводят новопосвященного» (Оплер, 1941:204). + «"Скоро мы узнаем, чего ты стоишь", — загадочно сказал он» (K71:139). «В определенный момент я смогу увидеть стражника из другого мира... гигантское животное-монстр» (K71:143—144).

Гурджиев. см.: **Сталкинг-б.**

Харнер-а. «Он должен никому не говорить, что обрел такую [защищающую его] душу, иначе она опустошит его» (1962:261). + «Покровитель принял тебя, [но] ни его имя, ни его отношения с тобой не должны быть известны ни одному живому существу» (K68:109—110).

Харнер-б. «Когда... шаман бросает [магический дротик], он проникает... в тело жертвы и она погибает в течение нескольких дней или недель» (1963:106). + «Объекты... пропитанные силой... сделанные для того, чтобы убивать, чтобы их бросали... проникая в тело человека, могут убить его... он умрет через три месяца» (K68:7—8).

Харнер-в. Шаманский дротик, удерживаемый во рту, принимает в себя магическую силу, которую шаман высасывает из тела раненого; не будь этой стрелы, «это проникло бы в желудок шамана и убило бы его» (1963:110—111). + «Брухо (колдун (исп.). — Прим.перев.) может успешно высосать из тела застрявший стержень; но если у брухо не хватит сил, чтобы потом выплюнуть этот стержень, тот войдет внутрь и убьет его самого» (K68:8).

Харнер-г. Душа старого Хиваро «входит в тело спящего и проникает в грудь» (1962:261). + «Он сказал, что я не должен сопротивляться желанию заснуть... «Войди в мою грудь», — услышал я его слова и почувствовал, как заполняю его» (K68:100).

Харнер-д. «Настоящая душа затем превращается в водяной пар... и с этой поры вечно пребывает в форме тумана» (1962:267). + «Я видел, как его собственная жизнь распадается, бесконтрольно распространяясь за его пределы, наподобие туманного облака из кристаллов» (K71:113).

Харнер-е. «Шаман... посылает к дому жертвы [магических птиц]... чтобы те напугали жертву... [сделали] ее беспокойной и безумной; вскоре после этого наступает смерть» (1963:107). + «Перед ним стоял «черный дрозд»... Тон дона Хуана стал почти патетическим... он подтвердил... что день, когда она снова мелькнет рядом с ним, станет его последним днем на этой земле» (K71:246),

Харнер-ж. «Шаман... пробирается в лес, чтобы выследить и убить птицу» (1963:113). + «Мне пришлось спрятаться за фасадом дома и дожидаться, пока черный дрозд не сядет на крышу; а затем... пальнуть из обоих стволов» (K71:247).

Харнер-з. «Жертве никоим образом не дают знать, что кто-то колдует над нею» (1963:106). + «Внимательно выслушав все подробности, дон Хуан пришел к выводу, что я страдаю от потери души» (K68:131).

Харнер-и. «Шаманы... специализирующиеся на колдовстве, стараются похитить (arutam?) душу предполагаемой жертвы прежде, чем убить саму жертву с помощью колдовства» (1962:263). + «Он сказал, что... теперь меня действительно заколдовали... у него не было никакой конкретной идеи относительно того, кто именно украл мою душу, но кто бы это ни был; он несомненно намеревался убить меня» (K68:132).

Харнер-к. «Шаман, который исцеляет, «видит» того шамана, который наслал порчу на пациента» (1963:114). + «Он уходил, чтобы посмотреть, кто же украл мою душу» (K68:132). См. также: **Душа.**

Харнер-л. «Обычная жизнь в состоянии бодрствования для Хиваро — просто «обман», или иллюзия» (1968:28). + «*Делание* лживо, нереально» (K72:239).

Харнер-м. «Особый кристалл кварца [дротики из него]... чрезвычайно смертоносен» (1972:154—155). + «Кварцевые кристаллы, сила [которых] выходила за рамки понимания... брошенные, чтобы убить... проникали... а затем возвращались в руку владельца» (K72:244—245). У Элиаде (1964:47, 50, 52н, 125, 339, 350) кристаллы кварца упоминаются в качестве лечебного средства, но не как оружие.

- Харнер-н.** «Когда ребенок проявляет неуважение к своим родителям, [дурман] повергает его в состояние транса; при этом ребенок видит сверхъестественный мир, [в котором] он обнаруживает, что [требования родителей в реальной жизни] справедливы. После этого ребенок проявляет меньше неуважения» (1972:90. См. также: 134). + «Если бы твой друг был воином, он бы помог своему ребенку [который не правильно ведет себя] *остановить мир*... дабы изменить его представление о мире» (K72:10—11).
- Харнер-о.** «Отец подводит [своего маленького сына] к трупам... и заставляет его выстрелить в тело, помогая сыну держать оружие» (1972:113). + «Он должен привести своего сына и показать ему мертвого ребенка... [и] позволить ему прикоснуться к телу» (K72:12).
- Харнер-п.** В отношении пунктов -м, -н и -о следует заметить, что Кастанеде нужен был бы доступ к идеям. Харпера за несколько месяцев до того, как книга Харнера была опубликована в 1972 г.; однако оба писателя дружили, начиная с 1963 года (Стайн, 1975).
- Харнер-р.** «Я тщательно ознакомился с публикациями Кастанеды. Я знаю его самого на протяжении полутора десятков лет и мне неизвестно никаких доказательств относительно того, что он заимствовал материал из моих работ» (Харнер, 1978).
- Харнер-с.** «Иногда казалось, будто человек превращается в рыбу: тогда, вытянув руки вперед, он плыл по Земле; иногда он как бы подпрыгивал, чтобы затем вновь нырнуть» (Г. Б. Порта, «Природная магия», процитировано Харнером, 1973:142). + «Он как бы нырнул назад... и приземлился на грудь и руки... Он скользнул всего в нескольких сантиметрах от земли... или плыл над ней, [наподобие] ужа, плывущего в океане» (K74:284).
- Рай.** Нередко говорили, что грибы «перенесут тебя туда, где обитает Бог» (Уоссон и Уоссон, 1957:294). + «Скажи, а куда уносит тебя Мескалито?.. это что — рай?.. туда, где бог?» «Теперь ты говоришь глупости. Я не знаю, где существует бог» (K68:62).
- Человек.** «Шаман доказывает, что он... более не является человеком» (Элладе, 1964:486). + «Став магом, ты перестанешь быть человеком» (Крейвене, 1973а:97). «Дон Хуан... и дон Хенаро... потеряли свое сходство с человеком» (Уоллес, 1972:141).
- Гуссерль.** см.: Бауман, Вещь.
- Хаксли.** см.: Дверь, Видение.
- Икстлан.** Кастанеда называет дону Хенаро «индейцем-масатеком» (K71:30; K74:187, 245), а дон Хенаро сообщает другим индейцам, которых он принимает за масатек, что собирается «вернуться домой, в Икстлан» (K72:307). Дон Хуан говорит: «Хенаро оставил в Икстлане свое сердце: там его дом, его народ, все то, о чем он заботился» (K72:314). Таким образом, достоверно установлено, что доп Хенаро является индейцем-масатеком, который однажды поселился среди соплеменников в месте, которое называется Икстлан. Однако, у масатек нет Икстлана (но есть Икскатлан); местечко Икстлан-де-Хуарес, расположенное недалеко от Валье-Насиональ, населено сапотеками; немного далее можно найти не принадлежащие масатекам поселения Икстлан-дель-Рио и Икстлан-де-лос-Эрворес (Вейтлейнер и Хопп, 1969:330, 517, 524). Однако то, что Кастанеда неправильно выбрал родину для дон Хенаро, тем не менее не является бездумной ошибкой — это сознательное упрямство. В своем письме от 4 октября 1968 года Уоссон предупреждал Кастанеду, что масатеки не живут в Валье-Насиональ, но Кастанеда пренебрег этим предупреждением. Почему? В диссертации Фюрста, которую он защищал в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе (1966:34 и далее), многократно упоминаются гончарные изделия «из Икстлана» — классические керамические фигурки из Наярита, ассоциируемые с городком Икстлан-дель-Рио. Постоянное повторение этого названия товарищем-студентом и потенциальным интеллектуальным соперником, вкупе с ассоциативной параллелью *Ацтлана* — мифического города ацтеков (см. ЗДХ: глава 32), вероятно, сделали это слово неотразимым для Кастанеды.
- Хуан де Ла Крус.** В июне 1973 года (см. примечания к ЗДХ: глава 3) Мэри Дуглас отметила сходство дон Хуана с Хуаном де Ла Крусом. Шестнадцать месяцев спустя на фронтисписе «Сказок о силе» появилась цитата из Сан-Хуана де Ла Круса (K74:7; изложено в ПК:146—152).
- Прыжок.** «Чтобы описать только что сделанное кем-либо... нужно комментировать каждый его шаг.... Но само действие комментирования не является (да и не может являться) тем шагом, к

которому сделан собственно комментарий... Само- комментарий логически обречен на то, чтобы вечно оставаться предпоследним... Он никогда не преуспеет в том, чтобы прыгнуть в тень от собственной головы, но все же ему не хватает лишь одного прыжка» (Гилберт Райл, «Концепция Разума», Барнс и Ноубл, 1949:195—196). + «Слово никогда не достигает нас в своем непосредственном виде, между ним и нами стоит его описание... мы всегда отстаем на один шаг... Мы всегда позади на один прыжок» (K74:53— 54). См. также: **Воспоминание**.

Келли. см.: Моисей.

Клювер. см.: Пропать, Животное, Грибы.

Коблер. см.: Каталина, Плотина, Тибетский, Деревянность.

Кришнамурти. см.: Внимание, След.

Лестница. «Мои предложения в определенном смысле служат откровениями: каждый, кто меня понимает, постепенно признает их бессмысленными по мере того, как пытается использовать их в качестве ступенек, чтобы забраться выше моих предложений. (Забравшись наверх, он, так сказать, вынужден оттолкнуть лестницу, по которой поднялся.) Он должен выйти за пределы этих предложений — и только тогда начнет правильно воспринимать мир» (Виттгенштейн, «Трактат», 6.54). + «Мы не будем обсуждать дилемму твоего *разума*... Строго говоря, они служат лишь ступенями бесконечной лестницы» (K74:107). «Кто-то по собственной воле использовал *тональ*, чтобы придать смысл собственным действиям в *нагвале*... с той лишь разницей, что [в *тонале*] эти действия напоминают лестницу, в которой бессчетное количество ступеней» (K74:265).

Лэмб. см.: Кордова-Риос.

Лэнгер. см.: Коллапс.

Слева-а. «Невидимый противник... всегда находится слева... правая сторона обычно является стороной жизни, а левая — смерти» (Фюрст, 1965:45, 60; 1966:355, 388). + «Смерть... всегда находится слева от нас» (K72:54). См. также: **Воин**.

Слева-б. «Обратите внимание на неодинаковое расположение глаз (левый глаз ниже правого), характерное для всех статуэток из Колимы» (Фюрст, 1965:36). + «Как правило, левый глаз воина выглядит несколько странно: иногда он постоянно косит, или меньше правого, или больше, или отличается еще чем-нибудь» (K74:231).

Лейтон. см.: Размахивание руками, Билл, Резьба, Сирота.

К. С. Льюис. см.: Вращение.

Линии Мира. См. рисунок М.К. Эшера, Каталог 1968 г. N 30, «Россано, Калабрия, 1931 г».. + «Я увидел “линии мира”» (K72:298). Рисунок Кастанеды; Меган и Вуд (1975, фронтиспис), чтобы проиллюстрировать свойство рефлексивности (отражения) в этнометодологии, воспроизвели рисунок Эшера, на котором изображены руки, взаимно рисующие друг друга.

Ящерица. «Колдун, который задумал напустить на врага смерть или болезнь, мог... взять жабы, сшить ей с помощью древесных шипов глаза и пасть, связать лапки и закопать в месте, где предположительно должен был присесть недруг. Считалось, что страдания жабы при этом передаются врагу» (Роу, 1946:314). + «Пасть ящерицы была проколота и сшита грубыми колючками, а глаза сколоты вместе» (K68:78). «Зашей ей пасть. Для этого возьми волокна агавы и шип от чойи. Хорошо стягивай стежки» (K68:80; см. также K68:78—86, 113—117; ПК:41—43; ЗДХ: последнее примечание к главе 5).

Лопес-Поргильо. см.: Дон Ку.

Светящийся-а. «Его глаза светились желтым пламенем» (Суэйн, 1963:241). + «Его глаза превратились в два огромных зеркала и напоминали глаза тигра» (K74:256).

Светящийся-б. «В ее глазах сверкнуло пламя, которое, казалось, осветило всю ее голову (Суэйн, 1963:224). + «Станный, светящийся объект передо мной должен был быть лицом дона Хуана... наконец свечение пропало и лицо вновь стало из плоти и крови» (K71:192). См. также: **Яйцо**.

Человек знания. Р. К. Уайт (1957) из Калифорнийского университета Лос-Анжелеса рассказывал, как «люди знания- силы» достигают мастерства, «собирая» знание и невидимую, опасную, но столь желанную силу, которая существует везде и во всяких проявлениях; эта сила должна использоваться «в точном соответствии с ее конкретной природой». Ее можно обрести через

«обучение, собственный практический опыт либо с *помощью сновидения*». «Некоторые рождаются с нею; другие принимают ее неохотно. Кое-кто закрывает пробкой «мировой «бассейн» знания», чтобы завладеть сверхъестественной силой; как бы страшно им не было поначалу, они должны отказаться от этого страха, если хотят преуспеть. Учитель, посвящающий молодых воинов, выступает «попеременно шутником и педантом». См. также ЗДХ: глава 40.

След. «Прелесть свободы в том, что не остается следов. Летящий орел не оставляет следов» (Кришнамурти, 1971:11,2). + «Охотник бережно использует свой мир... Затем быстро удаляется, не оставляя практически никаких следов» (K72:95). Соответствие замечено Горманом (1978:171).

Механизм. «Механизм достижений профессионалов глосса описывается... как механизм членов сообщества» (Гарфинкель и Сакс, 1970:361). + «В том, что касается поисков его учения, я не думаю, что смог бы. Я искренне полагаю, что не обладаю механизмом» (Рожак и Кастанеда, лето 1968). «Я добился *членства*» (K72:14). См. также **Делание**.

Мескалито. Круглоголовый, весь в зеленых бородавках, с телом, как молоток для крикета, голосом, напоминающим звучание хора, и руками, как у героев мультфильмов, — Мескалито, этот сверхъестественный персонаж, появляется после того, как Карлос употребляет пейот; Мескалито рисует ему блестящее, но загадочное будущее. В соответствии с индейской традицией, дон Хуан не отличает кактус-пейот от учителя и покровителя, возникающего при употреблении этого кактуса. «Ты действительно научишь меня обращаться с пейотом?» — восклицает Карлос. «Я предпочитаю называть его Мескалито», — отвечает дон Хуан (K68:19). Через месяц (K68:21—23) один из индейцев — друзей дона Хуана протягивает Карлосу нечто, называемое одновременно *пейот* и *мескаль*; Кастанеда должен жевать это. Но ведь пейот — не одно и то же с мескалем; индейцы (особенно люди знания, такие, как дон Хуан) знают это. В книге «Культ пейота» (1975:14—15) Уэстон ла Барр перечисляет два десятка индейских названий пейота; но среди них нет слова *мескаль*. Первоначально мескалем называли агаву из Науатля — *мекскалли*, — из которой индейцы доколумбовой эпохи готовили пиво. Испанцы, которым к спиртному было не привыкать, занялись перегонкой индейского пива и получили напиток, который они называли «мескаль»; цена алкоголь выше любых других веществ, одурманивающих разум, испанцы по ошибке присвоили то же имя двум совершенно непохожим растениям, которыми пользовались индейцы. Эти два растения вызывали галлюцинации, причем одно, под названием *Sophora seamediflora*, плодоносило красными бобами и было весьма ядовито; вторым растением оказался более благородный кактус пейот. Джереми Бигвуд и Джонатан Отт (чья книга сейчас готовится к печати) отмечают, что немецкий ученый по имени Хеффтер в свое время выделил из пейота алкалоидную составляющую в кристаллическом виде; в 1896 году Хеффтер повторил ошибку средневековых испанцев, назвав полученное вещество мескалином. Поскольку Кастанеда признал, что прочел «Культ пейота» еще до начала ученичества (Кин, 1972:92; 1976:77), можно быть уверенным: он знал, что пейот и мескаль — не одно и то же. Почему же архетип индейского мудреца у Кастанеды называет пейот «дорогим маленьким мескалем» — именем, от которого пахнет старым испанским провинциализмом? Думается, по той самой причине, по которой он называет дурман вонючий *ла йерба дель дьябло* («дьявольская трава»), а галлюциногенные грибы — *онгитос*, или *умито*, то есть исключительно по-испански (сравн. ПК:172—174), а именно: если бы в повествовании проскочили индейские названия, то манера дона Хуана исключительно на испанском оказалась бы под вопросом. При этом Кастанеде пришлось бы брать на себя ответственность за довольно обширный индейский вокабуляр — а он был совершенно не намерен заниматься этим. См. также: **Пейот**.

Мескалито-б. О. К. Стюарт (1979—1980:283—284) говорит, что мескаль и пейот «никогда не смешивались ни в мозгу, ни на языке у испанцев, индейцев и мексиканцев... Сама ошибка возникла в Соединенных Штатах, распространилась оттуда в Европу, а затем вернулась обратно... Наибольший вклад в распространение этой ошибки в наши дни сделал Карлос Кастанеда, который в своих популярных романах утверждает, будто мексиканские индейцы яки присвоили сверхъестественной силе кактуса пейот имя *Мескалито*». Джон М. Дедрик —

переводчик «Нового Завета» на язык индейцев яки — пишет в своем письме от 7 марта 1981 г.: в одной из областей юга Соноры (Дедрик жил там некоторое время) название *мескаль* чаще применяется не к алкогольному продукту, полученному методом перегонки, а к стволам агавы, запеченным в ямах, вырытых в земле. Собственно индейцы яки называют эту пищу *ку'у-баки* — «агава тушеная»; местные же мексиканцы предпочитают называть это *гомескаль*.

Метафора. «Во время охоты на пейот главные символы превращают воображаемую жизнь в реальную... Вирикута — это не воображаемое место. Паломникам нет нужды ехидно спрашивать, как оно выглядит; [вместо этого они могут] собственными глазами наблюдать, как окружающий мир становится светящимся, полным магических животных, растений и цветов» (Майерхофф, 1974:263; 1968:306). + «Я всегда верил, что о тонкой разделительной черте между миром, воспринимаемым средним человеком, и другим миром, который воспринимают маги, он говорил в метафорическом смысле... однако Ла Горда и сестрички превратили мои неясные метафоры в реальные возможности. С помощью энергии своего «сновидения» Ла Горда на самом деле пронесла нас по воздуху добрую половину мили» (K77:270—271). См. также: **Сестры**.

Умеренность. «Один из искателей *икури* только что заметил порядочный кусок и не хотел оставлять столь ценную находку. Рамон упрекнул его: «Наши переметные сумы уже наполнены. Не следует брать больше, чем необходимо». Если бы кто-нибудь сделал это... Старший Брат оскорбился бы» (Фюрст, 1972:180; Лекция в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе, весной 1970 г.). + «"Двоих для нас достаточно", — сказал он и отпустил остальных трех... Я в шутку произнес... что с удовольствием зажарил всех пятерых... «Если ты [сделаешь это], мы вряд ли уберемся отсюда целыми и невредимыми», — [сказал он]» (K72:83—84,94).

Моисей. см.: **Знаки, Время**.

Разминание. «Сопровождающий укладывает девушку вниз лицом... и «разминает» ее... пока она не придет в доброе расположение духа и не станет хорошей» (Оплер, 1941:98). + «Обычно он заставлял меня лежать раздетым на скале» (K77:154). «Своими руками мы можем разминать все, что угодно... Группа *тоналей* может разминать все» (K77:141). «Дон Хуан сказал мне, что собирается размять меня перед полетом» (K74:183; см. также: K74:205).

Монро. Роберт А. Монро предложил модель психоделических исследований без применения наркотических препаратов. *Сновидение* Монро было впервые зафиксировано Пухаричем (1962:66—92) как «Дело Боба Рейма». «Рейм» стал первым, кто испытал ощущения вне тела при вдыхании эфира (1962:70). В книге «Путешествия вне тела» (1971:28) Монро описал аналогичные ощущения, испытанные без применения эфира. Через год было опубликовано «Путешествие в Икстлан», в котором история дона Хуана рассказывалась заново, но в ней уже не фигурировали галлюциногенные растения. Глава из книги Монро, называвшаяся «Сексуальность во Втором Состоянии» послужила идеей для развития темы сексуальности во «Втором кольце силы»; особенно это касалось освобождения от физической и эмоциональной близости с женщинами—членами семьи ради того, чтобы испытать редкостное ощущение соития и единения с трансцендентальными женскими сообществами во время путешествия в отдельной реальности в процессе сновидения. Карлос отрицает любовь и половое влечение (K77:13—35,110—111), предпочитая им бесполоую близость (K77:97,133,145,165,238,263), которая переносит его в иной мир (K77:163—164,302—307; см. также K77:61,84,87—88).

Мотылек. «Большой какого-то серого оттенка... *Паломета* опустилась на борт катера. Стоявшие на палубе увидели ее, но не произнесли ни слова. Вокруг царила тишина. Когда она вновь поднялась в воздух, мне сообщили, что появление *палометы* предвещает близкую смерть» (Орона, 1968:240—241). + «Подлелевавшее к нам насекомое оказалось мотыльком... Знание — это мотылек» (K74:25). «То был мотылек... Но что ты, не волнуйся так... воин заранее считает себя мертвым, так что ему терять нечего... Мотыльки — глашатаи, или лучше сказать стражники вечности» (K74:35). Анджело Орона и Кастанеда вместе учились в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе; оба они с благодарностью принимали помощь Лоуренса Ватсона. Как и легендарный Карлос, Орона говорил не только по-английски и испански, но также знал итальянский. В главной публикации номера журнала «Тайм» (5 марта 1973:37), опубликованной в то время, когда Кастанеда писал свои «Сказки о силе»

(К74), помещена фотография Карлоса, закрывающего нижнюю часть своего лица диссертацией Ороны.

Материнство. В октябре 1976 года я сказал (ПК:8—9,86), что непосредственным предшественником книг о доне Хуане является произведение Джорджа Макдональда «Лилит»; но цитата из тридцатой главы «Лилиг» опередила время на добрых тринадцать месяцев: «Она боится, а следовательно, и ненавидит свое дитя, она... идет к тому, чтобы убить девочку. В ее понимании рождение детей означает смерть их родителей, и каждое новое поколение является врагом предыдущего. Ее собственная дочь кажется ей открытым каналом, через который ее бессмертие... быстро истекает; чтобы вновь наполниться бессмертием, она с самого рождения дочери относилась к ней с крайней враждебностью». + В ноябре 1977 года Кастанеда ответил мне такими словами: «Любому известно, что ты пуст... Просто дырка от бублика» (К77:95). «Завершенным человеком может считаться тот, у кого никогда не было детей» (К77:118). «Когда у человека рождается ребенок, этот ребенок начинает угрожать его духу» (К77:130). «Маг, который оказался пустым, должен восстановить свою завершенность... должен хитростью вернуть себе отнятый у него дух» (К77:132). «К счастью для Соледад, ее дочь умерла... Теперь [она надеется, что ее сын] Паблито тоже умрет» (К77:234). Паблито говорит: «Никому бы не понравилось, если бы его собственная мать гонялась за ним с топором» (К77:184). Соответствие отмечено Колином Мак-Дауэллом.

Гриб. «Нарисованная голова превратилась в гриб» (Клювер, 1928:27). «Доктор Б. назвал мне нескольких человек... которых я должен был мысленно представить. Вскоре после этого стоящие фигуры этих людей появились в воспринимаемом пространстве... некоторые из них... казалось, были совершенно нормального роста» (Клювер, 1928:53). + «Объект, напоминавший гриб, продолжал находиться в моем поле *видения* без всяких изменений... «Что я *увидел?*» — спросил я. «Своего друга», — откликнулся он» (К74:39). «Дон Хуан потребовал, чтобы я продолжал «вызывать» друзей» (К74:41). «"Последним, кого ты должен вызвать, будет Хенаро"... И дон Хенаро — собственной персоной! — тут же оказался передо мной» (К74:43).

Майерхофф. см.: **Кресло, Городской житель, Доверие, Опасность, Олень, Тыква, Метафора, Умиротворение, Кролик, Богатый, Ловец Духов, Сталкинг, Вещь, Толтеки, Водопад, Свист, Женщины Ветра.**

Мистицизм. см.: **Союзник, Внимание, Осознание, Вне пределов, Границы, Дверь, Яйцо, Стирание, Вечность, Походка, Хуан де ла Крус, Лестница, След, Нагваль, Пирс-з,-и,-к, Видение, Я, Тональ, Свидетельствование.**

Нагваль. «Нагваль — это особого рода превращение человека в животное; этим термином пользуются при определении колдуна» (Адамс и Рубель, 1973:336; см. также Фостер, 1944). + «"Нагвалем"... называли животное, в которое, по слухам, могли превращаться маги; этим же именем называли мага, вызвавшего подобное превращение» (К74:121). Это антропологическое определение, предложенное Карлосом, дон Хуан называет «совершенной чепухой», продолжая наделять термин мистическим смыслом. «*Нагваль* — часть нас самих, с которой мы вообще не общаемся... для которой нет описания... [она] никогда не кончается... не имеет пределов... и является единственной частью нас, которая способна творить... Это лишь отражение неопишуемой пустоты, которая содержит в себе все сущее» (К74:126,141,271; см. также ПК:117—118). В дальнейшем появляются объяснения *нагваля* как человека (К77:69), вещества (К77:88,219), восприятия (К77:220), места (К77:261). См. также: **Бауман, Пирс-е,-ж, Стол, Тональ.**

Петля. «В действительности правильный метод в философии должен выглядеть следующим образом: не говорить ничего, за исключением... предложений природной науки... а затем, когда кто-нибудь захочет высказать нечто метафизическое, продемонстрировать, что ему не удалось придать значение определенным знакам его предложений. *...именно этот* метод может быть единственно правильным» (Виттгенштейн, «Трактат», 6.53). + Карлос зачитывает дону Хуану «немножко лингвистической философии Людвиг Виттгенштейна», на что тот говорит: «Твой друг Виттгенштейн настолько сильно стянул петлю на собственной шее, что теперь он не сможет никуда податься» (Кин, 1972:95; 1976:79).

Не-делание. Бойд (1973,1976) обнаруживает сходство между буддизмом и «хуанизмом» — особенно

в том, что касается буддистского принципа «действия в недействии» и «неделанием» у дона Хуана (K71:266—272; K72:219—254). См. также: **Делание**.

Оплер. см.: **Костер, Враги, Метеоризм, Жест, Стражник, Разминание, Место, Сила, Правило, Солнечные лучи**.

Порядок. «Даже ребенок может разговаривать на самом трудном языке с идиоматической легкостью, но... чтобы определить собственно элементы этого невероятно тонкого лингвистического механизма, являющегося лишь игрушкой детского подсознания, необходим невероятно аналитический склад ума» (Сепир, цитируется по книге Мандельбаума, 1949:549; см. также Гарфинкель и Сакс, 1970:359). + «Уже самый факт того, что мы думаем и говорим, указывает на порядок, которому мы следуем, не понимая ни то, как мы это делаем, ни сущность самого порядка» (K74:270).

Орона. см.: **Мотылек**.

Сирота. «Когда Грегорио было около семи лет, умерла его мать» (Лейтон, 1949:9; Рецензия Кастанеды, осень 1962 г.). + «Мексиканские солдаты убили мою мать»... «Сколько тебе было тогда, дои Хуан?»... «Около семи лет» (K71:167).

Внетелесное. см.: **Монро**.

Пирс. Источником во всех статьях под этим названием является популярная книга по философии «Трещина в космическом яйце», написанная Джозефом Чилтоном Пирсом и опубликованная в начале 1971 г. Поскольку девятая глава книги Пирса озаглавлена «Дон Хуан и Иисус», можно предположить, что Кастанеда ознакомился с книгой, как только она была написана.

Пирс-а. «Поза, которую во Время Сна принимает [австралийский абориген-охотник] является весьма точной и определенной... Он часами стоит на одной ноге, сохраняя совершенную неподвижность» (120). + «Он сказал мне, чтобы я стоял неподвижно, вытянув вперед правую ногу, как при ходьбе... Ноги гудели от напряжения; ягодицы ломило. Это была какая-то поза агонии» (K72:177).

Пирс-б. «Он знает, когда съедобные животные из его тотема находятся поблизости, даже если гора препятствует ему увидеть их» (120). + «С того места, где я стоял, я мог совершенно четко видеть большой, пышный зеленый куст», который находился «на противоположном склоне горы... вне поля моего зрения» (K72:177—178).

Пирс-в. «Вознаграждение, получаемое аборигеном от Времени Сна, было куда большим, чем... награды из мира «нереальных людей»... Чужаков здесь называли «нереальными», поскольку они не разделяли взглядов аборигенов на окружающую реальность» (123—124). + «Они были людьми, [но] уже «нереальными»» (K72:311). «Ты — фантом. Твои чувства... человеческие чувства» (K72:312). Прежде чем Кастанеда прочел Пирса, дон Хуан разделял людей и союзников, но и тех и других он считал «реальными» (K71:52).

Пирс-г. «Эта психическая деятельность... направляла его жизнь по все более новым и широким путям. Он стал полностью непредсказуемым» (149). + «Охотник... не имеет жестко заданной последовательности... он свободен, подвижен, непредсказуем» (K72:100).

Пирс-д. «Открываясь к всеобщей деятельности мозга» (175). + «Достигая своей всеобщности» (K74:13).

Пирс-е. «Мы *должны*... добиться равновесия между способами мышления» (174). + «Одна половина пузырька является конечным центром разума... Вторая представляет собой конечный центр воли... Вот тот порядок, который должен главенствовать» (K74:248).

Пирс-ж. «Происходит подчинение, наподобие того, когда «ребенок» подчиняется отцу — личности, отдавая всю свою уверенность и доверие, на которые он только *способен*... по определению... чтобы потом получить все это обратно, но уже в большем масштабе» (164). + «Дон Хенаро... высказал удовольствие от того, что я... нахожусь под его защитой» (K74:197). «Дон Хенаро... вновь сделал его ребенком» (K74:224). «Задача благодетеля в том, чтобы раскрыть пузырек... Как только печать окажется сломанной, воин... обретает способность управлять своей целостностью» (K74:248). См. также: **Внимание**.

Пирс-з. «Мы... систематизируем и упорядочиваем наш расчищенный участок в лесу... Но природа *темного леса* — это действительно загадка» (17). + «*Тональ* напоминает крышку этого стола. Это остров» (K74:125). «*Нагваль*... окружает этот остров» (K74:127). См. также: **Стол**.

Пирс-и. «Нам кажется, что наш расчищенный участок в лесу — это все, что мы имеем (18). + «Тональ — это все, что мы знаем... все, что видит наш глаз» (K74:123—124).

Пирс-к. «Просвет расчищенного участка все еще определяет для нас то, что мы видим в темном лесу» (118). «Действительно, в глубине мрака может вообще не быть деревьев. Лес может обретать формы, а деревья — расти в соответствии с тем светом, который излучает на лес наш разум» (17). + «Тональ... формирует мир, потому что он осознает и оценивает мир в соответствии с правилами тоналя... Тональ создает те правила, по которым он же и оценивает мир. Следовательно, он в определенном смысле создает мир» (K74:125).

Пирс-л. «Взаимосвязь между разумом и реальностью осознается весьма туманно... Мы представляем собой открытые возможности» (178—179). + «Насколько далеко можно зайти по тропе знания и силы — этот вопрос до сих пор остается открытым и никто не может предсказать результат» (K74:243). '

Пирс-м. «Бенджамин Ли Хорф признал куптурное *соглашение*, как внутренне сформулированное и невыраженное конкретно — но тем не менее абсолютно обязательное. Это соглашение определяет наш способ организации природы в понятия, которые и придают значение природе... Любой постулат этого соглашения впоследствии превращается в реальность... обрстая «очевидными фактами» практического опыта» (55). + См.: **Соглашение.**

Пирс-н. см.: **Коллапс, Реальность.**

Пенис. «Затем он извлек собственный пенис из коробки и обратился к нему со словами: «Мой младший брат! Ты направляешься вслед за дочерью главаря!»» (Раден, 1956:19; цитируется Р. де М. в ПК: 108,1976). + «Эй, Паблито! Расскажи Маэстро о наших двойниках!»... «Расскажи ты, Бениньо... Лучше даже покажи»... «Бениньо поднялся... спустил штаны и показал мне свой пенис» (K77:195).

Петрульо. см.: **Пейот.**

Пейот. Глоссы этого семейства почерпнуты из книги Винченцо Петрульо «Дьявольский корень», которую Кастанеда рецензировал осенью 1962 г. для сборника «Антропология 250», выпущенного Калифорнийским университетом Лос-Анжелеса.

Пейот-а. «Человек, жуящий пейот, может научиться тому, как правильно жить» (143). + «Он увязывал примеиеение *lophophora williamsii* с обретением мудрости, или познанием правильного способа жизни» (K68:7).

Пейот-б. «Способы, с помощью которых он помогает индейцам, весьма мягкие» (145). + «Мескалито... очень нежен, как ребенок» (K68:61).

Пейот-в. «Не стоит спрашивать поклонников пейота о религии; вместо этого их лучше спросить о пейоте» (v). + «Что ты меня спрашиваешь!.. Спроси его. В следующий раз, когда ты его увидишь, спрашивай обо всем, что ты хочешь узнать» (K68:65).

Пейот-г. «Пейот был доволен мною»(88). + «Покровитель принял тебя» (K68:109).

Пейот-д. «Само растение приобрело вид главаря и лекаря и начало говорить. Растением был пейот, а главаря также звали Пейот» (36). + «Я увидел человека, сидевшего на земле... Его голова в точности напоминала кактус-пейот... а голос напоминал легкое шуршание бриза» (K68:70; изложено 28 июня 1962 г.).

Пейот-е. «Затем пейот научил ее четырем оригинальным песням, которые следовало исполнять во время встречи» (36). + «Уверен: однажды он научит тебя твоим же песням» (K68:73). «Тут же я услышал песню» (K68:106).

Пейот-ж. «Ты должен постоянно концентрировать свой разум на цели, ради которой происходит эта встреча... Прежде чем идти на эту встречу, настрой свой разум на хорошую цель» (66—67). + «Когда ты задавал этот вопрос, твои мысли должны были быть сконцентрированы на нем. Именно так, с ясностью, должно происходить это колдовство... Если бы ты мог удержать хотя бы одну мысль... Лишь только твоя мысль будет сконцентрирована и перестанет отвлекаться на другое» (K68:84—84).

Пейот-з. «Пейот также задает свои вопросы, создавая для тебя видения. Он спрашивает тебя, что ты хочешь узнать» (67). + «Затем я услышал это в виде музыки или мелодии голоса, и в тот момент я «знал», что он спрашивает: “Чего ты хочешь?”» (K68:70; изложено 28 июня 1962 Г.).

Пейот-и. «Они не знают, чего хотят» (67). + «Спрашивая Мескалито, я слишком боялся вопрошатьв

точности про желаемое»(K68:73).

Пейот-к. «Неожиданно я услышал жужжание. Оказалось, что оно исходит с крыши дома, в котором происходила встреча... Жужжание почти достигло моей макушки; возникло ощущение, будто меня вот-вот ужалят в макушку... Я заметил, что звук изменился: теперь он напоминал жужжание пчелы, которая собирается ужалить меня в голову» (72—73). + «Мне послышался шум, который напоминал жужжание в ушах... Этот шум мне напомнил один научно-фантастический фильм, в котором из зоны радиоактивного заражения вылетела гигантская жужжащая пчела... образ гигантской пчелы вновь преследовал меня» (K68:67—68; изложено 28 июня 1962 г.). (Относительно жужжания при встрече с пейотом — см. K71:71.) \

Пейот-л. см.: Мескалито.

Место. «В сверхъестественном доме силы... Для шамана «священный дом» имеет громадное религиозное значение. Он описывает красоту и чудеса этого дома... Если шаман чувствует, что сила им не довольна или опустошает его, он отправляется в это место, чтобы помолиться и получить некий знак одобрения... Здесь ему открываются песни, молитвы и ритуальные движения для церемонии» (Оплер, 1941:204—205). + «Бесконечная равнина, простиравшаяся к югу, выглядела поистине величественно. «Запомни все это хорошенько», — прошептал мне на ухо дон Хуан... «Ты до конца жизни можешь пользоваться... вершиной этой горы... Это — то место, где ты встретишься с силами и где однажды тебе откроются тайны»» (K72:182—184). «Я бы серьезно заболел, если бы не отправился на мое «предпочитаемое место», чтобы очиститься и восстановиться... Мы вышли засветло... Успокаивающее ощущение мира и изобилия, которое я испытал в этом таинственном месте» (K72:219—220).

Растения. «*Икури* никогда не выкапывали бездумно... Собиратель *икури* обращался к растению аккуратно и уважительно, успокаивал его, благодаря за то, что оно позволило увидеть себя; собиратели называли *икури* разными ласковыми именами, извинялись перед ним за то, что отрывают его от родного дома» (Фюрст, 1972:180; лекция в Калифорнийском университете весной 1970 г.). + «Встав перед ним на колени, он начал ласкать его, разговаривать с ним... Он бормотал всякую чушь... Он объяснил, что человек, собирающий растения, должен извиняться каждый раз за то, что забирает растения с их родного места» (K72:42—43). См. также: **Бин-г, Умиротворение.**

Платон. см.: Вспоминание.

По. см.: Гнус.

Сила-а. «Сила опасна, если вы пытаетесь использовать ее, но не знаете, как это делается. Тогда вы можете сойти с ума, прыгнуть в огонь, броситься со скалы, смертельно пораниться или вообще потеряться, заблудившись в горах» (Оплер, 1941:207). + «Сила обладает разрушительным потенциалом, который может легко привести к смерти и требует крайне осторожного обращения» (K72:133).

Сила-б. «Через многие годы сила потребует у некоторых шаманов, чтобы те принесли в жертву несколько своих лучших друзей или самых любимых членов семьи» (Оплер, 1941:208). «Иногда сила призывает их принести в жертву своих близких — и они подчиняются ей» (Оплер, 1941:255). + «Он [дон Висенте] лично не причинит вам никакого вреда. Но знание — сила, и как только человек встанет на тропу знания, он не может нести ответственность за то, что произойдет с теми, кто общается с ним» (K71:47).

Сила-в. см.: Человек знания.

Посас. см.: Лицо.

Умиротворение. Так как учили верят, что «в самом начале» люди и животные были одной крови, то охотник объясняет своему «брату» — убитому зверю, почему ему пришлось погибнуть (Майерхофф, 1968:34; 1974:58). «Охотник должен поговорить с умирающим оленем, чтобы успокоить и умиротворить его дух» (Майерхофф, 1968:103). «Каждый по очереди похлопывает его, благодаря за то, что он разрешил поймать себя... зверь — брат человека, добровольно приносящий себя в жертву охотнику» (Майерхофф, 1968:182—183). + «Сегодня мы поймали небольшую змею. Мне пришлось извиниться перед ней за то, что я так неожиданно оборвал ее жизнь... змеи и мы — братья» (K72:77). См. также: **Бин-г, Растение.**

Защищенный. «Несмотря на то что шаман училей обыкновенно достаточно силен, чтобы победить

магические чары врага... В определенные дни... шаману благоразумнее тихо сидеть дома и не пытаться применять свои сверхъестественные способности, если только это не будет продиктовано неожиданностью, нападением или прямым вредом... одна из главных обязанностей жены шамана заключается в том, чтобы ограждать тыл мужа от подобных нападений» (Фюрст, 1965:68; 1966:404—405). + «Сегодняшнее утро — плохое время для магов... ты слишком слаб, чтобы покидать мое жилище. Внутри ты вполне защищен. Если бы тебе довелось бродить по окрестностям... союзник мог бы легко убить тебя прямо на дороге» (K71:234). См.: **Воин**.

Кролик. «Чтобы поймать его, нам нужно расставлять силки... так что он разобьет наше сердце. Тогда мы подумаем: «А! Ради нас он делает нечто весьма особенное...» Если ему суждено попасть в сеть... если Он приказал ему сделать это, я пойду за ним... И вот он уже в силке, он смотрит на меня и как бы говорит в это время: «Ох, смерть моя пришла!» И вот он ложится и по собственной воле вытягивается передо мной... Он взывает ко мне: «Я прощаюсь со своей жизнью и меркнут мои очи»» (Майерхофф, 1968:181; 1974:174). + «Он закричал мне, что кролик должен был умереть... Поскольку сила духа, которая направляет кроликов, привела именно этого в мою ловушку. Я взглянул на него; он посмотрел на меня... Мы обменялись мрачными взглядами... которые, как мне показалось, были наполнены молчаливым отчаянием...» (K72:114). «Он сказал, что смерть кролика — подарок для меня» (K72:115). См. также: **Время**.

Раден. см.: **Пенис**.

Рамачарака. см.: **Аткинсон**.

Ранг, см.: **Двойник**.

Реальность-а. «Проникновение в миры, отличные от нашего... приводит нас к пониманию того, что и наш собственный мир является культурным образованием. При этом мы, воспринимая другие миры, видим свой привычный мир таким, каким он есть на самом деле; таким образом, мы получаем возможность глобальной картины реального мира, существующего между тем, который образован культурой, и остальными мирами. Мы видим, каким выглядит этот реальный мир в действительности» (Уолтер Голдшмидт, K68:vii—vii). + «Он может *видеть* вещи такими, какими они есть в действительности» (K71:182,51). «*Видение* возникает лишь тогда, когда человек проникает между мирами — миром обычных людей и миром магов» (K72:300).

Реальность-б. «Голдшмидт понимает, какая интригующая головоломка заключена в словах дона Хуана... о трещине между мирами. Однако из этого Голдшмидт заключает, что через эту трещину мы можем получить общее представление того, «как на самом деле должен выглядеть... реальный мир». Мне кажется, что здесь мы имеем дело с примером извечной ошибки... такой вещи, как «реальный мир», на самом деле не существует; есть лишь тот мир, на основе которого делается подобное утверждение. Трещина — не что иное, как способность... обрабатывать информацию о бесконечном количестве миров, ни один из которых не является абсолютным» (Пирс, 1971:131; Р. де М., ПК:82—83,82н (ошибка); 121 — 122, 121н (истинная реальность); ЗДХ: глава 21 (Кеннет Миног указал на то же самое)). + «Я сказал, что только если кто-нибудь столкнет лбами две точки зрения, какому-нибудь пронице удастся проскочить между ними в реальный мир. Я имел в виду, что в собственную всеобщность можно проникнуть, лишь полностью понимая тот факт, что мир — это просто воззрение, независимо от того, принадлежит ли оно обыкновенному человеку, или шаману» (K74:240).

Реальность-в. В двух предыдущих случаях мы увидели, что дон Хуан вначале воспринял гносеологическую ошибку Голдшмидта, а затем, под воздействием Пирса, пересмотрел свои взгляды (под предлогом прояснения), чтобы частично сохранить утверждение Голдшмидта и вместе с тем ликвидировать ошибку.

Вспоминание. «Платон сказал, что все знание заключается в воспоминании» (Кастанеда—Крэйвенсу, 1973а:94). + «Наш практический опыт восприятия мира всегда является воспоминанием такого опыта. Мы вечно заняты воспоминанием только случившегося, только что ушедшего мгновения» (K74:53). См. также: **Прыжок**.

Красный. «Мои глаза были закрыты; перед ними начал раскрываться большой черный водоем... Я смог увидеть красное пятно... и совершенно непривычный запах... в различных частях моего тела почувствовалось сильное тепло — это было необыкновенно приятно» (Суэйн, 1963:232). + «Острый запах воды. Она пахла тараканами... Мне стало очень жарко... Перед глазами возникла красная точка... «А что произошло бы, если бы я не увидел красного цвета?» — «Ты бы увидел черный цвет; это плохой знак»... «Что происходит с теми, кто видит красное?» «Их не тошнит, а корень приносит им ощущение наслаждения»» (K68:40—41). См. также ЗДХ: глава 2.

Богатый. «*Мара'акаме* богат, очень богат — самый счастливый человек в мире, но владеет очень малым. Он — самый нищий, но богаче всех» (Майерхофф, 1968:94; 1974:97). «Несмотря на великие лишения, они не считают себя несчастными... Они обладают эстетическим, духовным богатством. Они никому не завидуют, [но] жалеют тех, кто живет не так, как они» (1968:305; 1974:263). + «Ты считаешь, что твой самый богатый мир поможет тебе стать человеком знания?»... Тогда как ты можешь испытывать сострадание к этим детям?... Каждый из них мог бы стать человеком знания. Все люди знания, которых я знаю, напоминали детей, которых ты видел: они подбирали объедки и смахивали крошки со стола» (K71:32).

Поднимание. «Откинув голову назад, я мысленно пожелал себе убраться из этого места... Я рванулся вверх, подобно ракете... Я почувствовал, что стою» (Суэйн, 1963:226). + «Подняться на ноги — это действие оказалось, вероятно, самым необычным из того, что я проделал в ту ночь. Я мысленно заставил себя встать!» (K68:99).

Грызун. Брат Марии Чоны начертил на земле круг, подобрал несколько гладких камешков, поплевал на них, затем подбросил один камешек в воздух. «Он упал в крут, и стало казаться, будто это птенец куропатки пытается проклюнуться из яйца. Мы видели его глаза и клювик; он кричал и пытался удрать». Затем брат повторил представление с другим камнем. Наконец, он поднял их с земли, поплевал на них — и камни снова стали камнями (Андерхил, 1936:24; рецензия Кастанеды, осень 1962 г.). + «Вот в чем заключается творчество», — произнес дон Хуан — и на его раскрытой ладони появился грызун, напоминавший белку, с хвостом, как у дикобраза, с очками вокруг по-японски узеньких глазок и мехом, который наощупь показался Карлосу мягким. Затем грызун вырастает за пределы поля зрения Карлоса и вскоре Кастанеда обнаруживает, что стоит на ногах, хотя совершенно не помнит, что он вставал (K74:141—142).

Регулярные действия. см.: **Остановка.**

Роу. см.: **Ящерица.**

Правило. «Дабы поддержать добрую волю своей силы, шаман должен соблюдать ее правила. Человек, который пренебрегает условиями соглашения между ним и его частью силы, подвергается риску отвратить силу от себя и даже вызвать ее враждебность... Если шаман допускает ошибку... сила дает ему еще один шанс. Но если он будет ошибаться все время, он может заболеть и умереть» (Оплер, 1941:207). + «У союзника было правило... Это правило было безоговорочным... У союзника была способность... воздерживаться от разрушительного, как правило, фатального результата от неподчинения этому правилу. Считалось, что подобная гибкость являеся следствием прочной связи, привязанности союзника к последователю» (K68:155—156). См. также: **Человек Знания.**

Райд. см.: **Прыжок.**

Мешки, см.: **Узнавание, Делание, Безумие, Глосс, Механизм.**

Сепир. см.: **Соглашение, Описание, Глосс, Порядок.**

Видение. «Мы должны учиться эффективно управлять словами, но в то же время мы должны хранить и, при необходимости, усиливать свою способность смотреть на мир прямо, а не через наполовину мутное скопище понятий, которое искажает каждый определенный факт, превращая его в слишком уж знакомое подобие какого-то наиболее общего ярлыка или абстрактного объяснения» (Хаксли, 1954/1963:74). + «Когда ты учишься, ты можешь по-разному *видеть* каждую отдельную деталь мира... Когда ты смотришь на вещи, ты не *видишь* их — ты просто смотришь на них... каждый раз, когда ты смотришь на них, они кажутся тебе практически неизменными» (K71:50). «Умение *видеть* — не предмет для разговора»

(K71:130). «Нет совершенно никакой возможности говорить об этом *.Видение...* изучается лишь с помощью *видения*» (K71:207). Соответствие отмечено Хиласом, (1972: 135).

Я-а. «Мы доходим до понимания того, что *Я* является сложным и непостоянным и что я *именно как Я* не существует» (Дэвид-Ноэль, 1932:277). + «После каждого из этих взаимно согласованных взглядов мое *Я* распадалось, в очередной раз превращаясь в ничто» (K74:263).

Я-б. «Я напоминает точку... С психологической точки зрения эта точка должна мгновенно переместиться в «ничто» пустоты... Теперь эта точка находится везде; она наполняет собой все вокруг, как будто речь идет о круге, не имеющем окружности. Точка «Я» лишается своего крайне условного содержания; теперь вместо нее появляется бесконечное количество таких же Точек «Я»... И каждая из этих Точек «Я» — это мое «Я»» (Судзуки, 1972:50—52). + «Я был самоосознание... Я неожиданно обнаружил, что стою на скале... У меня вновь появилось чувство, будто меня перемешивают, вращают, будто я падаю вниз с умопомрачительной скоростью... Милого сердцу единства, которое я называл «Я», больше не существовало. Не было ничего, но это ничто было наполненным... Я представлял собой мириады я, каждое из которых было мной» (K74:261—262). Соответствие отмечено Форишей (1978:34). См. также: **Пропать, Осознание.**

Я-в. 14 февраля 1969 года Гарольд Гарфинкель проводил семинар в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе. На этом семинаре Хьюстон Вуд рассказал о головокружительном, мистическом ощущении наподобие описанного здесь в подпункте **Я-б**. Это достигалось за счет использования процедуры разрушения реальности, называемой «Кодирование Зато». В процессе кодирования мир превращался в «пчелиный рой», наполнявший исполнителя. (Меан и Вуд, 1975:231—232,253). Кастанеда, который в январе- марте 1969 числился аспирантом, был в числе участников семинара (ПК:178).

Шерон. см.: Стол.

Пастух. см.: Искры.

Щиты. Фюрст (1965:38; 1966:327) описывает шамана, несущего «большой прямоугольный щит», чтобы защитить себя от сверхъестественных противников. + «Воин сам выбирает те предметы, из которых будет состоять его мир... каждый из выбранных им предметов представляет собой щит, который предохранит его от нападения сил, коими воин намерен воспользоваться. Воин должен пользоваться своими щитами, чтобы защищаться от своего союзника» (K71:260; см. также 264, 271). См. также: **Воин.**

Знаки. «Истолкование значения знаков... почти постоянно занимало Росалио. Редкое событие оставалось неистолкованным» (Моисей и другие, 1971:xxxі). + Дон Хуан толкует рев военного истребителя (K72:23), бульканье кофейника (K72:24—25) и шум катящегося камня (K72:42) как соглашение с миром. Он также истолковывает полет и крик ворона (K72:39, 41), находку в виде куста (K72:179) и свет солнца (K72:185—186, 189) как предзнаменования.

Сестры. Кое-кого из ведьм помладше рангом дон Хуан называл «эрманитас» — *сестрички* (K77:72), что звучит пародией на название ордена католических монахинь «Эрманитас де ла Каридад», или «Сестрички Милосердия».

Дым-а. Подпись под фотографией: «*Знахарка* Мария Сабина окуривает грибы дымом ароматических трав» (Уоссон, 1958:221). + «Он сказал, что функция листьев и цветов заключается в том, чтобы подсластить смесь дыма с [грибами]» (K68:55; см. также ПК:61,61и-курение грибов; Поллок, 1975:77).

Дым-б. «Продавец курительных трубок... готовит табак... хорошо смешивает его с цветами... и грибами» (Диббл и Андерсон, июль, 1961:88). + «Его личный союзник жил в *умито* (дымке); однако, сказал он, это не подвигло его детально разобраться в природе дыма» (K68:33; изложение 20 августа 1961). «Он сказал, что функция листьев и цветов заключается в том, чтобы подсластить смесь дыма... «Настоящий секрет этой смеси — в грибах», — сказал он» (K68:55; изложение 27 января 1962 г.). Отметив это соответствие, Уоссон (1980:209) с характерной ему иронией заметил: «Из моего личного опыта пребывания в Месоамерике* мне неизвестны случаи курения священных грибов. Поэтому, прочитав... что дон Хуан добавил *онгитос* (грибочки) к смеси для курения, я отнесся к этому скептически. Вот вам авторитетнейшее мнение о тексте Кастанеды». В последствии утверждение Кастанеды о том,

что курение грибов подобным образом дает психоделический эффект, оспаривалось и другими авторами (к примеру, Поллоком, 1975:77 и Зигелем, 1981).

* Месоамерика — страны центральноамериканского региона. - *Прим. перев.*

Маг. «Врачеватель, применяющий палочки... мог убить человека, просто сказав: «Я хочу, чтобы этот человек умер»... Врачевателя-колдуна... обвинили в том, что он умертвил невероятное количество людей, особенно женщин... Когда ему хотелось женщину, он начинал ей угрожать. Если она все же отказывалась сделать то, что он от нее хотел, колдун убивал ее... Наш народ был в ярости... мы наняли двух человек... чтобы они подстерегли и убили его» (Стюард, 1934:426—427; в рецензии Кастанеды осенью 1962 г.). «Мой благодетель... мог одним лишь взглядом наслать на человека смертельную болезнь. Женщины торопливо прятались, стоило ему взглянуть на них. И все же он не насылал хвори постоянно — лишь тогда, когда дело касалось его личной силы» (K72:153). «Соплеменники ненавидели и боялись его, всячески пытаясь сократить его дни; с другой стороны, необъяснимые и несокрушимые силы, которые окружают каждого из нас... являются для мага источником гораздо большей опасности» (K72:258).

Маг-б. «Волшебник (*наоалли*) — это мудрый человек, советчик и человек, достойный доверия... Добрый волшебник [*ин куалли наоалли*] заботлив; это честный и открытый человек, стражник. Каким бы хитрым он ни был, он всегда внимателен, заботлив и готов прийти на помощь. Он никогда не принесет вреда другому человеку. Злой волшебник [*ин тлауэллилок наоалли*] [является] вершителем [злых дел], колдуном» (Диббл и Андерсон, 1961:31). + Антропологи (такие, как Билз, 1978:357—358; Майерхофф, ЭДХ:342) возражали против того, чтобы Кастанеда называл дона Хуана магом, поскольку ему явно не хватает сценического антуража, характерного для волшебников Месоамерики: напуганных соседей, односельчан-недоброжелателей, хворающих жертв и демонических помощников. В самом деле, «он никогда и никому не принесет вреда», он напоминает «доброе волшебника», которого, кажется, можно повстречать лишь на страницах «Флорентийского кодекса» под именем *наоалли* (отсюда дона Хуана называют «Нагвалем») (K77).

Душа. «Широко распространена мысль о том... что волшебник злоупотребил душой... и спрятал ее в потаенном месте; нередко вернуть душу обратно можно лишь после жестокой битвы... это находится в исключительной компетенции шамана, ибо только он... “знает... те места, где можно спрятать душу”» (Фюрст, 1965:69; 1966:405). + «Он собирался уйти, чтобы найти того, кто украл мою душу, и вернуть саму потерю — если это возможно» (K68:132). «Ты выиграл и получил свою душу обратно. Это был хороший бой» (K68:139). См. также: **Харнер-к, Воин.**

Искры. «Я могу высечь искры из кончиков моих пальцев... Когда я щелкаю пальцами, из них дождем сыплются искры» (Шеферд, 1967). + «Когда она щелчком раскрыла пальцы, оттуда вылетел сноп искр... когда она превратила собственную мочу в поток красноватых искр» (K77:142,138).

Скорость. Источник не обнаружен. + «Ты не мог увидеть [духа], потому что ты не обладаешь скоростью» (K71:273).

Вращение. Относительно возможного влияния К. С. Льюиса на Союзника дона Хуана — см. ПК:86—88.

Ловец Духов. «Рогатая фигурка... В правой руке она держит что-то вроде пращи или веревки, обмотанной вокруг левой руки» (Фюрст, 1965:36). «Веревка, с помощью которой все эти фигурки притягивают левую руку к правой, вероятно, не просто праща, а скорее “ловец духов”» (Фюрст, 1965:39, 1966:332—333); сверхъестественные свойства этой веревки были подтверждены и Рамоном Мединой (Фюрст, по телефону 5 мая 1978 г.). «Тогда Рамон положил один конец тетивы из оленьей кожи в рот; затем, используя рот в качестве резонатора, зажал другой конец тетивы пальцами ноги и начал ритмически издавать вибрирующие звуки, проводя по тетиве стрелой (Майерхофф, 1968:155). «Он упирает лук одним концом себе в рот. Он извлекает этот древний звук, постукивая стрелой по тетиве. Так он разговаривает с теми, кто впереди, — с древнейшими, которые ожидают нас» — Рамон

(Майерхофф, 1968:196—197). «Музыка «вибрирующего лука» призвана сообщить сверхъестественным существам, что к ним направляются паломники, а также для того, чтобы ублажить Оленя-Пейот» (Фюрст, 1972:147, также 160; лекция в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе весной 1970 г.). + «Потом он взял из своей котомки нечто вроде веревки беловатого цвета. Она выглядела, как большое кольцо. Надев кольцо себе на шею, он натянул его левой рукой. Правой рукой он начал пощипывать струну; возник странный, вибрирующий звук... Он сказал, что, если ко мне приблизилось нечто угрожающее, я должен занять положение для битвы» (K71:195—196). «Что это была за струна, на которой ты играл, дон Хуан?» — «Это Ловец Духов» (K71:198). «Теперь давай вызовем духа водоворота» (K71:201). «Вынув струну из сумки, мужчина намотал ее себе на левую руку» (K71:225). «Союзник показал тебе ловца духов, которого он вынул из мешка. Если ты собираешь призвать его, тебе нужен такой же» (K71:273). «Он обернул ее вокруг левой руки... Сегодня он опять хотел показать тебе ловца духов» (K71:274). Для примеров, см. ЗДХ: конец главы 6. См. также: **Битва, Метеоризм, Воин.**

Сталкинг-а. «Партия направилась через пустыню... Все были тихими и мрачными, внимательно разглядывая почву под ногами в поисках следов оленя или пейота... Поведение в точности соответствовало сталкингу» (Майерхофф, 1968:169—170; 1974:152—154). «Это напоминает охоту. Все соблюдают тишину, разговаривают шепотом и стараются неслышно ступать, — чтобы не допустить ни малейшего шума, чтобы не побеспокоить пейот» (Майерхофф, 1968:215). + «Можно ли использовать сталкинг для определения собственных слабостей, Горда?» «Точно так же, как и при обычной охоте. Представь себе свои привычные действия, пока не узнаешь все, что делают твои слабости; потом иди по следу и подбирай их, как будто вынимаешь кроликов из силка» (K77:221).

Сталкинг-б. «Гурджиев часто говорил, что те, кто выполняет Работу, должны уметь быть невидимыми» (де Ропп, 1979:359; кроме того, см. ЗДХ: глава 1). + «Она занимается искусством сталкинга... Нагваль научил нас выслеживать людей так, чтобы они не замечали этого» (K77:102). Дон Хуан и дон Хенаро «научились быть невидимыми... Они знали искусство сталкинга» (K77:200). См. также: **Толтеки.**

Стюард. см.: **Ванна, Жук, Олень, Маг.**

Стюарт. см.: **Тело, Сновидение.**

Остановка. «Как за «происходящим», так и за этнометодологической демонстрацией стоит общий для них импульс — остановить рутину, произвести остановку мира и времени» (Голднер, 1970:392). + «Чтобы стать охотником, ты должен разрушить в своей жизни все привычное» (K72:100). «Чтобы *остановить мир*, ты должен прекратить *делание*» (K72:228). См. также: ЗДХ: глава 40; ПК: 101—102.

Солнечные лучи. Шаман из племени мескалери говорит: «Эта паутина представляет собой канаты, которые плетет солнце... мерцающие в паутине искры солнца — это огонь, пожирающий тебя...» Оплер (1969:113) отмечает: «Ассоциация между паутиной и солнечными лучами возникает в целом ряде ритуальных контекстов». + «Посмотри на меня внимательно, — сказал он. — Солнце стоит почти в нужном месте». И он объяснил, что в полдень солнечный свет может помочь мне *не-делать*» (K72:240). «Скосив глаза, я мог увидеть целый горный хребет, который выглядел хитросплетением световых волокон... паутиной из свега... Я вновь скосил глаза и вновь увидел ту же паутину световых пучков» (K72:241). «Солнце было уже почти над линией горизонта. Я смотрел прямо на него и затем увидел «линии мира»... Я почувствовал какое-то тепло и спокойствие, истекавшие из внешнего мира и моего тела» (K72:298). См. также: **Линии Мира.**

Судзуки. см.: **Вне пределов, Я.**

Суэйн. см.: **Пузырек, Окончание, Светящийся, Красный, Поднимающийся, Универсальный язык, Обманутый.**

Стол. Антрополог из Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе Дуглас Шерон (1978:144—148) сравнивает сакраментальную *меса* (стол по-испански) перуанского шамана Эдуардо с ресторанным столиком, на котором дон Хуан объяснял смысл *нагваля* и *тоналя* (K74: см. АГ: **Нагваль, Тональ**). «Создается впечатление, — делает вывод Шерон (148), — что между

учением дона Хуана и системой символов у Эдуардо имеется значительное структурное сходство». Шерон (144) допускает возможность (в отличие от Р. де М., который это утверждает), что книги о доне Хуане являются художественным вымыслом; по при этом он проглядел вероятность того, что стол у дона Хуана не только сходен с *месой* Эдуардо (это возможно, если шаманы думают сходным образом), но и *основан* на более раннем описании *меси* у Шерона (Фюрст, 1972:123—130). Добавим, что это могло быть, если бы Кастанеда перерыл все новые публикации своих друзей из Калифорнийского университета (см. АГ: **Бин, Фюрст, Майерхофф, Орона**). В книге «Второе кольцо силы» Кастанеда подробно разрабатывает «столовую» схему (K77:282—283). См. также: **Бауман**.

Вещь. «Эдмунд Гуссерль, основатель современной феноменологии... хотел изменить направление философского познания «на сами вещи», на феномен сознания» (Мак-Кинни и Тиракян, 1970:18). Карлос беседовал о Гуссерле с доном Хуаном (Кин, 1972:92; 1976:75), однако интерпретация Рамона оказалась более простой: «олень, пейот и маис суть едины», «это говорит само за себя» (Майерхофф, 1968:183). + «Мой ловец духов — дикий кабан». — «Ты хочешь сказать, что твой ловец духов сделан из шкуры дикого кабаа?» — «Нет! В жизни мага пет ничего, сделанного из чего-либо другого. Если у него что-то есть, то это сама вещь» (K71:273).

Тибетский. «If-If адаптировал учебник на основе тибетской «Книги Мертвых», чтобы направлять движение использующих наркотик но “безграничным новым реальностям в состоянии расширенного сознания”» (Коблер, 1963:35). + «Жители Тибета... должно быть, понимают: то, что они *видят*, не имеет вообще никакого смысла; поэтому они написали всю эту белиберду, так как для них она не имеет вообще никакого значения» (K71:235). См. также: ЗДХ: глава 39; АГ: **Смерть**.

Щекотка. При приеме галлюциногенного вещества *Эбена* возникает «сильное покалывание или ощущение щекотки в верхней части черепа» (Фюрст, 1976:152). + «Щекочущее ощущение в верхней части головы остановило меня... в тот самый момент, как я почувствовал щекочущее ощущение в голове, мои мысли начали куда-то исчезать» (K77:86).

Время. «Мы подошли к месту, где стояли сотни тысяч свечей... [Иисус] остановился и произнес: «Вот твоя свеча. Она очень длинная и все еще горит». Много свечей вокруг уже догорели до самой земли. “Видишь эти свечи? — спросил он. — Они принадлежат живущим на земле, время которых подошло к концу”» (Моисей, 1971:90). + «"Время этого кролика вышло", — интонация дона Хуана поразила меня: она была столь авторитетной, она так свидетельствовала о его знании, что в моем мозгу не возникло ни малейшего сомнения — он знал, что время, отпущенное кролику, подошло к концу» (K72:114). См. также: Кролик.

Тирсо. см.: **Дон Хуан**.

Толтеки. «Рамон объяснил, что искатели пейота, или «пейотерос», были Древнейшими, возвращавшимися к себе домой» (Майерхофф, 1974:21). «Паломники были Древнейшими; под таким именем они знали друг друга» (Майерхофф, 1974:136). + «А разве Нагваль случайно не говорил тебе, что толтеки были древним народом, который некогда жил в этой части Мексики?» «Мы — толтеки... Во всяком случае, мы убеждены, что это так» (K77:181). «Маг становится толтеком, когда причащается к тайнам stalking и *сновидения*» (K77:239); это утверждение убедило Р. де М. в правоте Стивена Рено (1978:590), который предсказывал, что в своем шестом писании Кастанеда будет исследовать искусство stalking. См. также: **Сталкинг**. Историческое предисловие к сделанному Кастанедой запоздалому открытию толтеков в учении дона Хуана заключается в следующем: много лет назад в Конгрессе США проводились слушания о признании яки индейцами, проживающими на территории Соединенных Штатов Америки. Тогда некоторые лидеры племени яки пытались доказать, что яки являются мифическими потомками толтеков, обитавших в доисторические времена на землях, ныне принадлежащих штату Аризона. Антропологи отказали индейцам яки в праве считать себя потомками толтеков (Письмо от 8 апреля 1979 г. от Стивена Мюррея, в котором он сообщает информацию, переданную ему Эдвардом Г. Спайсером).

Тональ. «Тональ — это дружественное животное, или судьба... весьма подвержен стремлению украсть и особенно — заболеть» (Адамс и Рубель, 1973:336; см. также: Фостер, 1944). +

«Считалось... что *тональ* — это нечто вроде охраняющего духа — как правило, животное, которое ребенок получал при рождении и с которым он оставался тесно связан до конца своей жизни (K74:121). Проигнорировав привычное определение, данное Карлосом, дон Хуан переопределяет *тональ* как дополнение к его метафизическому *нагвалю*: «*Тональ* — это не животное, которое охраняет человека... *Тональ* — это общественная личность... организатор мира, [он] является всем, что мы знаем... всем, с чем сталкивается наш взгляд... [Он] возникает при рождении и заканчивается со смертью... [Он] является создателем, который не сотворит ничего... [Он] служит лишь отражением неопишуемого *Ничто*, наполненного порядком» (K74:122—125, 270—271; см. также ПК:117—118). См. также: **Бауман, Нагваль, Пирс-е-к, Стол.**

Универсальный Язык. «Я поднялся и заставил себя говорить. К моему удивлению, масатеки ответили мне по-английски... Позже мне рассказали, что для них моя речь звучала по-масатекски» (Суэйн, 1963:225). + «Попытавшись заговорить, я понял, что не могу... Я... слушал, о чем говорили мужчины. Они говорили по-итальянски... о глупости акул... Мне никогда даже в голову не приходило, что никто из них не говорит на итальянском языке» (K68:23—24).

Деревянность. «Сама деревянность деревьев» (Коблер, 1963:32). + «"Сущность" дерева» (K74:200). См. также: ЗДХ: глава 39.

Обманутый. «Это разозлило меня еще больше. Я почувствовал себя обманутым» (Суэйн, 1963:226). «Я решил... что это был обман с целью загипнотизировать меня (Суэйн, 1963:241). + «Не сердись. Это был самый обычный обман» (K71:256). «Мне в голову пришла мысль... что меня обманывают... что, возможно, они насмеются надо мной» (K72:283). «Я всегда считаю, что меня обманывают» (K74:28). См. также: **Коллапс.**

Мерцание. «Кандидаты в шаманы... должны отправиться «туда, где день встречается с ночью»» (Элиаде, 1964:485). + «Мерцание — это трещина между мирами» (K68:66,82; K74:286). См. также: **Трещина, Дверь.**

Андерхил. см.: **Койот, Грызун.**

Ван Иден. см.: **Тело, Двойник, Сновидение.**

Видения. «Существуют некоторые виды диких грибов... которые при употреблении их в пищу вызывают видения... практически всего, что только можно представить» (Уоссон, 1958:221). + «Дым [от грибов]... освободит тебя и ты сможешь увидеть все, что хочешь» (K78:56).

Воин. «Все без исключения так называемые «воины» стояли в боевых позах, всегда развернувшись влево, как будто предупреждая возможную атаку неприятеля с этой стороны... Я считаю, что это серьезный довод в пользу шаманизма и против «воинов»» (Фюрст, 1965:46; 1966:356—357). «Вооруженные надгробные фигурки из Западной Мексики на самом деле представляют собой не «воинов», а шаманских стражников, охраняющих усопшего от сил... отождествляемых со злом» (Фюрст, 1965:67; 1966:402). + «Выжить на тропе знания можно, лишь будучи воином» (K71:258; K72:315). «Я постарался показать тебе эти силы так, как их воспринимает маг, потому что лишь под ужасным воздействием этих сил можно стать воином... Дух воина направлен лишь на битву, и каждая такая битва является последним сражением воина на земле» (K71:259; см. также K72:112—113). См.: **Битва, Слева, Человек Знания, Защищенный, Щиты, Душа.**

Уоссон. см.: **Осознание, Лай, Трещина, дон Хенаро, Рай, Человек знания, Дым, Видение.**

Водопад-а. Когда Майерхофф рассказала Кастанеде о Рамоне у водопада, Кастанеда тут же рассказал Майерхофф о случае у водопада, происшедшем с Хенаро (хотя Карлосу и Хенаро не суждено было встретиться еще на протяжении двух лет) (см. ЗДХ: глава 42, Вступление и Примечания; ПК:112—113).

Водопад-б. На одной из сделанных Майерхофф фотографий (1974:45) видна полукруглая туманная тень на земле за спиной у Рамона. + «Прямо над нами висело громадное облако темно-голубого цвета... имевшее форму гигантского полукруга» (K71:124).

Ватсон. см.: **Туман.**

Волна. Понятия взяты из теории приливов и отливов. + Гигантская волна, поддерживаемая метафорической стеной. См. ЗДХ: глава 39.

Свист. «Мне показалось, что это жужжит какое-то насекомое, но я не был уверен, что слышал подобный звук когда-либо ранее. Казалось, что каждый раз звук возникает с другой стороны... крошечное, безобидное насекомое, самая лучшая приманка для дичи, которая только может быть у охотника-индейца» (Кордова-Риос и Лэмб, 1971:57—58). Рамон «приложил руки ко рту и издал свист, или зов оленя» (Майерхофф, 1968:146;1974:126). + «Неожиданно я услышал нежный свист. Этот звук был мне незнаком; еще никогда... я не слышал подобного звука... казалось, что он исходит одновременно с разных сторон... Я знал, что это — магическое существо, олень... которому известны повадки... охотников» (K72:102).

Уайт. см.: Человек знания.

Женщины Ветра. Фюрст и Майерхофф (1966:33) соединили направления сторон света (Север, Юг, Восток, Запад) с «четырьмя ветрами», а ветра, в свою очередь, весьма неубедительно увязали с божествами женского пола — «Ветрами болезней». Затем Майерхофф (1968:124,205; 1974:106) добавила к этой системе пятую точку — центр мира, — куда поместила индейцев уичолей. + Кастанеда описал четырех магических женщин ветра, расположенных соответственно частям света (K77:42—45); в середине оказался Карлос — «центр и связующая сила четырех сторон света», «средоточие силы толтеков» (K77:302—303). В книге Карлос впервые узнает об этих женщинах в 1976 году от доньи Соледад (K77:42—45), вскоре после того, как дон Хуан покинул этот мир (в хронологическом порядке — см. K74:11,267; K77:7—8); в действительности же Кастанеда рассказал своим ученикам в университете о женщинах ветра еще весной 1972 г., когда дон Хуан всюду учил Карлоса (Уоллес, 1972:140—141; ПК:157—158; см. также ЗДХ глава 43).

Свидетельствование. «На самом деле существуют вещи, которые невозможно облечь в словесную форму. Они *сами проявляют себя*. Они являются воплощением мистического» (Виттгенштейн, «Трактат», 6.522). + «Говорить об этом бесполезно. Что бы я ни сказал, будет звучать бессмысленно, поскольку... Дела *нагваля* можно засвидетельствовать лишь телом, но не разумом» (K74:158). «Нет никакой возможности обращаться к неизвестному... его можно лишь засвидетельствовать» (K74:266).

Виттгенштейн. см.: Границы, Смерть, Равный, Вечность, Пояснение, Лестница, Петля, Свидетельствование. См. также: ЗДХ; глава 35.

Лес. см.: Я-в.

Издательство "СОФИЯ" заинтересовано в творческом сотрудничестве с авторами, переводчиками, центрами: астрологическими, оккультными, эзотерическими; с частными лицами, а также с реализаторами книг.

Телефон в Киеве: (044) 265-09-40

**Пункт розничной продажи: Инженерный переулок, 4Б, магазин «Обрій»
тел. 290-04-12**

Представительство в Москве:

ООО "СОФИЯ—Москва", 109125, Москва, а/я 15, ул. Саратовская 8/1,

телефон (095) 919-87-07, 177-91-16.

e-mail: ina@sophya.kiev.ua

Корректурa

Е. Введенская Е.

Ладикова-Роева

Т. Зенова

Оригинал-макет

И. Петушков

Подписано к печати 21.06.96 г. Формат 84X 108¹ /₃₂.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Миньон».

Усл. печ. л. 18,00. Усл. краск.-отт. 18,00. Уч.-изд. л. 19,60. Зак. 7282.

Цена договорная. Тираж 5000.

«София», Ltd. 252055, Киев-55, ул. Горького, 47

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Книжной фабрике № 1 Комитета РФ по печати

144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.